

Я.М.Агарунов

БОЛЬШАЯ СУДЬБА МАЛЕНЬКОГО НАРОДА

Я.М. АГАРУНОВ

БОЛЬШАЯ
СУДЬБА
МАЛЕНЬКОГО
НАРОДА

(Воспоминания)

© Издательство «Чоро», 1995

ISBN 5-8497-0014-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге Якова Агарунова «Большая судьба маленького народа» речь идет об одном из национальных меньшинств, населяющих территорию бывшего Советского Союза, о горских евреях, называемых также еще и татами.

Один из древних народов Кавказа, некогда насчитывавший много десятков тысяч человек, веками испытывал на себе деспотизм разных поработителей, неоднократно становился жертвой погромов и гонений, национального и политического гнета, фактически был обречен на постепенное вымирание. В книге описывается, как при Советской власти в первые два послереволюционные десятилетия этот народ был возрожден и в исторически короткий срок, благодаря специально выработанным для него мероприятиям, был поднят до уровня передовых народов страны.

Объектом своего повествования автор избрал Еврейскую Слободу в городе Кубе (Азербайджан), так как по численности своего населения она была одним из самых крупных поселений, и по своей исторической судьбе, по характеру и течению послереволюционных преобразований в ней наиболее ярко было выражено то, что было типично для всех горско-еврейских поселений на Кавказе.

В книге говорится о том, какие меры принимались для ликвидации вековой отсталости и неграмотности этого народа, как готовились национальные кадры для руководящей работы, как создавались татский литературный язык и горско-еврейская литература, какими льготами пользовалась трудящаяся молодежь из числа горских евреев и пр. Подробно описываются Всесоюзные съезды культработников — горских евреев, проходившие в 1927 году в Москве с участием Надежды Крупской и в 1929 году в Баку под председательством Самед Ага Агамали-оглы. Всего через 10—15 лет народ, который не имел ни одного хорошо грамотного человека, обрел свою письменность,

стал выпускать учебники, художественную литературу и периодическую газету на своем языке и уже имел первый костяк высокообразованной интеллигенции.

Автор сам был участником этих послереволюционных событий и разрабатываемых в то время мероприятий как в рамках республики, так и во всесоюзном масштабе, и потому описывает их в стиле воспоминаний. Сохранившиеся в архиве автора документы и партийно-правительственные решения тех лет помогли ему настолько правдиво воссоздать факты и события, что эта книга, безусловно, имеет и историческую ценность.

Книга была написана в 1970 году и приурочена к 50-летию образования СССР, т.е. 25 лет она ждала своего издания. В 1972 году Институт истории Академии Наук Азербайджана принял решение публиковать книгу по частям в своем периодическом научном журнале, но автор с этим не согласился. С тех пор отдельные главы из этой книги появлялись в центральных республиканских газетах и в различных сборниках. Но выхода ее в свет в том виде, в каком она издается сейчас, автор так и не дождался: он умер в 1992 году в возрасте 85-ти лет.

За прошедшие четверть века, т.е. со времени завершения книги и до ее издания, произошли коренные изменения в политической жизни всех народов той страны, где проживают и горские евреи. Распался мощный Советский Союз, прекращена деятельность его коммунистической партии. Возможно, современному читателю покажется несколько странным издание в настоящее время литературы, в которой так восторженно говорится о первых шагах советской власти по формированию новой культуры национальных меньшинств. Конечно, можно было бы, исходя из модной сегодня тенденции охаивать «все и вся», что связано с мероприятиями советской власти, отредактировать книгу в духе сегодняшнего времени, сохранив лишь описание имевших место фактов и событий. Но, думается, мы поступили правильно, ничего не выправляя в рукописи — книга эта является историческим документом, и читать ее следует с позиций 70-х годов нашего столетия.

Однако и нам надо напомнить читателю об исключительном внимании к поднятию культурного уровня национальных меньшинств, проявленной советской властью в первое свое десятилетие. В постановлении 3-ей сессии ВЦИК XII созыва было записано: «Царское и буржуазное правительства искусственно задерживали рост национальных меньшинств. Задача советской власти — всемерно содей-

ствовать возможно быстрому устранению создавшегося резкого расхождения в культурном уровне различных народов, населяющих СССР». С этой целью было признано необходимым организовать так называемые нацменсекторы и в ЦК ВКП(б), и в Совете Национальностей ЦИК СССР. При коллегии Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) существовал Центросовнацмен — Центральный совет по просвещению национальных меньшинств РСФСР. В его задачи, помимо создания широкой просветительской сети (например, изб-читален в национальных глубинках), входили планирование и обеспечение бронирования мест в ведущих вузах для представителей национальных меньшинств, финансирование Центрориздата для выпуска на их языках учебной и художественной литературы и пр. и пр.

В отчете Центросовнацмена о состоянии народного образования среди национальных меньшинств за 1926—1927 г.г. в разделе «Народы Северного Кавказа» говорится, что «у татов вовсе не существовало письменности, если не считать религиозной литературы, которая писалась на языке чуждом и непонятном массам» (имелся в виду древнееврейский язык, в то время как таты говорят на одном из наречий языка фарси). Поэтому автор начинает свою книгу с описания беспросветной в недалеком прошлом жизни своего народа, ужасов, царивших в горско-еврейских поселениях в период гражданской войны. Темнота, бесправие, засилье суеверий — всему этому он был свидетелем. И резким контрастом той прошлой жизни отмечено появление огромной тяги татов к просвещению, как только они почувствовали заботу со стороны государства.

Первые послереволюционные события и первые партийно-правительственные мероприятия, сыгравшие решающую роль в преобразовании жизни этого небольшого народа, теперь почти забыты, а молодому поколению и вовсе неизвестны. Последние найдут в книге много ценного для здравого размышления. Автор книги, видимо, в течение всей своей жизни записывал по горячим следам то, что было связано с важными вехами в жизни своего народа, и поэтому многие страницы этой книги, отличающиеся и эмоциональностью, и точностью изложения, представляют, помимо всего прочего, и научный интерес для исследователей, изучающих историю горских евреев.

Интересно и подробно отражена работа по созданию татского алфавита и татской письменности, названы имена участников сложной дискуссии по этому вопросу. А ведь архивные документы не могут дать исследователям такой полной и эмоциональной картины!

Каждое событие в жизни горских евреев, которое автор считает важным и которому он уделяет внимание в своей книге, описывается обязательно с упоминанием имен его участников. Вообще, внимание автора к людям, принимавшим активное участие в преобразовании жизни горских евреев, боровшихся за коренное улучшение их жизненного уровня, повышение культуры, грамотности и пр., прослеживается в описании каждого факта, каждого мероприятия: имена этих людей должны остаться в памяти своего народа. Так решает автор.

Известно, что практически первое серьезное научное описание социальной жизни, быта горских евреев, их обрядов, ритуалов, жизненного уклада и др. дал Илья Шербетович Анисимов в своей книге «Кавказские еврей-горцы» после того, как в 1886 году он осуществил крупную по своим масштабам экспедицию по всем регионам их проживания. Никто более не только не проводил такого научного исследования, но, к сожалению, и не повторил пути анисимовского научного путешествия. А ведь именно последующий век насыщен был драматическими событиями, в особенности последние предреволюционные и первые послереволюционные годы. История горских евреев этого периода не освещена сколько-нибудь полно ни в одном исследовании, тем более ценны свидетельства очевидца, позволяющие по крупицам создать картину времени.

Частичная информация о советском периоде жизни горских евреев имеется в известных монографиях израильских профессоров Ицхака Давида и Мордехая Альтшулера. В 1993 году в Дагестане вышла монография Галины Мусахановой «Татская литература (Очерк истории. 1917—1990)». Одним из самых серьезных источников информации являются газеты, выходившие на татском языке: «Захметкеш» в Дагестане (1928—1938) и «Коммунист» в Азербайджане (1934—1938), ответственным редактором которой был Яков Агарунов. Но до сих пор так никто и не сумел проанализировать события, происходившие в горско-еврейской среде, опираясь на эти источники. То ли слабое знание татского языка, то ли труднодоступность материала этому помешали, но факт остается фактом: история жизни горских евреев послереволюционного периода освещена крайне скудно. Представленная читателю книга Якова Агарунова частично восполняет этот пробел и наверняка вызовет у исследователей необходимость обратиться к страницам упомянутых газет.

В постановлении Коллегии Наркомпроса, утвердившей резолюции упомянутого выше «Первого Всесоюзного совещания по куль-

турному строительству среди татов (горских евреев) СССР», проведенного в Москве в 1927 году, было констатировано:

«Горские евреи (таты) являются одной из самых культурно отсталых народностей. Основными причинами этой отсталости являются:

а) большая территориальная разбросанность татов при общей их малочисленности;

б) гонения и преследования со стороны царского правительства в прошлом, которым подвергались горские евреи, как вообще вся еврейская нация, отсутствие каких-либо забот этого правительства о культуре и просвещении татов и полное подчинение их влиянию духовенства...

В результате всего этого Октябрьская революция застает их без всякой развитой национальной культуры... Культурная отсталость татов настолько велика, что дальше откладывать вопросы их культурного строительства просто немыслимо... Стоят задачи массового просвещения татов, подготовки культурных сил в организации издательской работы как базы всей культурной работы. Необходимо проработать важный и принципиальный вопрос — о письменности и языке... Большим местом в работе среди горских евреев является недостаток культурных работников... стоят задачи подготовки новых кадров...»

Тому, какими путями разрешались эти задачи, и многим другим интереснейшим событиям в жизни горских евреев в первые после-революционные десятилетия и посвящена книга Якова Агарунова, непосредственного участника всех описываемых в книге событий, одного из инициаторов многих начинаний в области построения новой культуры, новой жизни горских евреев и одного из практических проводников этих мероприятий в жизнь.

Книга воспоминаний написана живо, манера повествования располагает к себе читателя, и мы надеемся, что многим из вас — не только историкам и этнографам — удастся найти в этой книге что-то свое, для себя, что-то полезное, важное, нужное...

Редакция

ОТ АВТОРА

В октябре 1970 года в Баку в издательстве «Гянджлик» вышла небольшая книга в красном переплете — сборник воспоминаний ветеранов комсомола Азербайджана. Книга эта называется «Юность наша комсомольская». В сборник включена и небольшая часть моих воспоминаний.

Через некоторое время после ее публикации ко мне обратились читатели — выходцы из Красной Слободы, а также и сами слободчане. Некоторые из них — бывшие комсомольцы моего поколения, а многие — молодые, из нынешнего поколения. Их — и тех, и других — заинтересовали имевшие место факты и события, происходившие в двадцатые годы в Слободе, и они очень просили, чтобы я более подробно рассказал об этих событиях и о мероприятиях коммунистической партии и Советского правительства, которые проводились тогда для ликвидации отсталости живущего там народа. Нелегко было удовлетворить эту просьбу, ибо человеческая память несовершенна, и непросто в моем возрасте «перенестись» в прошлое. Тем не менее я горячо взялся за этот труд, не будучи даже уверенным в том, что когда-нибудь его опубликуют.

В жизни любого человека бывают периоды, когда возникает потребность оглянуться назад, вспомнить пройденное и пережитое. Настало такое время и для меня. Я старался в кратком изложении рассказать читателям об этом небольшом, но весьма насыщенном событиями отрезке истории из жизни моего народа. Надеюсь, что читатели получат много новой информации. Я стремился показать, какой была Красная Слобода до установления советской власти, как шла борьба за первые социалистические преобразования, как, преодолевая серьезные трудности, выполняли свою миссию коммуни-

ты и комсомольцы и каковы были результаты. Речь идет о событиях, непосредственным свидетелем и участником которых был сам автор.

Ни один факт автором не выдуман и не приукрашен. Все они достоверны и публикуются впервые.

Эти мои воспоминания — не художественное повествование и не исторический трактат с научным анализом, а правдивый, подтвержденный документами рассказ о событиях, участником которых мне довелось стать. И все же думаю, что приведенные здесь факты помогут историкам восполнить некоторые пробелы и обогатить историю моего народа новыми подробностями.

Избежать субъективности мне помогли официальные документы. Они подтверждают мою оценку излагаемых здесь событий.

Еще одно замечание: часто в книге я выступаю в качестве действующего лица. Чтобы не выглядеть нескромным, мне пришлось опустить очень многое, иногда даже интересное, связанное со мной лично. Но совершенно избежать упоминания имени автора было невозможно, так как все же это — личные воспоминания.

Мне хотелось, чтобы читатель получил достоверное представление об атмосфере, в которой происходили описываемые события. Для того, чтобы читатель мог полнее уяснить значение тех социальных преобразований, которые произошли после Октябрьской революции среди горско-еврейского населения, необходимо хотя бы коротко рассказать о дореволюционном прошлом моего народа. Для этого я использовал имеющуюся на русском и азербайджанском языках литературу.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Объектом своего повествования я выбрал Кубинскую Красную Слободу (до 1926 года она называется «Еврейской Слободой») не только потому, что мне, уроженцу этой Слободы, свидетелю и участнику описываемых здесь послереволюционных событий, естественно писать именно о ней, но главным образом и потому, что она, Красная Слобода, как по численности своего населения, так и по своей исторической судьбе может рассматриваться как одно из наиболее характерных горско-еврейских поселений на Кавказе.

В конце прошлого века, точнее, в 1886 году, по официальным данным, на территории Российской империи существовало 34 поселения татов — горских евреев с числом домов 4090 и с населением 21 100 человек. А в Кубинской Еврейской Слободой, согласно этим же данным, было 822 дома с населением 6300 человек. Таким образом, в Слободы были сосредоточены 30% всех горских евреев, проживавших тогда на территории Российской империи (за ее пределами их вообще не было). Вслед за Кубинской Слободой по количеству горско-еврейских жителей идет Дербент — 213 домов и 1670 горских евреев, затем Грозный — 199 домов и 1594 горских евреев и Варташен — 213 домов и 1396 горских евреев.

Народ, который когда-то насчитывал много десятков тысяч человек и имел многочисленные поселения на просторах Апшерона, Ширванского, Кубинского, Дербентского ханств и даже дальше, в течение веков, в результате непрерывных гонений, погромов и резни, принуждения к переходу в христианскую и магометанскую религии, в результате всяческих притеснений, политического, экономического и национального гнета, к концу XIX века насчитывал всего 20 000 человек. И этот народ, обреченный на вымирание, на по-

степенное исчезновение с лица земли, был возрожден социалистической революцией, окружен заботой и вниманием Коммунистической партии и советской власти и в течение каких-нибудь пятнадцати лет мероприятиями, специально выработанными для него, поднят до уровня передовых народов страны.

О том, как шел этот поразительный, невиданный в истории взаимоотношений народов процесс, будет рассказано ниже.

Чтобы лучше понять причину, а также значение и результаты тех социальных преобразований, которые произошли среди моих сородичей после установления советской власти в Азербайджане (апрель 1920 года), необходимо хотя бы коротко напомнить читателю ту историческую обстановку, в которой они жили в течение долгих веков, рассказать, в частности, о прошлом слободчан.

«Чтобы правильно оценить настоящее, необходимо знать прошлое», — говорил А.М.Горький.

С древнейших времен жили в горах Кавказа, вернее, в ущельях этих гор, люди, потомками которых являются те, кого называют ныне горскими евреями — татами. Их история восходит к глубокой древности и теряется в тумане разных преданий. По преданию это были люди иудейского вероисповедания, и говорили они на одном из наречий фарсидского языка, называемом татским. Но «тат» не только название языка. Слово «тат» на джагатайском наречии тюркского языка означает «подданный» или «слуга». Тюркские кочевые племена называли так поработаемые ими оседлые народы.

Кем были эти далекие предки нынешних горских евреев, каково на самом деле их происхождение, в какое именно время они появились на Кавказе, каким изменениям подверглись в течение долгих веков — на все это предстоит ответить будущим исследователям.

Письменных свидетельств по этому поводу пока не обнаружено, а устные предания вытекают из мифических сказаний, исходящих из Библии.

У нас же по этому поводу бытуют, по крайней мере, три версии. Одни утверждают, что наши предки являются потомками хазар, которые в VI веке владели землями Дагестана и северного Азербайджана вплоть до Шемахи. Как известно, господствующей религией у хазар был иудаизм, а столица хазарского каганата — крупнейший торговый центр Семендер находился неподалеку от нынешнего аула Тарки в Дагестане. С именем «хазары», в частности, связывается борьба с арабскими завоевателями и ряд других вех в истории северного

Азербайджана и Дагестана, на территории которых и исторически, и фактически были расположены, а отчасти и сейчас существуют поселения горских евреев-татов.

Не меньше оснований у версии других исследователей, которые считают, что наши предки являются прямыми потомками древних обитателей Азербайджана — огнепоклонников, которые позже, вследствие каких-то исторических перемен, перешли в иудаизм, тогда как другая их часть потом под влиянием нашествия арабов приняла ислам. В доказательство приводятся бытующие и поныне обычаи, обряды и ритуалы, связанные с поклонением огню («*həmiǰasali*», «*şəhəm*»¹ и т.д.: танцы вокруг огня, прыжки через костер; люди просят прощения у Бога, когда вода гасит огонь, и т.д.).

Некоторые ученые, а также большинство верующих с раввинами во главе считают, что горские евреи являются потомками тех иудеев, которые в VI веке до нашей эры были выведены в плен или в рабство персидским царем Киром из рода Ахеменидов после завоевания им Вавилонии и Иудеи.

По всей вероятности, все эти версии имеют под собой историческую основу, и наш народ формировался, возможно, из разных племен, объединенных потом одной общей религией. На эту мысль наводит и структура Красной Слободы, имеющая более чем 250-летнюю историю. Слобода со времени своего основания, да и сейчас разделена на «махалла»², названия которых говорят о том, что сюда в разное время переселились разные племена из разных областей, имеющие общую религию — иудаизм.

Но если даже брать за основу последнюю версию, то это было 2500 лет тому назад. В течение 25 веков связь между поколениями (и их преемственность) много раз прерывалась многочисленными войнами, неприятельскими нашествиями и завоеваниями. Социальные условия, влиявшие на наших предков, за это время изменили, несомненно, уклад их жизни, внешний облик и даже язык, и они восприняли характер, черты, уклад жизни и язык тех народов, среди которых жили в течение этих долгих веков.

Теперь обратимся к письменным источникам. У самого этого народа никаких письменных источников о своем прошлом, о своем историческом происхождении не сохранилось. Никто из исследователей Кавказа до семидесятых годов XIX века не занимался специ-

¹ Звук «h» произносится так же, как и в английском языке, а звук «h» — более гортанный; ə — звук, похожий на немецкий ä.

² Махалла — квартал.

ально изучением горских евреев как народа, и лишь немногие путешественники говорили о нем мимоходом при описании других народов Кавказа. Лишь в конце XIX века, занимаясь впервые изучением и проблемой «еврейско-татского языка», а в связи с этим и происхождением людей, говорящих на этом языке, профессор Всеволод Федорович Миллер — председатель этнографического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — разыскал, изучил и систематизировал все письменные документы, которые существовали к этому времени, в том числе свидетельства древних авторов. В своих публикациях «Материалы для изучения еврейско-татского языка» и «Очерк фонетики еврейско-татского наречия» он пытается внести некоторую ясность в историю происхождения горских евреев — татов (об этом коротко говорится также и в других его трудах).

Приведем вкратце выдержки из его публикаций. «Горскими евреями (Даг Чуфут) называются кавказские евреи, живущие в аулах и некоторых городах Дагестанской, Терской, Кубинской областей и губерниях Бакинской и Елизаветпольской и говорящие наречием татского языка, одного из новоиранских. Общее число этих горских евреев по сведениям, собранным И.Ш.Анисимовым в 1886г., в то время доходило до 21 тысячи душ обоего пола, но есть указания на то, что несколько столетий тому назад число еврейских поселений на восточном Кавказе было гораздо более значительным. Что касается времени поселения евреев, то из свидетельств некоторых арабских писателей можно вывести, что арабы при завоевании Дагестана в первой половине VIII века уже застали там евреев в значительном числе. Но в какое именно время предки нынешних горских евреев явились на восточном Кавказе, об этом их потомки не сохранили ни письменных свидетельств, ни устных преданий. Они вполне уверены только в том, что происходят от евреев, которые были выведены из Палестины еще ассирийскими царями и не участвовали в построении нового Храма в Иерусалиме. Трудно решить, основана ли эта уверенность на пережившей ряд столетий народной традиции или является позднейшим домыслом раввинов, выведенным из свидетельства Книги Царств (IV, XVII, 6), что после взятия Самарии ассирийским царем Саргоном израильское население было отведено в плен и поселено в Калахе (в Ассирии), на р.Хабуре (в Сузиане), на р.Гозан и в горах Мидийских». (Везде выделено мною. — Я.А.)

«Во всяком случае присутствие еврейского элемента в населении Мидии в древности не подлежит сомнению. В той части ея, которая

впоследствии называлась Атурпатаканом, а в настоящее время известна под названием Азербайджана, несомненно, существовало значительное еврейское население, в котором можно видеть предков кавказских евреев».

«Так, по словам Витсена, составившего свое описание северной и восточной Татарии в 1690 году, в сел. Бойнаке и татарских (лезгинских) княжествах были тысячи евреев... Особенной известностью, как прежнее поселение евреев, пользуется устье Джиут-Гатта, или Дерей-Катта, в котором в недалеком друг от друга расстоянии были расположены лет 300—400 тому назад семь еврейских аулов (Дих-Шолум, Кардаши, Дих-Хаклой, Дих-Урмен и др.)».

«В селении Курдеване, лежащем в 30—40 верстах от Шемахи, находится... на севере от развалин стены, называемой Гяур-Кала (Крепость неверных), старинное кладбище, которое туземцы называют еврейским... На кладбище сохранились доселе плиты с еврейскими надписями... В сел. Ругжами, или Аракан, лежащем верстах в 20-ти от Темир-хан-Шуры... у мусульман хранится одна еврейская книга, перешедшая к ним от предков евреев... Такая же книга хранится в мечети в селении Ахты (Кюринского округа). По рассказам жителей аула их предки были евреи». Известно древнее поселение евреев Кулькат близ города Кубы. От этих указаний поздних времен перейдем к указаниям более древним. Неоспоримым фактом является свидетельство «Дербент-наме» о том, что большая часть Табасарана была населена евреями.

По словам арабского историка Масуди (X век), в области Заргеран (ныне аул Кубачи) население состояло из христиан, мусульман и евреев. По свидетельству историка Ибн-Хаукаля (X век), в городе Семендер (ныне аул Тарки) среди мусульман и христиан жили и евреи, имевшие там свои синагоги. В письме испанского еврея Хосея ибн Шапрута к хазарскому царю Иосифу (960 год) сказано: «Предки наши рассказывали нам, что место, где они жили прежде, называется гора Сеир». Это подтверждает и Масуди. Вот имена хазарских царей: Обадия (Авадя), Хизгияу, Менашер, Хануко, Исаак, Забулон, Менашир II, Нисим, Аарон, Иосиф — все это чисто еврейские имена. Принял иудейство хазарский царь Булан (приблизительно в 740 г.). Масуди утверждает, что иудейство среди хазар распространяли евреи, бежавшие в Хазарию из Византийской империи во времена Харуна-аль-Рашида.

Путешественник Эльдал Ха-дани, живший во второй половине IX столетия, пишет, что по горам у берега моря Каспия на границе

Персии и Мидии (Азербайджан) существовало значительное еврейское поселение, видимо, оно и стало колыбелью кавказских евреев. «Разговаривают они на святом (т.е. еврейском), персидском¹ и кедарском² языках». Значит, тогда, еще в IX веке, в этом нет сомнения, предки нынешних горских евреев говорили на татском языке. Еврейский язык был для них языком религии, а разговорным языком — татский. Эти мидео-персидские евреи, в достоверном существовании которых нет оснований сомневаться, могли быть местными. Но если даже считать их пришлыми (т.е. если судить по Библии), то они здесь находились, наверное, в течение многих столетий, усвоили язык, быт, нравы местных народов до такой степени, что еврейский язык стал для них лишь языком религии.

По словам В. Жуковского (см. «Материалы для изучения персидских наречий», часть 1-я), «наряду с туземным арийским населением Персии староперсидский язык удержала и семитская горсть — евреи... Евреи из Шираза не понимают языка исфаганского еврея, кашанского, тегеранского и т.д. Этим языком они всегда говорят между собой и называют его «забони имрани» — «язык имрани»³.

Далее В. Миллер пишет: «С падением хазарского царства в начале XI века и с распространением мусульманства на северо-восточном Кавказе условия жизни для кавказских евреев становятся крайне тягостны... До нас не дошло никаких отрывков из скорбной летописи жизни евреев на восточном Кавказе от X до XVIII века...» «По сведениям капитана Гербера (1728 г.), который говорит о поселениях евреев в Кайтаке, Ширване, Рустове, Кубе, Шемахе, «они находились в очень угнетенном состоянии, и число их постоянно уменьшалось в результате притеснений».

В этом своем труде проф. В.Миллер упоминает И.Анисимова и несколько раз ссылается на него. Кто он такой и чем он заслужил такое внимание?

Илья Шербетович Анисимов — наш сородич, тат — горский еврей, уроженец аула Тарки (Дагестан), сын раввина Шербета Нисим-оглы. Первый из своих кавказских единоверцев (а, по-моему, и единственный) благодаря замечательной энергии (в те трудные времена, когда для еврейской национальности были установлены всякие ограничения, а горские евреи в своей массе были в основном неграмотны

¹ Т.е. татском. — Я.А.

² Т.е. тюркском. — Я.А.

³ Этот самый язык «имрани» и ныне существует в Слободе в г. Кубе, и я в молодые годы знал его. — Я.А.

даже в области своего родного языка) получил доступ в высшее учебное заведение. Летом 1886 года, будучи студентом Императорского технического училища, при содействии Московского Археологического общества И. Анисимов имел возможность объездить на Кавказе все горско-еврейские аулы и собрать весьма полные статистические данные о быте своих единоверцев. Зная по опыту условия путешествия в горах Кавказа и владея местными языками, И. Ш. Анисимов смог изучить такие стороны жизни горских евреев, которые трудно поддаются наблюдению путешественников-европейцев, и потому его очерки отличаются правдивостью и полнотой.

Он объехал 88 пунктов-поселений, т.е. все места, в которых в конце XIX века жили его сородичи. Как уполномоченный Императорского Археологического общества, он имел довольно широкий доступ в официальные учреждения, как единовец, он был принят радушно, и, как сын раввина, пользовался доверием своих сородичей. Поэтому его описания быта и нравов горских евреев весьма объективны и достоверны.

Свои наблюдения и выводы он представил в большой статье «Кавказские еврей-горцы» в «Сборнике материалов по этнографии» (издано Дашковским этнографическим музеем. Москва, 1888 г. Выпуск III). Изложим их коротко.

«История переселения евреев на Кавказ достоверно не известна, и никаких письменных указаний не сохранилось на время этого переселения; но, основываясь на народных преданиях, эти евреи ведут свое происхождение от израильтян, выведенных из Палестины и поселенных в Мидии еще ассирийскими и вавилонскими царями... Еще в Персии евреи смешались с иранским племенем татов, причем одни приняли господствующую языческую религию последних, другие — распространяли религию Моисея между иранцами, вследствие чего, во-первых, теперешний язык евреев принадлежит к группе иранских языков, т.е. состоит в ближайшем родстве с персидским, курдским, осетинским, талышским и др. языками. А во-вторых, в религии горских евреев остались и до сих пор некоторые языческие верования. Затем в средние века, по преданиям же, таты-евреи смешались с хазарами, жившими на западном берегу Каспийского моря, хазарских царей этих времен считают своими. И наконец, по вторжении арабов на Кавказ множество татов-евреев целыми аулами приняли магометанство, а остальные остались верны религии Моисея и получили наименование «Даг-Чуфут», т.е. горские евреи».

Многие местности на Кавказе, где преимущественно жили гор-

ские евреи, населены и теперь татами-мусульманами, которые имеют сходный тип с горскими евреями и говорят одним языком с ними. «Часто приходилось мне ошибаться во время путешествия по этим местностям и принимать татов-мусульман за моих единоверцев, — до того мало было отличия между ними...» «Многие аулы сами говорят о своей недавней принадлежности к иудейской религии и, будучи мусульманами, хранят, как святыню, еврейские книги, перешедшие к ним от их предков-евреев. Таковы, например, аулы: Ахты, Ругжами или Аракан в Дагестанской области и др. Во многих местностях, где теперь нет горских евреев, существуют развалины бывших там когда-то еврейских аулов, могил, ключей и каналов. Все эти места указываются туземцами-мусульманами и под названиями: Чуфут Тебе (еврейская гора, холм) ... Чуфут-Кабур (могилы), Гяур-Кале (крепости) и пр.». Все это Анисимов пишет на основании своих наблюдений.

Затем мы читаем у него: «В селе Мюджи (Шемахинский окр. Бакинской губ.) нашел я заповеди, написанные в пергаменте лет 200—300 тому назад и доказывающие недавнее только знакомство горских евреев с европейскими евреями и вообще с законами иудейской религии». «Недавнее знакомство горцев-евреев с европейскими евреями доказывается кроме этого и множеством языческих поверий — о божествах злых и добрых, постоянных и переменных, о временах года и их праздновании, которые еще сохранились в их религии, а затем своеобразными обычаями, сопровождающими свадьбу, похороны, поминки, кровомщение и проч.». Речь идет об огнепоклонстве, нравы и обычаи которого и сейчас бытуют у нас.

Далее. Горские евреи после персидских религиозных гонений расселились соответственно роду занятий на равнинах, в ущельях и на склонах гор. Аулы их расположены или рядом с аулами других племен, или в стороне от них, а в некоторых местах все они живут вместе. Горские евреи живут с туземцами вообще очень дружно. Нередко горский еврей вступает с мусульманином в дружбу и, горячо поцеловавшись с ним, делается на всю жизнь его «курдашем». При этом они обмениваются оружием и дают друг другу священный обет не пожать и головы в случае надобности для спасения «курдаша» — друга. Анисимов приводит факты, когда горский еврей, полюбив девушку-чеченку, принимает магометанство и наоборот.

По достоверным наблюдениям Анисимова, горские евреи в быту, в нравах, одежде и по типу почти ничем не отличаются от других племен Кавказа, среди которых они живут. Они во всем с ними

сходны, кроме разве религии. Смуглый цвет кожи, стройное телосложение, тонкое в поясице и широкое в плечах, черные, быстрые глаза, черные брови, большой орлиный нос — вот те черты, которыми горские евреи походят на своих соседей — коренных жителей Кавказа, среди которых они обитают в течение нескольких веков. У них в обычае имеется многоженство, число жен не ограничено адатом, не редко встречаешь таких, которые имели бы трех жен. Уважение и внимание к гостю — общая черта всех горских племен — и у горских евреев считается священной обязанностью. Каждый горский еврей имеет в других аулах своих кунаков, у которых останавливается, горско-еврейские женщины так же, как и женщины других племен Кавказа, пользуются для ухода за волосами хной. Они с усердием жуют «сакиз»¹ для чистки зубов и свежести дыхания. Домашний быт горских евреев во всех своих частях, за исключением чисто религиозных, тождественен быту других коренных национальностей Кавказа. Только обряд обрезания, который производится мальчику на восьмой день после рождения, отличает их от соседей-иноплеменников. Обычай горских евреев требует, чтобы молодые люди — парни и девушки — не видели друг друга, показываться мужчинам девушке безусловно и строжайше воспрещается. Это обычай всех горцев. Горские евреи совершают помолвку своих детей в младенчестве или уже в возрасте, но дети не принимают никакого участия в этой помолвке. Горско-еврейские девушки, как и все горские, до того стыдливы, робки и целомудренны, что готовы лучше принять смерть, чем позволить себе остаться наедине с мужчинами, и т.д. Можно привести много других примеров.

Но они совершенно во всем отличаются от своих единоверцев — европейских евреев, даже общую для них иудейскую религию во многом соблюдают по-разному. Молитву читают горские евреи и европейские евреи по-разному, потому что у европейских евреев нет звуков, свойственных восточным языкам. Бывая на богослужении вместе, они абсолютно не понимают друг друга. Этим, видимо, и объясняется то, что в городах, где живут и горские евреи и европейские, синагоги у них отдельные. В самих обрядах богослужения и в содержании молитв есть значительное различие. Кафедра, престол и кивот завета находятся у горских евреев в западной стене, они туда же обращаются со своей молитвой, а европейские евреи молятся на

¹ Сакиз — минеральная жвачка, употребляемая с древних времен на Востоке.

восток. Многое, чего нет у европейских евреев, есть в религии и обычаях горских евреев, и наоборот. «Это различие мы видим в некоторых религиозных обрядах и обычаях, сохранившихся в религии горских евреев и прямо противоречащих духу и требованиям иудейской религии; эти обычаи носят языческий характер». Это пишет сын раввина, который, надо полагать, хорошо знал религиозные каноны и традиции.

И. Анисимов приводит много примеров из народных верований, в том числе «Нум-нэгир», «Шәһиту», «Сәр-Ови», «Һарово»¹ и др. Мое поколение их хорошо знало и придерживалось им постоянно и аккуратно даже в первые годы советской власти. Приводятся также примеры, показывающие, что среди наших предков были огнепоклонники. «В городе Кубе и теперь перед наступлением весны собираются все девушки и отправляются в лес. Тут они гадают, собирают цветы — фиалки, подснежники, делая из них себе венки. Затем они собирают целую кучу хвороста, щепок и тащат ее в город сообщая с парнями, являющимися к ним вечером. Это сопровождается песнями и плясками. Принесенная ими куча сучьев зажигается вечером, и парни прыгают через высоко пылающий костер в честь огня». Это и есть праздник «Нәмиесали», который соблюдался и до недавнего времени.

И внешне и «внутренне» горские евреи почти не похожи на европейских евреев, между ними существуют неприязненные отношения, доходящие часто до серьезных конфликтов. Будучи более образованными и более развитыми, европейские евреи-ашкенази называли своих единоверцев — горских евреев — «быками», тем самым хотели подчеркнуть их грубость и тупость, и вели себя по отношению к последним весьма высокомерно. Горские евреи, отличаясь легко ранимым самолюбием и раздражительностью, считали для себя это прозвище величайшим оскорблением и негодовали по этому поводу. В ответ горские евреи называли еврея-ашкенази «ашкеназу», т.е. кошкой, заменяя последнюю букву «и» на «у» («назу» на татском — кошка). На этой почве (или по иной причине) у горских евреев даже сложилась поговорка: «ашкеназурә эз ховорә нәһ, эз мазаләю кюштә гәрәки» («убивать надо европейского еврея не через горло, а через затылок», т.е. чтобы было более мучительно). Анисимов приводит

¹ «Нум-Нэгир» (дословный перевод на русский язык — «не произносить имени»), «Сәр-Ови» (водяной), «Шәһиту» — это все божества, или духи, как правило, злые, «Һарово» — ночь на седьмой день праздника «Кущей», когда по верованию сбываются желания или решается судьба человека.

много фактов, подтверждающих горячее желание досадить своим недоброжелательным единоверцам.

Перейдем к мнению советских ученых, которые, занимаясь татским языком, его историей, грамматикой, морфологией, различиями между говорами «татов-евреев», «татов-мусульман» и «татов-христиан», высказывали те или иные суждения и об истории татов. Первый из них — ленинградский языковед, профессор Борис Всеволодович Миллер — сын уже упомянутого нами В.Ф.Миллера. В связи с тем, что в двадцатые годы был поставлен вопрос о переходе письменности всех татов, независимо от вероисповедания, на латинский алфавит (подробнее об этом будет сказано ниже), Общество обследования и изучения Азербайджана поручило Б.Миллеру обследовать татские говоры. Он объехал с этой целью много сел на Апшероне, в Кубинском уезде, два раза был в Кубинской Слободе, много беседовал с нами, пользовался для своих изысканий моими стихами. В результате были опубликованы две работы: «Таты, их расселение и говоры» (Баку, 1929г.) и «О Кубинском говоре татского наречия горских евреев Кавказа» (Записки Института востоковедения Академии наук, 1932 г.). В первой он приводит интересные сведения о татах-мусульманах и подробно говорит о татах-христианах, которых было довольно много в Кубинском и Шемахинском уездах, а также на Апшероне, но потом, в силу исторических событий, они переезжали в другие места. В 1796 году при уходе русских войск им пришлось переселиться на Северный Кавказ к другим татам-христианам. Они обосновались в Прикумске, в Кизляре, «где они до сих пор прекрасно сохраняют татский язык».

Говоря о татах иудейского вероисповедания, он ссылается на записки В.Ф.Миллера, называет «убеждение» кавказских евреев в том, что их предки были выведены из Палестины еще царями Ассирии, «раввинскими домыслами», и утверждает, что проникновение евреев из Вавилонии в Персию и через Персию далее на Кавказ должно было происходить постоянно, начиная с древнейших времен и кончая сравнительно новыми временами. Б.Миллер упоминает о связях татов-евреев с огнепоклонниками, говорит о проблеме отношения евреев к Хазарскому царству и, в частности, пишет следующее: «Как мы видели, в языке татов всех трех культурно-исторических групп, как мусульман, так и армян и евреев, имеются отражения языков тех племен, с которыми они живут или жили бок о бок... Аналогично этому, по-видимому, и их физический облик не стоит особняком от этих народов, а имеет с ними много общих черт». Он отмечает и

ценные антропологические обследования, которые говорят о том, что евреи-горцы по физическому облику весьма близки татам-мусульманам и татам-христианам. «Они ничего не имеют общего с антропологической группой евреев России... Они или не евреи, или их еврейский тип настолько изменился под влиянием смешений, что уже не поддается учету. Близость их физического типа к типу их соседей-горцев вне всякого сомнения».

Вторым ученым, занимавшимся грамматикой татского языка и в связи с этим и историей татов, был наш сородич, племянник знаменитого Ильи Анисимова — Нефтали-Цеви Анисимов. Он был научным сотрудником Института языкознания Академии наук СССР, получил степень доктора филологических наук. Это — первый лингвист из горских евреев. Его я очень хорошо знал по нашим дискуссиям на съездах в Москве и в Баку по вопросу нового татского алфавита (о них будет сказано ниже). Он, несомненно, хорошо знал эту среду и, надо полагать, изучил все доступные материалы по этому поводу. В своем произведении, изданном на татском языке в 1932 году в Москве Центроиздатом, «Грамматик зуһун тати» («Грамматика татского языка»), критически разбираясь в научных исследованиях своих многочисленных предшественников, он пришел к смелым выводам. «В знаменитом средневековом памятнике «Дербент-наме», сказано: «В 105 году хижер (в 738 году новой эры), во времена Халифа Абу-ул-Малика Мэрвай в Дагестан приехал его брат Абу-Муслим с войсками в 90 000 человек. Он завоевал Дагестан, разрушил все населенные пункты и расправился со всеми своими противниками, распространил веру Магомета среди иранцев и хазарцев, которые до этого были коферами, т.е. иранцы были огнепоклонниками, хазарцы — идолопоклонниками, и некоторые из них пользовались законом Моисея (туро)». В этом печатном произведении средних веков ничего не сказано о евреях, «выходцах из Палестины». Здесь говорится об «иранцах», т.е. о татах. Все таты (впоследствии «евреи», «муслими» и «армяне») были тогда, по свидетельству «Дербент-наме», огнепоклонниками, а хазары были идолопоклонниками, и «некоторые из них» пользовались верой Моисея. Источники говорят о том, что царь хазар Булан принял веру Моисея в 740 году, т.е. в то время, когда в Риме царствовал Лев Исаврианин (717—741 гг.), у тех евреев, которые в результате жестоких притеснений сбежали из Рима (Византии) в Крым-Джурум, в хазарские вилайеты, на Кавказ. Здесь с большим успехом они распространяли веру Моисея. Это подтверждает Масуди, а также ибн Хаукаль». Таким образом, некоторые иранцы

(будущие таты), которые были огнепоклонниками, в VIII веке (возможно, и раньше) приняли веру Моисея у хазар или же у евреев, которые прибыли на Кавказ из Рима через Крым. Их потомками являются ныне называемые горские евреи. Другая часть иранцев-огнепоклонников приняла веру Магомета. Это ныне таты-мусульмане».

Я здесь коротко перевел с татского на русский язык ход мыслей Нафтали Анисимова. А вот и его вывод: «Сегодня, не ошибаясь, мы твердо можем сказать: Еврей-таты (горские евреи) вовсе не произошли от израильтян (от иудеев), и вначале их религией не была «религия израильтян», их религией была религия Зар-дэ-һәшт (они были огнепоклонниками). Для подтверждения этих выводов, кроме материалов, приведенных выше, правдиво свидетельствуют этнографическая и антропологическая науки».

«1. Таты, называемые «горскими евреями», не имеют никаких связей с евреями, которых ассирийские цари привели пленниками в Иран и Мидию.

2. Моисеевскую веру среди хазар распространили евреи, сбежавшие в VII—VIII веках, а может быть, и раньше из Рима.

3. Моисеевскую веру среди части татов (которые вместе с другими татами были огнепоклонниками) распространили хазары, а может быть, и евреи, которые сбежали из Рима на Кавказ.

4. Таты-евреи, мусульмане и христиане составляют единый народ. Их разделила религия — вера Моисея, Христа и Магомета».

Вот к каким выводам приходит наш сородич Нафтали Анисимов в результате своих исследований.

Вначале мы говорили о тех версиях, верованиях, преданиях, которые из поколения в поколение передаются в нашем народе о его происхождении. Много пришлось поработать над тем, чтобы разыскать и привести в порядок высказывания древних путешественников-историков, исследования и выводы ученых последнего времени, в какой-то мере занимавшихся татской проблемой, и в частности происхождением татов. Особенно важно было проследить обычаи, нравы, быт, среду и все, что связано с древним происхождением этого народа. Немалое значение имеет антропологическое обследование татов, которое производилось в начале XX века, и выводы по физическому облику их. Считаю необходимым добавить ко всему этому высказывания еще одного человека — несомненного авторитета для религиозных общин горских евреев Кавказа первой четверти XX века — Раби Исака бен раби Гюршума Мизрохи. Его никак нельзя

заподозрить в антииудаизме, т.к. он сам был главным раввином Еврейской Слободы города Кубы. Он утверждал, что нашими предками являются хазары, принявшие иудейскую религию. Об этом слышали люди моего поколения и старше — Миши Рувинов и другие.

Далее. С незапамятных времен, в течение веков, из поколения в поколение передается у нас замечательная сказка о воробье — «Нагул морчига». Это, может быть, единственная древняя сказка, которая почти в неизменном виде сохранила свой сюжет, свой текст, свой колорит. Само построение речи, слова, названия отдельных предметов говорят о древнем происхождении этой сказки. Почти во всех семьях с детского возраста с удовольствием слушают и пересказывают эту сказку. В советское время в первом букваре, изданном для горско-еврейских школ на татском языке, но в то время на древнееврейском алфавите (1928 г.), эта «Сказка о воробье» в оригинале, т.е. на татском языке, заняла достойное место как популярная народная древняя сказка. Теперь уже достоверно известно, что эта самая «Сказка о воробье» с тем же сюжетом и теми же словами с древних времен бытует и среди татов-мусульман (см. А. Л. Грюнберг. Язык североазербайджанских татов. Л. Изд. АН СССР. 1963 г.). Это еще одно достоверное свидетельство того, что таты, населяющие Кавказ, до того как они были разъединены религиями, составляли единый народ с общим языком, общей культурой и бытом, общей территорией.

Приведем еще одну цитату из «Истории Азербайджана» (Баку, 1958 г. Том I, стр. 84): «Чтобы закрепить свое владычество и создать себе опору в Албании (территория ее простиралась на весь Азербайджан, а также на значительную часть южного Дагестана. — Я.А.), сасаниды переселяли сюда ираноязычное население. Этих переселенцев, впоследствии называемых татами, размещали в тех районах, которые в стратегическом отношении представляли интерес для Сасанидского государства. Таты занимали территорию Апшерона, нынешних Шемахинского, Дивичинского, Кубинского и ряда других районов (южного Дагестана, Дербента и прилегающих районов. — Я.А.), где остатки их живут и в наши дни». Это произошло в конце III и в начале IV века н. эры. Как известно, это ираноязычное население, впоследствии называемое татами, тогда были огнепоклонниками. Сасанидские цари не могли своим пленникам-иудеям доверять охранять свои границы. Религию они — будущие таты — могли принять уже после — в VIII—IX веках: иудейскую у хазар, магометанскую у арабов.

В мою задачу не входило подробное научное исследование исторического происхождения всех татов вообще, и татов-евреев в частности. Здесь я касаюсь этой темы в той мере, в какой она была необходима для моих воспоминаний о путях создания и развития татской литературы и татского литературного языка в советское время. Но сама проблема была настолько интересной, что пришлось в течение ряда лет заниматься исканиями, критическим анализом, сопоставлением, размышлениями. В результате можно прийти к следующим логическим выводам:

1. Предки нынешних татов — горских евреев были не пришельцами, а древними обитателями — коренными жителями Кавказских гор у берегов Каспийского моря.

2. Таты — горские евреи являются потомками того объединения людей, которое в течение ряда веков в древние времена — с III по X вв. — образовалось из огнепоклонников, населявших Азербайджан, и из хазар, принявших иудейскую религию, а также из иудеев, которые, путешествуя по торговым делам, осели в этих поселениях, и иранских иудеев, которые в разные годы в ходе исторических событий вынуждены были искать убежище на Кавказе у своих «единоверцев».

В результате стали возможны общение и браки не только среди них, но также и между ними и другими кавказскими племенами. Такое скрещение этнических групп должно было отразиться и на внешнем облике будущих поколений. Поэтому среди горских евреев наряду с характерными типами кавказских народов встречаются и типы семитские.

А пока, продолжая наш обзор о том, что дала советская власть нашим сородичам, и говоря о дореволюционном прошлом, отметим, что, несмотря на вышесказанное, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции на горских евреях смотрели как на пришельцев и в связи с их принадлежностью к иудейской религии подвергали всяческим притеснениям и гонениям...

ИЗ ПРОШЛОГО ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ КАВКАЗА. ОБРАЗОВАНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ СЛОБОДЫ

Кавказские горы видели многих завоевателей. Здесь почти никогда не было политического спокойствия. Опустошения, причиняемые этому краю непрерывными войнами и столкновениями, нашествия хазар, арабов и татаро-монгольских полчищ, многовековое владычество Персии, соперничество Персии, Турции и других в порабощении кавказских народов, непрерывные междоусобные войны местных феодалов — все это не могло не иметь своих особых последствий и в жизни народов — жителей Кавказа.

Особенно опустошительным было монгольское завоевание в XIII веке. Более чем на 100 лет утвердилось здесь страшное иго монгольских ханов. Еще более тяжелым было положение северного Азербайджана — местности между Ширваном (т.е. Шемахой) и Дербентом, ибо эта область служила ареной почти непрерывных военных действий между монгольскими ханами. А поселения наших предков были расположены, главным образом, именно на этой территории северо-восточного Азербайджана.

Монгольские завоеватели грабили основательно, а что нельзя было вывезти — уничтожали или сжигали. Воинов убивали без пощады, ремесленников забирали в рабство, а молодых девушек и женщин обращали в невольниц. Массовая резня и опустошения, произведенные монгольскими войсками в 1220—1239 гг., обезлюдение большей части страны, небывало тяжелая система эксплуатации, податей и повинностей были причиной длительного хозяйственного упадка. Под влиянием общих исторических, географических и социально-экономических условий жители Кавказа, в том числе и наши предки, сплотились против своих поработителей, выработали сходный образ жиз-

ни, общность нравов, традиций и обычаев. Они — наши предки — вели обычную жизнь горцев, занимались земледелием и скотоводством, в быту своем сохранили обычаи и нравы горских племен. Их быт, их одяние, внутреннее убранство жилищ, трапеза, названия кушаний и методы их приготовления, прижизненные адаты и обычаи были у всех одинаковы, кроме, как уже было сказано, тех праздников и ритуалов, которые освящены религией.

Только принадлежность к разным религиям служила преградой их полному братскому единению. Снимите это покрывало — религию, и все они были бы во всем одинаковы. Подвергались они порабощению и лишениям иноземными властелинами одинаково, одинаково были угнетены. А наличие религиозного разделения, религиозных и расовых распрей, веронетерпимости, насаждаемых духовными лицами всех религий — все это еще больше усиливало гнет, а отсюда и ответную ненависть.

Но оставим в стороне далеко еще не изученную историю тех незапамятных времен и обратим наши взоры на известные события, более близкие нам. Итак, если говорить о временах более близких, можно утверждать, что многочисленные поселения людей, говорящих на татском языке, но разных вероисповеданий — иудейского, магометанского и христианского — были расположены в северном Азербайджане и Дагестане: на Апшероне, в Ширванском, Кубинском и Дербентском ханствах.

Еще в начале XVIII века на левом берегу реки Кудиял-чай на 2—3 километра выше нынешней Слободы, немного ниже селения Кюпчал находилось большое по тем временам поселение горских евреев-татов под названием Кулгат.

Когда оно образовалось и сколько просуществовало — в точности неизвестно. Но известно, что в 1733 году здесь произошел погром. А через два года — второй, более страшный погром полностью дотла разрушил этот поселок, население было поголовно вырезано, за исключением тех немногих, кто успел укрыться в соседних селах. Беженцы, оставшиеся в живых, поселились в горах.

Это было в то время, когда персидский царь Надир-шах свирепствовал не только у себя в Персии, но и в своих владениях в Азербайджане. Он, а в угоду ему и его сатрапы, зверствовали на землях Азербайджана.

Надир-шах проводил политику захвата и грабежей, беспощадно подавлял выступления народных масс, пресекал любые попытки освободиться от персидского ига. Он предпринял четыре похода про-

тив непокорных народов Азербайджана и Дагестана. Надировские полчища дважды (в 1735 и в 1743 г.) разрушали прекрасный и богатый город Шемаху, город был выжжен. Только в Ширване было убито 15 тысяч человек.

По приказу деспота в Ширване был сооружен минарет из отрубленных человеческих голов. У многих были выколоты глаза, обрезаны уши и нос. Проявляя нечеловеческую жестокость, он полностью разорил Дербент и опустошил его.

Такими же варварскими и жестокими были и турецкие вторжения в 20-х годах XVIII века, при которых беспощадно разрушались города, истреблялось население. Таково же было положение и в Кубинском ханстве, которое образовалось еще в последней четверти XVII века и сохранило при Надир-шахе полузависимое положение.

В 1721—1722 гг. власть в Кубе была захвачена Сурхай-ханом Кузыкумыкским и мяшкуринским муллой Хаджи Даудом. Последний был турецкой марионеткой и по указу своих правителей жестоко действовал против населения Кубы. В 1722 году во время пребывания Петра I в Дербенте был осуществлен переход Кубинского ханства в состав России, а Хусейн-хан, сын убитого до этого хана, назначен его правителем. Жители Кубы и Кулгата принесли присягу в верности России. Хусейн-хан был тогда зависимым наследным правителем. В 1735 году Надир-шах отторгнул от Кубы Сальян, а Кубинскому хану Хусейну Али «указано было владеть только в Кубе». И только после развала государства Надир-шаха Хусейн Али стал самостоятельным. Вначале резиденцией Кубинского ханства был Худат. Хусейн Али в 1748 году перенес столицу своего ханства из Худата в Кубу. Находящееся на правом берегу реки Кудиял-чай поселение Куба, несмотря на давность своего существования (так, например, в 1718 году в Кубе было 600 дворов, т.е. проживало около 3000 человек), не имело еще укреплений. Фатали-хан, пришедший к власти в 1758 году после смерти своего отца Хусейн-хана, стал укреплять Кубу — столицу своего ханства — с трех сторон ровом и стеной из нежженого кирпича, а с четвертой стороны Куба защищалась тернистым высоким берегом реки Кудиял-чай. Это была уже настоящая крепость — «гала», и с тех времен город Куба остался в лексиконе граждан Слободы как «Гала». И не говорят: «пойдем в Гала», а «подымемся в Гала», так как Куба-Гала находилась на возвышенности по отношению к Слободе.

Но когда же была основана Слобода?

Известно, что Хусейн Али-хан поощрял поселение на своей зем-

ле многих пришедших из Мугани, Ширвана, Дербента, тем самым укрепляя свое ханство. В это время, в особенности когда город Куба стал столицей всего ханства, на левом берегу Кудиял-чая, на 2—3 километра ниже разрушенного Кулгата, появился новый небольшой поселок из тех жителей старого Кулгата, которые чудом остались в живых, а потом появились поселенцы и из других мест. Особенно быстро развивалась Слобода при Фатали-хане Кубинском.

Академик С.Г.Гмелин, побывавший в Кубе в 1770 году, пишет: «По ту сторону реки находится пространная слобода, в которой живут одни жидаы. По сию сторону близ города есть несколько армянских изб».

Через Кубинское ханство проходили караванные пути из России в Шемаху. Куба снабжала хлебом Баку, Дербент, даже Кизляр и Астрахань. Переселенцев привлекали оживленные торговые и портовые города. К тому же Фатали-хан сумел лучше других гарантировать защиту населения от нападения извне. Все это способствовало увеличению численности населения за счет притока новых жителей из других ханств, в том числе за счет жителей южных районов — «разных выходцев из Персии».

В 1781 году Мухамед-хан Каджар вторгся в Гилянское ханство, предав огню его столицу Решт. Вытесненный Каджаром из Гиляна, Гидаят-хан морем прибыл со своими приближенными в Баку, а оттуда в Кубу. В конце того же года Фатали-хан пошел войной на Гилян. В конце 1782 года Каджар был разбит и Гилян очищен от персидских сарбазов. Гилянское ханство было восстановлено и пользовалось дружбой и поддержкой Кубы.

В то время все города южного Азербайджана как политически, так и экономически тяготели к Баку и Кубе. В связи с этими событиями в Баку и Кубу в те годы переселилось немало жителей из Гиляна, в том числе мой предок (прадед моего отца) — Сагай Ирони, который сначала поселился в Баку («Ичәри шәһәр»), а потом перебрался в Кубу. Махалла на Слободе, где он и другие поселились, и сейчас называется «махалләй гиляки».

Итак, уцелевшие после страшной резни и разрушения Кулгата немногочисленные жители спустились вниз по реке на 2—3 километра и на том же левом берегу Кудиял-чая создали себе на склоне горы новое поселение, которое и называли «махалләй Кулгати». За ними перебрались в эти места, в связи с созданными тогда Фатали-ханом сравнительно благоприятными условиями, жители из Кусаров и создали «махалләй Кусары», потом из Агаджанов, после переселились сюда мои предки — выходцы

из Гиляна, проживавшие до этого в Баку, и, как отмечено выше, создали «махаллэй гиляки», дальше чипкенцы, гарчай и другие. Все эти махалла существуют и сейчас. И хотя за некоторыми из них до сих пор еще остались нелестные прозвища, все же каждый житель без всякой обиды называет себя по названию своего махалла с особой гордостью. Так образовывалась Слобода в течение нескольких лет.

Но почему она называлась Слободой? Трудно объяснить. Множество слобод в свое время было и в Москве: ямская слобода (где жили, в основном, ямщики), солдатская слобода, польская, турецкая, немецкая, китайская, армянская и так далее. Таким образом, слобода — это участок, отведенный для жительства какому-то определенному сословию людей, и находится она в предместье. В данном случае здесь поселились люди одной веры — иудейской.

Еврейская Слобода (так тогда ее называли, сейчас ее называют Красной Слободой) расположена на левом берегу реки Кудиял-чай, в ложбине между сыртом и рекой, прямо напротив города Кубы, и соединена с городом каменным мостом. Здесь, в Слободе, живут обособленно горские евреи, говорящие на татском языке. В двадцатые годы нашего века жители Слободы составляли почти половину жителей всего города Кубы.

Главным занятием жителей Слободы было прежде сельское хозяйство и обеспечение продовольствием воинов Гала. Фатали-хан создавал для этого соответствующие условия. Впоследствии вновь усилились национальная рознь и угнетение. Слобода постепенно превращалась в гетто, ее жители не могли уже иметь угодья для ведения сельского хозяйства за пределами Слободы и вынуждены были заниматься мелкой торговлей.

Кроме Кубинской Еврейской Слободы на Кавказе в конце прошлого века было еще 33 поселения татов — горских евреев: Темир-Хан-Шуре — 335 душ, Тарки — 300, Петровск — 123, Чир-юрт и Сулак — 141, Буйнак и Гувден — 90, Дюртели — 130, Карабудагский — 71, Дашлагер — 309, Дербент — 1671 (Дагестанская область); Маджалис — 529, Рукель — 126, Мугатыр — 232, Гемейда — 100, Янги-кент — 684, Нютуг — 152 (Кайтако-Табасаранский округ); Ньюди-Мюшкур — 778, Хошмензиль — 167, Аглаби — 33, Ханчел-кала — 243, Мамрач — 668, Арог — 705, Карчаг — 255, Джерах — 276 душ (Кюринский округ); Ташкала — 690, Хасавюрт — 348, Андреевка — 157, Кустек — 293 (Терская область); Грозное — 1594 (Чеченский округ); Нальчик — 335 (Кабардинский округ); Джегонский поселок — 276 душ (Кубанская

область); Куба — (Еврейская Слобода) — 6282, Мюджи — 957; Афтаран Мюджи — 692 (Бакинская губерния); Варташен — 1396 душ (Елизаветпольская губерния)¹.

Так было в конце XIX века. А за несколько столетий до этого (см. «Дербент-наме») на Кавказе было очень много поселений и несколько десятков тысяч горских евреев. Главным занятием их было хлебопашество, скотоводство, табаководство, виноградарство, шелководство и овощеводство. Садоводство было развито, главным образом, в Кубе и Дербенте. Горские евреи еще в прошлом веке занимались разведением марены («буйг»), но после того, как появление анилиновых красителей ударило по мареноводству, они вынуждены были заниматься ремеслом, выделкой сафьяна и торговлей.

Произвол господствовавших высших классов по отношению к народным массам на Кавказе сильнее всего отразился на горских евреях. Своим владельцам они платили, сверх обычной подати, еще специальную — хардж или поголовную. Их нанимали на самые тяжкие и грязные работы. Из имущества им оставляли лишь столько, сколько необходимо было, чтобы не умереть с голоду. От таких притеснений число их постоянно уменьшалось. С появлением (в конце XVIII века и в начале XIX века) русских войск на Кавказе притеснение горских евреев еще более усилилось. Казимулла и Шамиль устраивали набеги и погромы на поселения горских евреев, требовали от них активного участия в борьбе с русскими. Жители многих горско-еврейских поселений в результате были вынуждены перейти в ислам. В то же время отношения между горскими евреями и горцами-мусульманами были дружественными. «Дружба и побратимство между ними весьма часты. Они — горцы-мусульмане, убеждены, что они все — одно племя, но только горские евреи-«кипты» — заблуждающиеся, не перешли в ислам».

А после прихода русских их постоянно использовали для исполнения даровых казенных работ, построек и т.д. На них вдобавок были распространены все те ограничительные и унижительные меры, которые действовали в царской империи для лиц еврейской национальности.

¹ Как видно из этого перечня, Кубинская Еврейская Слобода занимала, как было сказано вначале, доминирующее положение. Поэтому все, что говорится здесь о Слободе, и о дореволюционных, и о послереволюционных событиях, абсолютно характерно и для всех других поселений горских евреев. Незначительные различия (в общем развитии, в поведении, в быту, в произношении слов) определялись в зависимости от влияния тех местных национальностей, среди которых они проживали.

В царской империи евреи были ограничены в элементарных правах. Ограничительные законы стесняли свободу их передвижения, запрещали им жить в крупных городах или на престижных улицах, приобретать недвижимую собственность в некоторых губерниях. Из всех народностей, живших в России, одни только евреи были ограничены в естественном праве располагать свободой избрания места жительства. Им было предоставлено право селиться и жить лишь в особо указанных местностях, называемых «чертой постоянной еврейской оседлости». Вся их жизнь, в культурном, духовно-нравственном и экономическом отношении, складывалась в тисках черты оседлости. Черта отстраняла его от свободного общения с окружающим населением, сгущала вокруг него национально-религиозную атмосферу. Даже в черте оседлости некоторые улицы были закрыты для них. Существование черты оседлости служило первоосновой всего обширного ограничительного законодательства, охватывающего разнообразные стороны жизни.

Тяжелые репрессивные меры, лишившие еврейских детей права на образование, были проведены по указанию самого государя. В Военно-медицинскую академию, в Горный институт, в Институт путей сообщения принимали не более пяти процентов еврейских детей. В гимназии в местностях, входящих в черту их постоянной оседлости, — 10%, вне этой черты — 5%, а в Москве и в Петербурге — только 3%.

У евреев было совершенно отнято право избирать и быть избранными в городские думы и управы. Повелением от 10 апреля 1844 г. было запрещено назначать евреев на государственную службу по какой бы то ни было части, а в 1856 г. было внесено исключение лишь для лиц, имеющих ученые степени по медицине.

Евреев часто обвиняли в ритуальных преступлениях. Гонения и погромы часто устраивались с убеждением в законности своих действий. Простая вспышка иногда переходила в буйство и погромы только потому, что толпа была уверена в безнаказанности своих деяний и даже в сочувствии и прямой поддержке со стороны монарха.

Евреев хотя и брали в армию, но относились к ним с большим недоверием. Военная служба была сопряжена для них рядом ограничений. Их не допускали во флот и на высшие командные посты. Их ущемляли во время награждения. Известный герой Отечественной войны 1812 года, предводитель партизан Денис Давыдов, описывая подвиг одного улана, отмечает: «Весьма странно то, что сей улан, получив за этот подвиг Георгиевский знак, не мог носить его: он был бердичевский еврей...»

Все эти ограничительные меры были распространены и на евреев Кавказа. В 1827 году из города Тифлиса были выселены все евреи. Положением 1835 года Кавказ был закрыт для жительства евреев, их надо было всех выселить, за исключением тех, которые «живут целыми селениями и упражняются хлебопашеством». Но и им, и другим было отказано в праве на повсеместное жительство в империи. С неукоснительной суровостью в 1882 году из Москвы, Одессы и других крупных городов выселялись десятки тысяч евреев-ремесленников. Когда подольский губернатор в отчете за 1888 год указал, что было бы весьма желательно выселение из государства еврейского пролетариата, государь Александр III сделал на отчете пометку: «И даже очень полезно».

Скученное в городах в черте оседлости и теснимое вне ее, ограниченное в гражданской правоспособности, устраненное из многих отраслей труда, преследуемое и униженное, еврейское население понесло колоссальные потери — материальные и духовные.

Исключение делалось иногда только в отношении евреев-купцов первых двух гильдий — почетных граждан. Эти, так называемые высшие слои еврейского народа, обращались с ходатайством к «милосердному монарху» пожаловать их и, «очищая зерна от плевел», благословить и предоставить им некоторые льготы. И они достигли своего. Евреи, состоящие 5 лет в первой гильдии в черте оседлости, могли записываться в купечество вне черты и жить там.

В начале нашего века Слобода в социально-экономическом отношении имела, примерно, следующую картину. Здесь было 10—15 семейств крупных богачей-купцов первой гильдии, которые имели торговые связи не только с крупными городами царской России и бывали на «макарье», что значит «макарьевские ярмарки», но и с заграницей — Стамбулом, Тебризом, Парижем. Эти купцы имели крупные мануфактурные магазины на Слободе, тюками вывозили за границу кубинские ковры. У каждого из таких было «под рукой» несколько маклеров-посредников («долол»), которые не имели своего собственного капитала, но разъезжали по деревням, закупали по сходной цене добротные ковры и завозили на базу «своего» купца, получая за это комиссионные. Было несколько семей ростовщиков («селэм»), которые на процентных началах, по закладным, финансировали таких «мелких сошек». Эти 20—25 семейств нещадно эксплуатировали своих сородичей-единоверцев. За ними идут торговцы-лавочники. Их было несколько десятков семейств. Они имели на Слободе свои неболь-

шие мануфактурные, а чаще всего бакалейно-гастрономические, мясные, винные и другие лавки. Были мелкие кустари-ремесленники: сапожники, башмачники, чувячники, скорняки, кожевники, красильщики, шапочники, портные. Некоторые настолько преуспевали, что даже имели своих учеников.

Весьма многочисленными были так называемые «чулчи» — бакалейщики. В большинстве случаев они не имели своего капитала, и на деньги, взятые у купцов и ростовщиков на процентных началах, накинув на спину свою небольшую ношу, ходили по деревням и селам и продавали «иголки-нитки», всякий «хурдават» — мелочь, т.е. то, что крайне необходимо каждому дому. По какой-то особой интуиции они знали, что кому нужно. Иногда их избивали, отгоняли собаками, а чаще встречали радушно, закупали товар по сходной цене или в обмен на сельскохозяйственные продукты (пшеницу, ячмень, лук, чеснок, яйца и др.). Хотя это и называлось торговлей, но все же было адской работой, и этим они, еле сводя концы с концами, кормили свои многодетные семьи.

Еще более многочисленными были люди, занимавшиеся отходничеством и батрачеством. К тому времени слободские люди не имели земельной собственности, так чтобы они могли, как прежде, обрабатывать землю. Только 5—6 семейств еще продолжали владеть в конце Слободы, в селе Мирзамедкент, небольшими садами, полученными ими в наследство от отцов, причем не все эти сады давали товарную продукцию, но огородничеством занимались все и в достаточной степени. Поэтому многим и приходилось уходить на заработки. Часть людей в сезон путины работала на рыбных промыслах от Яламы до Кизляра. Многие нанимались на табачные, рисовые плантации в качестве поденщиков, другая часть работала исполу на землях соседних землеладельцев, — «бичинчи», «томбокучи», «тэрэ-вэзчи» и т.д. Они гнули спину далеко от своих семей и после долгой отлучки и тяжелой работы, где их нещадно эксплуатировали и подвергали унижениям, возвращались с запасом еды на несколько месяцев. Были и просто бедняки, которые жили тем, что ходили в лес, рубили дрова или собирали хворост, таскали его на своей спине и продавали. Были, наконец, нищие — «они», жившие подаянием.

Мощным был, не столько по количеству, сколько по своему влиянию, клан раввинов — духовных лиц. Они исполняли функции духовных судей, проповедников. В их исключительном ведении находились регистрация браков, разводов, рождений и смерти, выдача метрических свидетельств, а также проведение обряда обрезания.

Одиннадцать синагог было в небольшой, в 7—8 тысяч жителей, Слободе, с полным штатом раввинов, хазанов и их прислужников. О них мы еще поговорим. Каждый махалла имел свою синагогу, некоторые — по две, а «махаллэй Кулгати» — даже три. Это было не от большой любви к Богу. Нет. Количество раввинов возрастало все время, каждому из них хотелось иметь доходное место. На этой почве возникали между ними серьезные противоречия, иногда даже вражда смертельная. И эти интриговавшие раввины вкупе с ново-явленными богачами, которые тоже хотели как-то выделиться и иметь «свою общину», подчиненную своему влиянию, именем Бога доби-вались строительства все новых и новых синагог. И все это за счет народа. Конечно, были также раввины, которые учили детей в «ну-бохунде» закону божьему, Библии, премудростям пророков и древ-нееврейской письменности. Всех этих раввинов в начале нашего века возглавлял Раби Исак Мизрахи.

С конца прошлого века, когда в Баку стала развиваться нефтяная промышленность, появилась тенденция к переселению из Слободы в Баку. Так, несколько семейств поселилось на Баилове и в Сабун-чах — в тогдашних центрах нефтяной промышленности, где стали рабочими на нефтяных промыслах, а некоторые поселились в самом городе Баку — в черте оседлости, там, где им было разрешено влас-тями — на улицах Татарской, Бондарной. Здесь же уже в начале нашего века появились некоторые торговые люди из Слободы, ко-торые начали преуспевать и завели мануфактурные магазины. Воз-никли многочисленные деревянные будки-лавки на площади, ныне называемой площадью имени Димитрова.

Характерен следующий факт. Бывший бакинский полицмейстер подполковник Назинский в своем отчете за 1910—1914 гг. выражал недовольство тем, что в законах о запрещении евреям жить вне чер-ты оседлости имеется ряд оговорок, в результате «жиды под разными предложениями при помощи покупных дипломов, ремесленных свиде-тельств, наводняют запрещенную черту»¹. Полицмейстер Назинский не является исключением. Еще черносотенец Пуришкевич в свое время выпустил книгу «О жидовьем племени, подтачивающем Рос-сию православную», соратник его Марков — второй почетный пред-седатель «Союза русского народа» — с трибуны государственной думы возгласил: «Холера, чума, мор, голод в России — все дело рук жи-довых».

¹ Газета «Бакинский рабочий» от 6 августа 1926 г., № 181.

Вот что представляла Слобода накануне социалистической революции. Это было гетто, или почти гетто, здесь жили люди только одной веры, обособленно. Да, их к этому принуждали. Они могли проживать только в черте оседлости.

Многие относились к ее жителям, как к неполноценным, неприкасаемым. Жизнь была беспросветной, адской, люди находились в темноте и невежестве, под тяжелой властью и гнетом религии, в условиях национальной ненависти, частых погромов. Дело доходило до того, что не только дети, но и подростки, женщины не могли беспрепятственно подниматься в Гала — в город Кубу — без защиты старших. Словами унижали их достоинство или подвергали избиениям.

Через Еврейскую Слободу проходила магистральная дорога, соединяющая город Кубу — центр уезда — не только с левобережной частью уезда, но и с районами Дагестана. И это тоже оставляло свой след на характере слободских жителей.

КРОВОПРОЛИТНЫЕ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ (1917—1920)

В этой социальной среде, в этой Слободе я родился. Отец мой занимался садоводством и огородничеством. Молодой сад остался им — четверем братьям — в наследство от их отца и пока что не приносил товарного дохода, поэтому огородничество и отчасти мелкая торговля служили тогда главным источником их существования. Семья была большая, патриархальная, все братья с семьями жили в одном доме и питались вместе.

В семилетнем возрасте я был определен в «нубохунда», в частную религиозную школу, где дети изучали Библию на древнееврейском языке с переводом на татский, а также учились писать древнееврейским квадратным алфавитом. В 8 лет я также начал учиться в начальной русской школе. Эта единственная, построенная в 1911 году на благотворительные средства школа имела всего три классные комнаты. Ученики третьего и четвертого классов занимались вместе в одной комнате. Школа находилась на самой окраине Слободы. Зимой каждый из учеников должен был приносить с собой одно или несколько поленьев, чтобы отапливать здание школы. Иногда бывало очень холодно, многие дети пропускали уроки из-за того, что нечего было надеть теплого. Учеба была, конечно, платной. Да все равно многие родители индифферентно, даже враждебно, относились вообще к учебе, к образованию, а тем более к русскому языку.

Февральскую революцию, свержение царя слободчане встретили всеобщим ликованием, и мы — ученики школы — во главе с нашими педагогами вышли на демонстрацию с революционными песнями. Но чувствовалась все же скованность. Относились выжидательно, а

кое-кто и скептически. Люди веками привыкли жить под властью персидских шахов, турецких султанов, местных ханов и беков, наконец, под властью российских царей. А кто теперь будет властвовать? Свержение царя казалось всем невероятным событием. Не будет ли этот — следующий — хуже Николая II и неужели навсегда кончится угнетение и несправедливость?

Ясность внесла Великая Октябрьская социалистическая революция. Тогда, как известно, не было ни радио, ни других средств информации, а газеты редко доходили до слободчан, да и читающих, а тем более понимающих были единицы: несколько преподавателей и кое-кто из раввинов. Именно Октябрьская социалистическая революция вошла в нашу жизнь как окончательное крушение устоев царской власти и политики национального гнета. Но жители Слободы не могли представить себе, как простые рабочие и неграмотные крестьяне могут быть хозяевами заводов и земель.

С фронтов царской России вернулись солдаты — уроженцы Слободы. Они все были в шинелях, вооружены винтовками, и каждый имел сотни патронов. Эти солдаты как очевидцы и участники событий своими рассказами будоражили всю Слободу. Каждый по-своему, кто как понимал, говорил о Ленине как о вожде революции, о большевиках, о долгожданном мире, о свободе, о земле. Слободские люди тоже каждый по-своему истолковывали все эти рассказы, но одно было неизменно: Ленин, большевики установят надежный мир, дадут нам землю, свободу и национальное равноправие. Им были близки требования большевиков прекратить войну: ведь тогда они увидят своих сыновей. Все ждали быстрых перемен к долгожданному лучшему социальному строю.

Наши солдаты были вооружены не только винтовками, но и новыми идеями. Они, а под их влиянием десятки других слободчан примкнули к революционным силам, сосредоточенным в городе Куба. Это было солидное подкрепление, ибо все они, как сказано выше, были для того времени хорошо вооружены и подготовлены в военном отношении. Революционной борьбой трудящихся Кубинского уезда руководили Бакинский совет и бакинская большевистская организация.

Надо сказать, что, хотя жители Слободы в общей массе были отстающими, неграмотными и аполитичными, среди них имелись и личности незаурядные, люди, побывавшие в крупных городах России, работавшие на бакинских промыслах, так или иначе наблюдав-

шие и воспринимавшие прогрессивные идеи. Но при всем при этом национализм, националистический дух у них был развит в высшей степени, в то время как о классовых различиях они имели весьма туманное представление.

Через несколько месяцев после Февральской революции, а именно в апреле 1917 года и в Еврейской Слободе был образован Совет рабочих депутатов. Более 500 рабочих и служащих избрали в Совет 14 депутатов. Исполком этого Совета состоял из четырех человек. Однако депутаты эти не были ни рабочими, ни бедняками, они происходили из «верхушечных» слоев, т.е. из тех, кто считал, что «умеет управлять». Они не только не принадлежали к беднякам, более того, они их ненавидели. Но наряду с этим Советом по заданию Центрального Еврейского национального Совета в начале апреля 1917 года в Слободе был создан со своей четкой программой и целеустремленностью Еврейский национальный комитет, который по существу и управлял всеми делами Слободы.

Не дремали и революционные силы. В начале апреля 1917 года состоялось первое подпольное собрание кубинских большевиков. Собрание было проведено в помещении городской аптеки. В этом собрании участвовали 17 большевиков, в том числе уроженец Слободы Мардахай Якубов. На собрании, которое фактически было на правах конференции, был избран Кубинский уездный комитет РСДРП(б).

Весть об Октябрьской социалистической революции, свершившейся в Петрограде 25 октября 1917 года, дошла до Баку уже 26 октября. Это усилило революционные настроения и в Кубинском уезде.

Контрреволюционные силы, недовольные первыми же революционными преобразованиями и революционным движением трудящихся Кубинского уезда, решили вооруженным путем уничтожить их. Они особенно ненавидели солдат русской армии, вернувшихся с Кавказского фронта, и приняли решение обезоружить их и ликвидировать. С этой целью бек Шихлярского села Ибрагим-бек в январе 1918 года организовал ударный отряд в составе 400 человек. Под руководством участника Закавказского совещания националистических партий в Тифлисе, представителя Кубинского уездного национального комитета, исполнителя воли закавказских контрреволюционеров полковника Алибека Зизикского 27 января 1918 года на станции Хачмас было организовано вооруженное нападение на возвращав-

шихся с фронтов русских солдат. В результате были убиты сотни солдат, рабочих железной дороги, в том числе большевиков, и мирных жителей.

Алибек Зизикский, Гамдулла Эфенди, Маил Заиров, шихлярские беки организовали вооруженные отряды с целью оказания мусавистам помощи в свержении советской власти в Баку.

Чтобы противостоять контрреволюционным силам, во второй половине марта на станции Хачмас под руководством Мешади Азизбекова состоялось совещание кубинских большевиков, которое и приняло решение взять власть в свои руки. Через несколько дней после этого в Еврейской Слободе на квартире одного из активных организаторов Красной гвардии Исака Ифраимова состоялось подпольное совещание большевиков, на котором было принято решение ускорить организацию красногвардейских отрядов и укрепить их. В первое время в этих отрядах находилось 80 человек — жителей Слободы. По их просьбе в конце марта 1918 года в помощь им из Баку была прислана воинская часть в составе 200 человек под начальством комиссара Давида Головани. В ночь на первое апреля они торжественно вошли в Кубу и, соединившись с местными кубинскими революционными силами, предъявили уездному начальнику Алибеку Зизикскому ультиматум — передать власть большевикам. Но Зизикский, обманув бдительность большевиков, сбежал в Кусары. В 9 часов утра власть в Кубе перешла в руки большевиков. Политзаключенные были освобождены, дом Ибрагим-бека был превращен в штаб обороны большевиков, а революционные части расположились в городе и в Слободе и вели охрану важнейших объектов.

Но контрреволюционеры не успокаивались. Алибек Зизикский со своими силами в Кусарах и шихлярские беки объявили «джихад» (священную войну) и начали наступление на Кубу. С противоположной стороны, от селения Рустов, наступал на Кубу другой отряд контрреволюционеров под предводительством турецкого офицера Исмаила Али Эфенди, а со стороны Дивичей — отряды Гамдулла Эфенди. В центре города Кубы и в Еврейской Слободе шли кровопролитные бои. Основные объекты переходили из рук в руки по нескольку раз.

Контрреволюционным силам Зизикского и шихлярских беков в Слободе противостояли красногвардейцы. Для того чтобы войти в город Кубу и разгромить советскую власть, им надо было сначала

войти в Слободу, покончить с красногвардейцами, хорошо обученными и вооруженными. Мужеству и героизму красногвардейцев не было предела. Они превратили Слободу в бастион советской власти. Ожесточенные бои продолжались несколько часов. Только когда кончились патроны (а помощи неоткуда было ждать), красногвардейцы вынуждены были оставить Слободу, отойти в город, а оттуда — в сторону Хачмаса. Контрреволюционные отряды А.Зизикского, шихлярских беков, Гамдулла Эфенди, Мухбала Эфенди объединились и стали наступать на бакинскую коммуну.

В середине апреля в кровопролитных боях большевистские отряды под командованием Д.Головани разбили наголову отряд дашнака полковника Амазаспа, который в составе 1500 человек наступал на Кубу. Чтобы очистить Хачмас и Кубу от контрреволюционеров, в помощь отряду Головани из Баку прибыли воинские части под командованием Г.Стуруа и А.Оганесова. Трудящиеся Кубы, будучи воодушевленными этой подмогой, подняли вооруженное восстание, предъявили ультиматум Зизикскому и потребовали освобождения политзаключенных. Зизикскому и на этот раз удалось удрать из города и миновать расправы.

23 апреля на городской площади было объявлено о восстановлении советской власти и образовании военно-революционного комитета Кубинского уезда. 24 апреля были освобождены более 100 человек политзаключенных, имущество Алибека Зизикского и других контрреволюционеров было конфисковано, местная буржуазия обложена налогом в 1 млн. рублей. 30 апреля в Кубу прибыли новые воинские силы.

В это же время в Кусарах полковник Алибек Зизикский и князь Шихлинский собирали свои силы. К ним присоединились контрреволюционеры из Дагестана. В самом конце апреля их отряды в составе 6000 вооруженных людей вновь повели наступление на Кубу. В городе и в Слободу шли серьезные бои. Несколько раз Слобода и Куба переходили из рук в руки. В этих боях героически сражались слободские красногвардейцы И.Ифраимов, Ш.Мишиев, Агарун Шоул, Р.Нисимов, Мардахай Довид, А.Соломонов, Х.Симандуев, И.Ильяев, Р.Авадьяев, М.Юсуфов, Д.Илизаров, Р.Абрамов и другие. Большевистские войска вынуждены были снова отступать в сторону Хачмаса. В этих боях погибли 200 красногвардейцев, свыше 1500 человек мирных жителей. На Хачмасском шоссе мусаватистами были расстреляны 18 коммунистов.

В первых числах мая 1918 года большевистские воинские части под начальством Абрама Велунца без боя вошли в Хачмас. 12 мая в помощь кубинским большевистским частям прибыли из Дагестана воинские части под командованием Г.И.Попова. К ним присоединились кубинские красные партизаны, возглавляемые Исаком Ифраимовым. Город Куба вновь был освобожден от врага. Враг с боями отступал через Слободу в селение Дигях. 14 мая в 2 часа дня и селение Дигях также было освобождено от врага. К вечеру был освобожден и город Кусары. Враг отступил к границам Дагестана, в горы, где продолжал накопление силы. Бакинский Совнарком назначил комиссаром г. Кубы ее уроженца — А.Б.Юсифзаде. Начался процесс организации сельских советов, состоялся съезд депутатов сельских советов Кубинского уезда.

Но недолго продолжалось затишье. 6 июля 1918 года в 4 часа дня объединенные мусаватско-дагестанские контрреволюционные силы тремя колоннами со стороны Кусаров наступили на Кубу. Красная Армия заняла оборону на левом берегу Кудиял-чая и затем выгнала врага из Еврейской Слободы. Через восемь часов кровавых боев враг отступил далеко от города. Но 7 июля наступление их войск на Кубу началось вновь. Но враг был разбит и отброшен с помощью прибывших из Хачмаса бойцов Красной Армии.

В середине июля турецкие войска под командованием Шукюр Паша, перебравшись из города Закаталы в Дагестан, в город Ахты, создали серьезную угрозу для Кубы. К ним присоединились неоднократно битые отряды Зизикского и шихлярских беков. Временное падение советской власти в Баку облегчило задачу кубинских контрреволюционеров. 1 августа пала советская власть и в Кубе. Красноармейские части отступили в сторону Дербента.

В течение всех этих месяцев кровопролитных боев Слобода была в ужасном положении. Слобода, как известно, находится в ложбине между сыртом и городом Куба. Перестрелка, неоднократные наступления контрреволюционеров на Кубу и также неоднократные отступления — все это проходило через Еврейскую Слободу, и они всю силу своей ненависти и злобы нещадно направляли на Слободу и, в первую очередь, на слободских жителей, устраивая погромы и резню. Озлобление, с каким относились контрреволюционеры к Слободе и слободским гражданам, объяснялось не только вековой религиозной ненавистью, но еще в данном случае и тем, что именно из слободских граждан состояли основные силы кубинских красно-

гвардейцев, а потом и красных партизан, и Слобода долгое время являлась их непобедимой твердыней.

Вначале в подпольном революционном комитете, организованном в Слободе 15 апреля 1918 года, состояли всего 19 человек во главе с председателем Ифраимовым Исаком Миеровичем и секретарем Рахиль Ильяевой. Красногвардейский отряд состоял вначале всего из 80 человек. Ближайшими помощниками Ифраимова в этом деле были Исаак Ильяев, Шамай Данилов и Петр Мушаилов. В ходе боев отряд красногвардейцев из Слободы возрос до 825 человек. Сюда входили, кроме солдат, вернувшихся с фронтов, несколько сот слободских граждан, многие из которых потом погибли за советскую власть.

Еще в апреле, когда после своего поражения, собравшись с силой, контрреволюционеры стали наступать на Кубу и добились временной победы, они зверски расправились не только с красногвардейцами, но и с мирными жителями. На Слободе начались погромы и резня. Трупы лежали на мосту, под мостом, на улицах, у порогов домов. Слободе был предъявлен ультиматум: выдать всех большевиков и им сочувствующих, всех тех оставшихся в живых, которые из своих укрытий все еще продолжали обстреливать контрреволюционеров. Верхушка Слободы призывала слободчан к покорности, разлагала их своими проповедями, просила у контрреволюционеров мира, ценой выдачи всех оставшихся в живых красногвардейцев на растерзание. В Слободе, конечно, действовали не только революционеры, но и предатели.

В противовес Тюркскому национальному совету в городе Кубе под председательством Алибека Зизикского в Слободе существовал в тот период Еврейский национальный совет под председательством Раби Исака Раби Яхку. В его состав входили высшие духовные лица и крупные купцы Слободы. Внешне эти два совета относились к совершенно противоположным лагерям, враждебным друг к другу на религиозной почве (веронетерпимости). На самом же деле в борьбе против советской власти, против наших красногвардейцев они были солидарны.

Конечно, если бы Еврейский национальный совет был революционным, мог бы использовать такую значительную силу, как красногвардейцы, для борьбы и против контрреволюционеров, и против погромщиков.

Однако политическая борьба была важнее всех противоречий и

преград, даже религиозных. По требованию Тюркского национального совета Еврейский национальный совет предложил красногвардейцам Слободы разоружиться. Но когда те отказались сложить оружие и даже, находясь в окружении, продолжали борьбу за советскую власть, Еврейский национальный совет через своих агентов выдал их. Когда на обезглавленной Слободе началась резня, Еврейский национальный совет, духовенство и другие реакционеры единственное, что сумели сделать, — это призвать население к покорности. Их руками контрреволюционеры жестоко расправились с красногвардейцами, их семьями и родственниками. Реакционеры трех религий объединились против героев-красногвардейцев, перебили даже тех, кто им сочувствовал. Обманом и посулами был выведен из своего укрытия Ильягу Пардилов, и на глазах обезумевшего от ужаса его отца Бенямина он был тут же зарублен. Так же поступили с Ильей Даниловым и многими другими. Разгромили квартиру Ифраимова и расстреляли его родственников — Шальми Ифраимова и Хаима Симандуева. Контрреволюционеры проникли в дом красногвардейца Авадяева Бенямина. Не найдя его, на месте убили его отца и мать и ранили брата. Они также ворвались в дом другого красногвардейца, Захарья Пинхасова, и убили его сыновей и сестру, а дом разграбили. Предателями, действовавшими под руководством Еврейского национального совета, были Келабаба Илизир Шамарие, Заволун Ханукаев и некоторые другие. Резня продолжалась страшная не только в Слободе, но и в Хачмасае, и на Кубинско-Хачмасском шоссе. В Хачмасае шихлярские беки зарезали Захарья Бирор Кечалю Хануко (Манаширова) за то, что он не выдал им на расправу известных ему большевиков. Предатель Л.Хаимов выдал их, и вместе с Манашировым были зарезаны еще 17 человек, среди них 2 армянина. Многие красногвардейцы, решившие в эти критические минуты перебраться в революционный Баку, были в Хачмасае изрублены или расстреляны.

И в эти трагические дни конца апреля и начала мая, когда Слобода горела, когда шли ограбления и резня, а революционные части вынуждены были отступить, многие жители Слободы под покровом ночи, бросив свой кров и свое имущество, бежали в Хачмас, намереваясь оттуда железной дорогой перебраться в Баку или в Дербент, не зная еще, что их там ждет. Среди этих беженцев была и наша семья.

Надо отметить, что среди беженцев не было семей или родственников членов Еврейского национального совета, духовных лиц или

купечества. Они чувствовали себя вполне безопасно и удобно в дни разгула реакции в Слободе. Это тоже характерно.

Шоссейная дорога Куба—Хачмас была с вечера оглушена воплями и причитаниями беззащитных граждан Слободы. Тысячи людей ехали на арбах, подводах, бородатые старики, изможденные женщины, перепуганные дети. Большинство шли рядом с подводами, пешком, у многих в руках узлы. Все они двигались на станцию Хачмас. В этой темной ночи каждый непонятный шум, каждый одиночный выстрел где-то с боку, из лесу, создавали немыслимо трагическую обстановку — с криком, плачем и ужасом люди вдруг ускоряли шаг, одни падали, другие перебегали через лежащих. Это был невообразимый, страшный хаос.

Примерно в 5—6 километрах до Хачмаса, уже в совершенно темной ночи, вдруг сзади толпа стала давить передних, поднялся отчаянный вопль и плач, ужас сразу охватил всех. По толпе передавалось страшное сообщение о том, что только что на заднюю колонну беженцев напали бандиты, безжалостно ограбили их, а женщин и девушек увели в лес. Никакая усталость, никакая забота о детях не могли остановить беженцев. Кто как мог, оставив свою арбу, свой скарб, бежали по шоссе вперед, не оглядываясь. Душераздирающие вопли матерей, потерявших детей, плач детей, крики взрослых, вой шакалов в лесу еще больше накаляли атмосферу.

Всю дорогу я шел пешком в чарыхах рядом с родителями. После долгой ходьбы я — 11-летний мальчик — быстро уставал, поэтому иногда меня сажали на арбу, и мама всегда шла рядом со мной. Но в тот страшный момент, когда началась паника, я разом потерял их. В эту глубокую темную ночь ужас охватил меня. Чувствуя свое безвыходное положение, я, одинокий среди этой незнакомой разношерстной толпы, еле волоча свои израненные чарыхами и опухшие от долгой ходьбы ноги, со слезами на глазах шел в сторону Хачмаса. На рассвете мы достигли Хачмаса. Огромная привокзальная площадь была забита беженцами и наполнена их криками. Я с неимоверным трудом нашел все-таки своих отчаявшихся родителей. Двое суток я больной лежал под открытым небом на площади (благо, что это было летом) под наблюдением своих родителей. Не прекращался поток отчаявшихся и обездоленных людей. Они бежали, спасаясь от насилия. Многие стали жертвами кровавой расправы. В заветный Баку нас не пустили. С трудом нам удалось добраться до Дербента, где жили наши родственники.

Здесь в Дербенте нас ожидала не меньшая беда. На Дербент в разное время волнами нападали бечераховцы, турки, искали среди нас большевиков, грабили, убивали, арестовывали всех мужчин, арестовали в том числе и моего отца. По ночам мы скрывались в каменных подвалах лимонадного завода, а утром, возвращаясь, находили свою квартиру разграбленной.

Через несколько месяцев, когда наступило затишье, в сравнительно более спокойной обстановке многие беженцы, в том числе и наша семья, в сентябре опять вернулись в Кубу, в Слободу.

Но эта была не та революционная Слобода, которая бурлила в весенние и летние месяцы 1918 года, восхищенная великими идеями социалистической революции. Ныне Слобода была подавленная и ограбленная, истерзанная и безутешная в своем горе. Многие и многие семьи в ней несли глубокий траур по своим сыновьям, родным и близким. Многие женщины остались вдовами и оплакивали своих мужей и кормильцев, а дети стали беспризорными. По вечерам вопли и стенания царили здесь, душераздирающий плач и стон неслись из домов. Сотни людей — отважных и гордых — погибли за победу советской власти в единоборстве с контрреволюционерами.

В Азербайджане было установлено господство националистов, которые тут же ликвидировали первые революционные завоевания трудящихся и установили власть национального угнетения и порабощения.

В Баку находилось не только новое азербайджанское правительство, но и главный английский штаб во главе большого военного гарнизона оккупационных войск. Англичане установили на центральной площади Баку виселицы для устрашения населения, бросили в тюрьмы большую группу политических работников и объявили большевиков врагами союзников. Фактическим хозяином было оккупационное английское командование, волю которого и выполняло буржуазно-националистическое правительство Азербайджана.

Торжествовали свою победу и внутренние слободские контрреволюционеры и предатели. Оставшиеся в живых наши красногвардейцы и красные партизаны разбрелись кто куда, но только не в Слободу, опасаясь предательства и расправы. Их, еще живых, но уже исчезнувших, тоже оплакивали родители, жены и дети.

В 1919 году я окончил начальную русскую школу. Продолжать учебу больше было негде. Наш выпуск был пятым.

Я был довольно хилым мальчиком и, как все капризные маль-

чики, питался неважно. Родители решили отправить меня в Баку к нашим состоятельным родственникам, чтобы «поменять воздух» — «һово дағиши»: авось в кругу моих однокашников-родственников я наберусь смелости и буду питаться нормально. Отец к тому же по совету моего бакинского дяди мечтал устроить меня на учебу в гимназию. Этот вариант тщательно скрывался от моей мамы, заранее зная, что она не захочет отпустить на долгие годы от себя своего единственного сына. Она родила десять детей, и лишь одного мальчика — меня, причем из десяти детей семь умерли в детском возрасте от разных болезней. Собирая меня в дорогу, мать горько плакала и со слезами и со словами «свет очей моих» проводила меня. Мог ли я тогда знать, что последний раз нахожусь в объятиях моей дорогой мамы.

Помню, в Баку мой дядя Ильягу в европейском костюме привел меня в гимназию, которая тогда помещалась на углу улиц Гимназической (ныне улица Толстого) и Гоголя. Отец остался в приемной, а дядя Ильягу повел меня к его превосходительству — начальнику. «Начальник» (не знаю, кем он был, но, видимо, решал все он) выслушал дядю снисходительно, посмотрел на меня, а для приличия и на мой аттестат и после слов «видите ли...» дал понять, что процент, установленный для инородцев, уже исчерпан, поэтому он не в состоянии удовлетворить его просьбу.

Даже звание купца и европейский костюм не помогли моему дяде устроить своего племянника в гимназию. Таковы были порядки тогда. Вот какую школу жизни прошел я и мне подобные. Ко всем мерзостям и подлостям того режима, что я пережил, прибавились теперь для меня и такие понятия, как «инородец» и «процент», преграждающие нам путь к настоящей человеческой жизни. Я остался жить в Баку в семье моей тети. Они были богатыми, и мое нахождение в этой семье не могло повлиять на их бюджет.

Здесь, в феврале 1920 года, я получил печальную, прискорбную весть: в Кубе, далеко от меня, скончалась моя мама. Она родила еще одну, десятую девочку и, наверное, тем самым вызвала еще большую неприязнь к себе. После родов она заболела, как говорили, бессонницей. Не только больниц, поликлиник, родильных домов не было тогда, но не было ни одного врача, даже фельдшера. «Лечением» занимались бабки, знахари и раввины, которые писали или готовили «хейкали», «питики», всякие священные амулеты.

Ей — больной маме — по рецепту этих «врачевателей», дали

против бессонницы тирьяк (опиум), видимо, дали большую дозу, чем это допустимо, и она уснула... на этот раз навечно с именем своего единственного сына на устах. Такова была тогда судьба горянок.

Неимоверно тяжело было мне. Семь дней я сидел в трауре, скрупулезно соблюдал и совершал все обряды и ритуалы, диктуемые иудейской религией, но душевного успокоения не нашел. Я стал чувствовать себя более взрослым, чем на самом деле был, и по-иному стал думать над своей судьбой.

Апрельская социалистическая революция 1920 года в Азербайджане была для меня настоящим прозрением. Да и как было мне не восхищаться социальными и политическими переменами, которые были провозглашены этой революцией, когда я — молодой паренек — не только по рассказам старших, но и на собственной шкуре прочувствовал все «прелести» старого общества: национальную рознь, дискриминацию, антисемитизм, погромы, неравенство политическое и экономическое, порабощение, невежество, бескультурье. И все это будет опрокинуто и ликвидировано! Разрушится старый скверный мир. Наступает новая эра. Мне казалось, что такие строки «Интернационала» — «Вставай, проклятьем заклейменный»... и «Кто был ничем, тот станет всем!» — непосредственно обращены ко мне и мне подобным...

Я был очевидцем исторических перемен, которые произошли в ночь с 27 на 28 апреля 1920 года. Накануне на площади, ныне называемой именем 26-ти бакинских комиссаров, напротив деревянного здания кинотеатра «Рекорд» я видел, как готовились к чему-то очень важному большевистские войска. 28 апреля рано утром, разбуженный ликующей толпой, я отправился на вокзал. Видел появление частей легендарной XI Красной Армии, пока в лице состава первого бронепоезда «III Интернационал», исчезновение атрибутов мусаватской власти. 30 апреля в Баку появились и другие воинские части. Радостные, воодушевленные, они вызывали всеобщее ликование, попали в крепкие объятия бакинцев. На улицах Баку проходили митинг за митингом. Они, как правило, завершались художественной частью: песню сменял танец, потом звучали сатирические куплеты. Работали во всю агитбригады, убеждающие народ в том, что все теперь находится в его руках, что он сам является хозяином родного края.

Через два-три дня на углу улиц Гоголя и Гимназической в зда-

нии, ныне занимаемом стройтрестом Баксовета, был организован клуб рабочей молодежи, и я, охваченный их энтузиазмом, почти с утра до поздней ночи находился в этом клубе, слушал и впитывал в себя многочисленные доклады, беседы, революционные песни, смотрел театральные инсценировки и постепенно, незаметно для себя, сам стал активным участником этих собраний. Все пережитое в 1918—1920 годах и все, что видел и слышал в Баку на собраниях в клубе, оставило во мне свой след и дало первый толчок к более сознательному отношению к окружающему.

На улицах Баку и в этом клубе тогда было развешано много плакатов и лозунгов. Один из таких плакатов изображал царя, попа и богача, и в надписи говорилось о том, как они совместно угнетали трудящихся.

Не зная еще законов драматургии, я здесь же в Баку стал писать, используя местный материал, первую на родном языке пьесу «Царь, поп и богач», в которой изложил свои мысли, навеянные этим плакатом, рассказами и докладами о деспотизме царской власти, о союзе царя, попов и богачей, о том, как они совместно угнетали и эксплуатировали трудящихся. С этим небольшим багажом я мчался в Кубу, чтобы передать все эти волнующие новости своим сверстникам.

В Кубе, в Слободе я был не менее поражен переменами, которые здесь произошли. Слобода гудела, как растревоженный улей.

Что же произошло в нашей Слободе, как она встретила Апрельскую социалистическую революцию? 27 апреля в 13 часов активные части XI армии — 4-й пехотный полк (командир Ковалев, комиссар Чернышев), первый кавалерийский полк (командир Маравский), особый кавалерийский эскадрон (командир Солнцев) при 4 пехотном полку — двумя колоннами, одна по Алпанской дороге, другая по Дербентскому шоссе прибыли в Еврейскую Слободу. Восхищенные граждане Слободы встретили части Красной Армии хлебом и солью. Здесь же на большой площади против нынешнего клуба состоялся внушительный митинг, на котором с речью выступили представитель кубинских большевиков Асадулла Талыбов, бакинский рабочий, подпольщик в Слободе, будущий секретарь слободской коммунистической ячейки Мардахай Якубов и представитель воинской части Попков. После митинга воинские части торжественно в сопровождении слободских граждан двинулись в город Кубу. Там их тоже встретили хлебом и солью. Был проведен большой митинг. Части Красной Армии были расквартированы в городе Кубе в воинских казармах. Коман-

дир 4-го пехотного полка Ковалев со своей охраной жил в Еврейской Слободе.

Единственный в Слободе трехэтажный дом купца первой гильдии Асафа Агабабаева, на внутренней стене которого маслом был нарисован надменный и чопорный купец с ручкой водяного кальяна во рту и с кассой в 1 000 000 золотых рублей перед собой, был экспроприирован (национализирован). Здесь разместился отряд Упродарма XI армии во главе со своим начальником Парахиным.

Так были вознаграждены мои земляки за долгое ожидание настоящей свободы и раскрепощения. Эти небольшие части Красной Армии были поначалу надежной опорой первых слободских коммунистов.

Слободские труженики наконец вздохнули свободно. Рухнул вековой гнет, стала исчезать обособленность. Трудящаяся молодежь устремилась в еще незнакомый, но возвещавший справедливость и равноправие мир. Босые, голодные и неграмотные дети ринулись в русскую школу. Революция изменила все.

НАЧАЛО ПЕРЕМЕН. ПЕРВЫЕ КОМСОМОЛЬЦЫ СЛОБОДЫ. «ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМ ПОВОЛЖЬЯ»

...О том, с каким небывалым энтузиазмом встретили трудовые люди Слободы окончательное установление советской власти в Азербайджане и как самоотверженно они взялись защищать ее от врагов, говорит следующий факт.

В мае 1920 года РКСМ объявил Всероссийскую мобилизацию комсомольцев на фронт — на борьбу против белополяков. У нас в Слободе комсомол только создавался, и поэтому здесь речь шла не о мобилизации, а о записи добровольцев в Конную армию Буденного. Это было летом, через несколько недель после установления советской власти в Азербайджане, в те самые дни, когда наша инициативная группа развернула активную работу по организации в Слободе первой в Кубинском уезде комсомольской ячейки.

Процесс записи добровольцев вылился здесь в невиданный до того времени всенародный праздник. Люди трудовые, обездоленные, «проклятием заклеянные», полностью испившие горькую чашу нужды и двойного гнета, получив теперь мир и свободу, жадно и с восхищением встретили большевистскую власть, и теперь каждый из них хотел по мере сил выразить свою преданность этой власти, с оружием в руках защищать ее от империалистических интервентов. В течение 2—3 дней записалось несколько сот добровольцев. Среди них была не только молодежь — будущие наши комсомолцы, но и семейные люди разных возрастов, пожилые, даже отцы с сыновьями. Это было волнующее зрелище. Никогда слободчане не видели такого праздника, моря восхищения, хотя было очевидно, что многие могут остаться на полях сражений и не вернуться к своим родным.

Отряд добровольцев получил название «Непобедимая горско-еврейская кавалерийская бригада». Сейчас такое название звучит немного вычурно, но тогда, в бурные революционные дни, оно было характерно, в духе времени.

Добровольцами командовал бывший красногвардеец, участник гражданской войны, уроженец Грозного, будущий военный комиссар Кубинского уезда Беньяминов. У этой нашей «кавалерийской бригады» пока не было ни одного коня, ни одной шашки, но важным было то, что они добровольно записались защищать молодую советскую власть. А ведь всего 7—8 лет назад, когда накануне первой мировой войны царское правительство провело мобилизацию, это было трагедией для слободчан. Все старались увильнуть от той мобилизации. Некоторые из имущих смогли откупиться, другие даже шли на членовредительство, лишь бы не попасть в солдаты, кое-кто дезертировал в леса. В день мобилизации Слобода была одета в траур, скорбь и слезы были уделом семей мобилизованных. А сейчас, при советской власти — добровольная запись в Красную Армию, чтобы защищать свою рабоче-крестьянскую власть. Какой контраст!

Прежде чем отправиться в Баку на формирование, наши добровольцы с красными бантами в петлицах при скоплении тысячной восхищенной толпы людей торжественно промаршировали по главной улице Слободы. Впереди с красным знаменем в мускулистых руках шел высокий широкоплечий, с чуть рыжеватой окладистой бородой пожилой Шальму Тавруз. Рядом с ним шагал другой доброволец — горемычный и убогий старик Баабон.

В Баку отряд добровольцев был приведен в должный порядок. Некоторые по возрасту или по состоянию здоровья вернулись в Слободу. Остальные в рядах 45-й конно-кавалерийской дивизии XIV армии отважно воевали с белополяками.

В этой восхищенной, взбудораживающей обстановке мы — несколько парней — захотели в какой-то миниатюрной форме перенести в Слободу то, что я видел в Баку. Хотя грозный хозяин дома, в котором была расположена воинская часть, прохаживаясь по тротуару, все еще охранял свои владения от посторонних, я со своими товарищами Авадья Авадьяевым, Манаширом Юсифовым сумели проникнуть в этот пока что загадочный для нас дом, впервые переступив его порог, и обратились к начальнику Упродарма Парахину. Мы просили у него разрешения и помощи нам «сыграть» мою первую пьесу. Он был рад нашему появлению, отвел нам огромный зал на третьем

этаже этого дома и потом делал все, что от него зависело, для нашего успеха. Для постановки пьесы не было сцены, часть зала была просто отделена занавеской. А пока что тут же дал нам брошюру о задачах Союза молодежи, разъяснил цели и задачи комсомола, посоветовал организовать свою ячейку и направил по этому поводу письмо в Баку.

10 июня 1920 года с участием приехавшего к нам представителя ЦК АКСМ Церковникова была оформлена первая комсомольская ячейка, а я избран был ее секретарем. Комсомольский билет стал моей путевкой в жизнь. Другая комсомольская ячейка была организована в г.Кубе.

Начался период весьма увлекательной и интересной работы, которой мы были полностью поглощены. Об этом пойдет рассказ дальше.

С первых же дней установления советской власти коммунистическая партия и Советское правительство разработали и неуклонно проводили в жизнь специальные мероприятия по работе среди национальных меньшинств, населяющих бывшую царскую империю. Выполняя решения VIII съезда и VIII конференции РКП(б), ЦК РКП(б) в феврале 1920 года утвердил инструкцию о работе среди национальных меньшинств. При ЦК РКП(б) были образованы центральные бюро национальных секций, в том числе еврейских секций. С 1921 года в ЦК РКП(б) при агитпропотделе существовали несколько секций по работе среди национальных меньшинств, в том числе среди лиц еврейской национальности. В 1923 году в ЦИК СССР была создана вторая палата — Совет национальностей (при равенстве обеих палат) и при нем — Центросовнацмен. Нацменсекторы существовали и при ЦК КП(б) Азербайджана, и при ЦИКе Азерб. ССР.

Мероприятия, разработанные партией, были направлены на то, чтобы ликвидировать многовековую политическую, социальную и культурную отсталость национальных меньшинств, сплошную неграмотность, царившую среди них, поднять их культурный уровень и постепенно приобщить к шедеврам мировой культуры; подготовить высококвалифицированные кадры для народного хозяйства и советских, партийных органов; вовлечь их в общественно-политическую жизнь, обеспечить их участие в выборных районных, уездных и республиканских учреждениях и сделать их политически зрелыми гражданами СССР; ликвидировать многовековой национальный

гнет и ненависть, великодержавное пренебрежение к интересам малых народов, обеспечить мир и братство всех народов — малых и больших, их процветание; ликвидировать их неравенство, поднять отсталые национальные меньшинства до уровня передовых народов страны.

Все это надо было осуществлять не поочередно, а одновременно, широким фронтом, в короткие сроки.

Выполнение этих грандиозных мероприятий проходило не всегда гладко. Классовые враги и буржуазные националисты, все еще не сдавшие своих позиций, всеми силами препятствовали успешному выполнению партийных мероприятий, создавали всякие препоны и провокационные акции, чтобы сорвать эти мероприятия. В некоторых государственных учреждениях находились и такие люди, которые то ли из-за своей политической слепоты, то ли умышленно срывали эти мероприятия, нарушали и искажали национальную политику коммунистической партии и тем самым помогали буржуазным националистам и реакционерам сеять среди темной массы недоверие к политике Советского государства.

Далее. Врагами были не только эксплуататоры, купцы и духовенство, власть которых законы советской власти ограничивали и сопротивление которых надо было сломить. Врагами, еще более опасными, были невежество и неграмотность, религиозные предрассудки и пережитки патриархальщины, культурная и социальная отсталость, фактическое бесправие и закабаление женщин, религиозные ритуалы и обряды, обычаи и адаты, державшие темный народ в цепях. Чтобы мероприятия партии дали должный эффект, необходимо было бороться и с этим.

Опорой коммунистической партии в деле выполнения ее программы в Слободе выступали коммунистическая и комсомольская ячейки.

Коммунистическая ячейка в Слободе была создана на следующий же день после свершения Апрельской революции. Она вначале состояла из 5—7 коммунистов, которых возглавлял уроженец этой же Слободы Мардахай Якубов. Он несколько лет был рабочим в Баку, имел некоторый опыт подпольной и революционной работы. И он, и все эти первые коммунисты были азбучно неграмотны, едва выводили лишь свою фамилию. Но они испытали на себе и национальный гнет, и власть эксплуататоров, прошли через ужасы 1918 года и хорошо знали всех слободчан: кто из них противник, а кто — друг

молодой советской власти. Они имели жизненный и некоторый революционный опыт.

Коммунистическая ячейка, работавшая под непосредственным руководством уездного комитета партии, руководила всеми возникавшими тогда разными общественными организациями и решала многочисленные жизненные слободские вопросы. Работа была разнообразна и многогранна. Возможно, не все делалось так, как надо, может, были допущены и ошибки, ведь готового рецепта, опыта строительства Советского государства не было. Да и решения и указания руководящих партийных органов не всегда своевременно доходили до них, а если и доходили, то малограмотность не позволяла достаточно их понимать. Они работали, главным образом, по интуиции, как подсказывала им революционная совесть. Их азбукой была сама жизнь. Тем не менее эта небольшая группа коммунистов, несшая на себе все трудности первых лет революции, была первой и верной опорой партии большевиков и советской власти в Слободе. В ходе революционных бурь и громадного роста авторитета коммунистов наша партийная ячейка быстро росла.

Также и комсомольская ячейка с первого дня своего создания стала массовой, всеобъемлющей и с пылким революционным духом и размахом начала активно бороться со старыми порядками и осуществлять мероприятия для построения новой жизни.

Очагом нашей комсомольской и культурно-просветительской работы стал клуб, который вскоре после передислокации отряда Упродарма XI был создан в Слободе в трехэтажном купеческом доме. По предложению нашего секретаря коммунистической ячейки Якубова Мардахая клуб получил название «Рабоче-крестьянский клуб имени Фридриха Энгельса». При клубе организовали ряд кружков, в первую очередь политграмоты, где мы учились сами и учили других. Для населения создали сеть ликбезов, педагогами тоже были мы — не очень-то грамотные комсомольцы. В стихах и куплетах, которые сочинялись нами же на злободневные темы и публиковались в стенных газетах, мы бичевали язвы и пороки старого общества, пропагандировали новые революционные идеи. Острие нашей борьбы было направлено против эксплуататоров, купцов, духовенства, против феодальных отношений, религиозных обрядов и обычаев и других уродливых фактов тогдашнего быта.

Используя советские законы, мы защищали батраков и учеников-ремесленников от произвола эксплуататоров, вовлекали их в ком-

сомол, стремились развить их политическое самосознание. Широко пропагандировали интернационализм, выступали против национальной ограниченности и национальной ненависти, устраивали совместные собрания и встречи комсомольцев города и Слободы.

В этом же клубе мы знакомились с событиями внутренней и международной жизни в тех рамках, в каких это было тогда возможно. Была организована библиотека-читальня, проводилась громкая читка газет и лекций, устраивались литературные чтения и диспуты. Молодежь проводила в клубе свой досуг в кружках хоровых, танцевальных, шахматных. Каждый находил себе занятие по душе, отдыхали за чашкой чая.

На многочисленных митингах и собраниях, на которых всегда присутствовало большое количество людей (хотя оповещали их об этих встречах лишь просто устными объявлениями), с захватывающими речами, используя местные факты, выступали наши комсомольцы. Конечно, план такого выступления рассматривался предварительно, чтобы предусмотреть возможные вопросы и заранее подготовить более точные ответы на них. Эти выступления-доклады объясняли посетителям собрания цели и задачи того или иного мероприятия советской власти и коммунистической партии. Собрания если не всегда начинались, то обязательно кончались пением революционного гимна «Интернационал». Вначале пели мы его на русском языке, но потом, хотя с некоторыми погрешностями, перевели на родной язык, пели с большим задором, и слова этого гимна, произнесенные на родном языке, не менее, чем любой доклад, глубоко доходили до сознания участников и объясняли им то, что предстояло сделать.

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!

.....

Мы наш, мы новый мир построим;
Кто был ничем, тот станет всем!

Эти слова «Интернационала» вызывали ликование, а у некоторых даже слезы радости. Люди стали понимать, что наступила новая эра, пришел конец национальному угнетению, политическому бесправию и социальному неравенству. Но все это было не сразу, а постепенно, по мере пробуждения самосознания людей.

Нам повезло. Первое время — в 1920 году — к нашей комсомольской ячейке был прикреплен председатель Кубинского уездного ревкома Касум Исмаилов, который очень помогал нам, да и коммунистам тоже, своими советами и указаниями. Он был не только наставником нашего комсомола, но и любимцем жителей Слободы. Он происходил из селения Лагич Шемахинского уезда, а лагичский язык, как известно, очень близок к татскому. И вот, приходя из города в Слободу, он с неизменной улыбкой здоровался со слободчанами, а главное, разговаривал с ними на их родном языке. А это тогда много значило. Жители Слободы привыкли видеть у себя до революции уездного начальника Леонтьева, пристава Берга и других чинов старой власти, которые только и знали, что ругали слободчан на малопонятном им языке, угрожали им, да были даже случаи обычного рукоприкладства. От них старались моментально сбежать подальше, как от чумы. А тут сам председатель уездного ревкома здоровается за руку и даже беседует на их языке. В одном этом слободчане видели, что значит раскрепощение и равноправие, объявленные советской властью. И когда, спустя несколько лет, в другом уезде он погиб от рук врагов, для увековечения его памяти, по просьбе наших жителей, слободской рабоче-крестьянский клуб был назван его именем, именем Касума Исмаилова.

В течение нескольких месяцев в Слободе было более 100 комсомольцев, сосредоточенных в нескольких ячейках. На базе этих ячеек в 1921 году был создан Слободской райком комсомола. Мы — работники райкома — Соломонов и я — получали тогда зарплату, главным образом, натурой — продуктами и одеждой. Райком просуществовал около двух лет, потом он был ликвидирован, и комсомольская ячейка Слободы стала подчиняться непосредственно укому комсомола.

Ведущими комсомольскими активистами первых годов были Авадья Авадьяев, Антон Соломонов, Натан Ильяканев, Исак Хануков, Израил Давыдов, Заволун Бираров, Менашир Юсуфов и другие.

Да, мы были очень молоды, эти первые слободские комсомольцы. В первые годы советской власти люди взрослели быстрее. Ответственность добровольно возложенной на себя непомерной ноши заставляла нас взрослеть с невиданной стремительностью. И учились, и росли в борьбе. Друзья смотрели с восхищением и завистью, враги же проклинали комсомольцев всюду.

При комсомольской организации Слободы первое время существовал вооруженный штаб, чтобы в случае необходимости встать на

защиту молодой советской власти. После, в 1922—1923 гг., в таком штабе не было больше необходимости, мы все обучались в отрядах ЧОНа — частей особого назначения, несли караульную службу, дежурили и выполняли другие обязанности. Наши слободские комсомольцы-чоновцы Данил и Лазарь Шамаевы, Авадьяев, Рафаиль Самойлов и другие несколько суток охраняли Самурский железнодорожный мост от готовящегося нападения со стороны вооруженных бандитов. Некоторые принимали участие в подавлении бандитизма в Конахкендском, Нухинском и других районах Азербайджана.

Некоторые наши комсомольцы не выдержали остроту классовой и политической борьбы, не нашли в себе мужества активно бороться против вредных адатов и обрядов. А некоторые другие после введения НЭПа поддались искушению и пошли продолжать «дело» своих отцов — заниматься торговлей. Все они были исключены из комсомола как ненадежные попутчики и сыновья чуждых элементов. Теперь наша комсомольца приняла четко выраженный классовый характер, стала помощником коммунистической партии. Мы и раньше не принимали в комсомол детей эксплуататоров, купцов и духовных лиц. А теперь стали еще строже заниматься приемом в комсомол. Ряды комсомола теперь пополнились вырванными из лап эксплуататоров батраками, а также учениками ремесленников, и уже в 1923—1924 годах в Слободе опять было несколько ячеек, объединенных в один коллектив. Я был избран секретарем всего комсомольского коллектива. Потом в 1925—1926 гг. некоторые из тех, кто поддался искушению и пошел заниматься «проклятой торговлей», с повинной пришли в комсомол. Среди них, конечно, были и такие, которые просто не сумели тогда, в условиях безработицы, найти возможность приложения своим рабочим рукам. Но все равно вопрос о возврате в комсомол рассматривался строго индивидуально, с учетом всех обстоятельств.

Вот так примерно выглядели коммунистическая и комсомольская ячейки Слободы в первые два-три года после революции.

Социалистическая революция за короткий срок внесла коренные изменения в сложившуюся в течение веков психологию людей и тысячелетний уклад их жизни. Об одном лишь проявлении невиданной прежде людской солидарности говорит следующий факт.

Сильная засуха и неурожай 1921 года поразили огромные про-

странства Поволжья, Северного Кавказа и юга Украины. Голодали свыше 30 миллионов человек. Это было результатом интервенции 14 государств, блокады и тяжелой гражданской войны. Торжествовали враги Советского государства: то, что не удалось сделать силой оружия, думали они, сделает голод.

Центральный Комитет нашей партии и Совнарком объявили помощь голодающим всенародным делом. «Все на борьбу с голодом!» — таков был лозунг дня. В письме «Всем членам и всем организациям РКП(б)» ЦК партии призывал «немедленно организовать планомерную систематическую борьбу со стихийным бедствием, создать могучую организацию помощи голодающему населению». Государство само взяло на себя огромную заботу о голодающем населении. Братскую помощь пострадавшим районам оказывали трудящиеся всей страны, в том числе Азербайджанская республика. В республике был создан Комитет помощи голодающим Поволжья (Помгол).

Прозвучал призыв председателя Совнаркома Азербайджана Наримана Нариманова: «Пусть, кто может, вносит в фонд помощи голодающим один чаных пшеницы»¹.

Перед нами встала задача — как можно быстрее и в доходчивой форме довести этот призыв до каждой семьи. Именно до каждой семьи! Тогда у нас не было ни радио, ни газет. Выходила стенная газета, но большинство населения было неграмотным. Созывались сходы и собрания, проводились другие виды агитационной работы. Они давали соответствующий эффект. Но для данного случая все это было недостаточно. На собрания, митинги и в клуб женщины, соблюдая обычай отцов, еще не ходили, а без них, без их согласия такой вопрос не решишь, ибо основная трудовая масса Слободы сама еще жила впроголодь. Как они воспримут этот призыв, как откликнутся? И комсомольская ячейка решила послать лучших своих членов-агитаторов в кварталы — в махалла.

Всю Слободу по ее длине пронизывают три параллельные улицы, две из которых не совсем прямые, ибо дома тогда строились не по плану, косо-криво. Но одна — средняя, так называемое магистральное Куба-Дербентское шоссе, была относительно широкой, и прямой. Только в одном месте, напротив нынешнего клуба, прямо посередине улицы стояла синагога. Она искривляла эту прямую улицу так же, как все одиннадцать синагог, десятилетиями искривляли жизнь

¹ Ч а н а х — мера зерна, большая деревянная миска.

слободчан. Эти три параллельные улицы пересекают девять небольших улиц, образуя таким образом почти 30 кварталов, куда и были направлены активисты комсомола — агитаторы. Это были люди с зычным голосом и умением убедительно довести до масс лозунги партии.

Вот наш комсомолец идет по улице, останавливается в середине намеченного квартала и кричит: «Ой джамаат, кура бошит, бишнэ-вит! Кура бошит!» («Эй, джамаат, собирайтесь, слушайте! собирайтесь!») Через несколько минут вокруг нашего комсомольца собирается большая толпа — мужчины, женщины, а еще больше детвора. И наш агитатор начинает доходчиво говорить о голоде, о неурожае, о солидарности, о ленинском призыве и так далее. «Эркишму е чанах гэндюм». («Каждый из вас один чанах пшеницы».) «Хюшдэни хармах Ленин вз Нариманов...» («Сам товарищ Ленин и Нариманов призывают, просят вас и т.д.»)

Голод. Это страшное слово. Слободчане хорошо знали, что значит голод, часто они на себе испытывали страшную силу голода, но никогда не было, чтобы государство проявляло заботу о голодающих, даже сосед соседу не помогал, а купцы пользовались всеобщим голодом, чтобы еще дороже продавать хлеб и загрэбать побольше прибыли.

В Кубе, к сожалению, не сберегли для потомков архивных документов тех волнующих дней, пожар уничтожил архив, а человеческая память несовершенна, трудно через 60 лет восстановить все детали. Но перед взором и сейчас встает волнующее зрелище: пункт помощи голодающим в большом дворе одной из синагог и длиннущая очередь мужчин и женщин с чанахами в руках. Чанахи были разные: большие — настоящие, средние и даже маленькие, но все они были именно чанахами. В них, в этих чанахах, не во всех была пшеница, во многих — только ячмень, ибо тогда еще большинство населения Слободы ело хлеб, выпеченный из ячменной муки. Люди, которые еще жили впроголодь, принесли из своих скудных запасов свой пай, чтобы оказать помощь далеким голодающим. Каждый по очереди подходил по-особому торжественно-горестно и высыпал в хурджины содержимое своего чанаха и отходил с какой-то внутренней гордостью, что и он исполнил свой гражданский долг, долг нового, советского человека, принес на алтарь отечества свой пай.

Как за короткое время изменилась вековая психология и сознание людей! Только недавно в царской империи процветали велико-

державный шовинизм, национальная ненависть, распря и погромы. Только недавно слободчане в основной своей массе с недоверием и недружелюбно относились к другим, вели отчужденную, обособленную жизнь. А сейчас они, сами испытывающие немало лишений, делятся с братьями по классу буквально последним. Такая солидарность могла родиться только в результате произведенных коренных изменений в социальной жизни людей.

Добровольное движение по сбору чанаха зерна, самообложение для оказания помощи голодающим явились свидетельством роста классового сознания. Пострадавшим помогала вся страна.

Азербайджанская социалистическая республика отправила голодающим 13 тысяч пудов риса и хлеба, 3000 аршин мануфактуры, 400 миллионов рублей. В ответ была получена из Царицына (ныне Волгоград) в марте 1922 года телеграмма, в которой было сказано: «...Губком помощи голодающим позволяет себе от имени 800000 голодающих рабочих и крестьян губернии передать сердечную благодарность рабоче-крестьянским массам Азербайджана, искренне отозвавшимся на клич о помощи своим собратьям».

ПРЕОДОЛЕНИЕ АНТИСАНИТАРИИ, СУЕВЕРИЙ, РЕЛИГИОЗНОГО ДУРМАНА. АВТОРИТЕТ МОЛОДЕЖНОГО КЛУБА

Жизнь трудового люда в Слободе — это был мир отверженных. Все они были полностью погружены в житейские заботы, т.к. очень трудно было обеспечить свое существование, прокормиться. Чем беднее был человек, тем, как правило, больше было у него детей, тем больше голодных ртов. Во многих домах зажигали «чирог» (лучину), в огонь подбрасывали «кюп» (кизяк). Пустым, непроницаемым мраком невежества была покрыта их жизнь. Крайне бедна и убога была она. Жалкое прозябание без надежд на лучшее. Преобладали наиболее отсталые формы уклада общественной жизни и быта. Поэтому первое время революционные преобразования здесь были сопряжены с огромными трудностями в особенности там, где это относилось к сфере религии и религиозных обрядов.

Волновало антисанитарное состояние Слободы: страшная плотность жилых построек и поразительное отсутствие зелени, грязь на улицах и во дворах, даже вокруг синагог. Примитивное понятие об элементарных правилах гигиены. Даже на главной улице с балкона могли вылить ушат грязной воды. На этой почве возникали разные заразные болезни, вшивость. Нищета и антисанитария шагали вместе, царили рядом.

Типичной болезнью слободских бедняков, зажатых в тесных домах, пропитанных каким-то едким запахом, была парша («кечал»). Лечились они исключительно домашними методами, с помощью знахарей, бабок, раввинов. Главное средство — заговоры, «чудотворные

амулеты», питики, хейкалы, молитвы, колдовство и другие не менее дикие способы лечения.

Была бабка «мамузан Ширвани» (женщина из Ширвана), которую приглашали для лечения всяких женских болезней, а также при родах. Она имела большую практику и, возможно, кое-что в этом понимала. Может быть, она и помогала роженицам, но лечить, конечно, была не в состоянии. Был еще «хирург», безграмотный старик Исок Давид-джарах. Он предлагал разные «малхамы» от ран и язв, делал «боткяш» (кровопускание), даже языком своим вылизывал язвы, иногда бывали удачи, а чаще — нет. Но ни одного настоящего врача, даже фельдшера не было. Небольшим «светлым пятном» была так называемая «тукуй атор» — лавка растительных лекарств, аптека восточного типа. Хозяином этой «аптеки» был Севгил Огор (Рувин Рувинов), старик с длиннющей бородой, называемый Раби Севгилом. Он знал до 70 видов растений, различные листья, травы, корни. Из них он делал по опыту, который передавался по наследству от его предков, настойки или в естественном виде предлагал как средство от разных болезней. Трудно представить, насколько это были лечебные средства, но бывали и удачи. Но главными методами «лечения» в Слободе были, конечно, заговоры, колдовство и другие дикие религиозные обряды.

К нам в руки попала брошюра — доклад В.И.Ленина на VII Всероссийском съезде Советов, состоявшемся 5—9 декабря 1919 года. В этом докладе Ленин остановился на трех трудностях внутренней жизни, без преодоления которых невозможна окончательная победа советской власти. Первая трудность — это недостаток хлеба и голод в крупных рабочих центрах, вторая трудность — отсутствие топлива и «третий бич, — говорил Ленин, — вошь, сыпной тиф...». Ленин призывал: «Все внимание этому вопросу. Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!» Мы широко использовали этот призыв в нашей борьбе с вшивостью.

Тогда в Слободе не было бани в нашем понимании. В летнее время люди купались в речке, да и то не все. Единственная баня восточного типа с одной большой комнатой для мужчин и «мюгюми» — бассейном для женщин — работала не всегда из-за отсутствия клиентов. И когда она топилась, подросток-«джарчи» на всю главную улицу кричал: «Хомум гилэк гәрми», т.е. «гилякская баня на топилась», зазывая таким путем желающих купаться. И это — на всю Слободу, где проживало 8 тысяч жителей! И после, когда в

1926 году была построена в Слободе первая современная баня, посетителей было еще некоторое время недостаточно. Насколько люди были темными, закабалены религиозным дурманом, что первое время разумные доводы действовали слабо.

Через несколько месяцев после установления советской власти сначала в городе, а потом и в Слободе появились первые врачи, первые фельдшеры и медсестры, а потом — и медпункты.

Все усилия были направлены на борьбу с паршой и другими заразными болезнями. Но прежде всего надо было усилить борьбу с антисанитарией, с вшивостью, надо было отучить слободскую бедноту (а богатые в это вообще не верили) от колдовства, знахарства и т.п.

...Суеверие. Оно имело страшную власть над слободчанами и так вкоренилось в их жизнь в течение веков, что еще долгое время от него не могли освободиться. К суевериям прибегали во всех случаях жизни, даже для деторождения, для урегулирования взаимоотношений супругов и т.д. Один из суеверных обрядов назывался «овосу». Раввин наполнял «чамтаз» (медную чашку) обыкновенной водой, накрывал платком, читал над водой молитву и тем самым «превращал» ее в лекарство против всяких недугов. Это и называлось «овосу» — очень меткое название. Если хорошо вдуматься в смысл слова «овосу», то каждому стало бы понятно, что здесь явный факт прямого шарлатанства, издевательства над отсталостью народа. «Овосу» состоит из двух слов: «ов» и «су». «Ов» по-татски — вода, а «су» — та же вода, но по-азербайджански. Так раввин «превращает» воду в воду. От этого «овосу» метко образовалось и другое слово — «овосунэ», что означает: пустое дело, брехня, суесловие, сказки, морока, небылица и т.д. Все об этом знали, а все-таки верили, слишком верили в чудодейственную силу этого «овосу» и находили в этом облегчение. Наша комсомольская агитация, беседы в домах, в клубе, разоблачение на сцене пороков священнослужителей, высмеивание диких нравов и невежественных явлений, пародии, фельетоны в стенных газетах, беседы и разъяснения медперсонала, поручение комсомольцам в первую очередь у себя дома и в обществе быть примером в соблюдении санитарных правил — постепенно давали свои положительные результаты, снимали пелену с глаз слободчан. Успех был колоссальным.

Существовало шестьсот тринадцать заветов — предписаний пророка Моисея и священных книг Торы, из них 268 повелений и 365

запретов, обязательные для каждого человека иудейского вероисповедания. С момента рождения и до самой смерти, в течение суток до единой секунды без исключения преследовали каждого эти повеления, запреты, ритуалы, обычаи, адаты. Все движения человека, его поступки и действия, его мысли и мечтания регулировались этими заветами, и каждый строго следил за собой, чтобы не нарушить их, скрупулезно точно и вовремя их выполнять.

Мальчики с 13-летнего возраста считались совершеннолетними, и они все без исключения проходили через обряд тэфилин. Это — молитвенные ремешки и два черных кожаных кубической формы ящичка. С помощью прикрепленных к ним длинных ремней один из них привязывают к левой руке, а другой — ко лбу, обвивая ремень вокруг головы. При этом привязывание имеет свой точный установленный порядок, его надо хорошо знать и точно соблюдать, а потом молиться. Это делается ежедневно по утрам. Только после этого можно приступить к завтраку.

Уходя из дома и входя в него, надо было целовать «мазузу», которая прикреплена к правому косяку двери. А что такое мазуза? Кусок пергамента со стихами из Библии, свернутый в свиток и заключенный в футляр.

Религия запрещает всякую смесь молочного с мясным, одновременное приготовление и употребление мясной и молочной пищи. Все это считалось «харум». Кушанье, дозволенное к употреблению, — это «кошер» («чистый»), т.е. только мясо животных, освежеванное раввином и определенное им как «кошер».

Религия запрещала вступать в брак с иноверцами. Муж в любое время мог развестись с женой, а жена — нет. Каждый мужчина, где бы он ни находился, должен был ежедневно три раза молиться. В субботу запрещено было работать. Из времен дореволюционной жизни нам были известны такие факты, когда главный раввин Слободы вместе с приставом составлял список «харамзаде» (нечестивый, нечестивец, грешный, порочный) — ненадежных граждан, допустивших отступление или нарушение закона божьего. А пристав, в свою очередь, в качестве наказания посылал их на «бигор» или отдавал в солдаты. А грех одного из этих несчастных заключался лишь в том, что он — бедняк — позволил себе в субботний день собирать хворост в своем собственном дворе.

В этой обстановке нам было непросто вовлекать слободских граждан в производственную и общественно-политическую жизнь. Пер-

вое время нерабочим днем для них считалась суббота, но это только на территории Слободы. А как поступать людям, работавшим за ее пределами? Были и другие немалые трудности. В субботний день по библейскому закону нельзя дотрагиваться до огня и разводить огонь. Поэтому еду на субботу готовили в пятницу, оставляли в тендире или на плите, а утром надо было ее подогреть, но огонь разводить запрещено. Еще хуже бывало зимой, дома холодно, без огня нет тепла. И вот в течение веков они пользовались услугами «аташку», или «утгалаян» (разводящий огонь). Этим занимались граждане из соседних сел, исповедующие мусульманскую религию. Они в субботний день шли в Слободу как на заработок, ходили по домам жителей Слободы и разводили огонь. За это они получали вознаграждение деньгами, хлебом, луком и т.д. Часто бывало и так, особенно зимою, что из-за холодов очень мало приходило людей-«аташку», и тогда возникали ссоры, драки между соседями из-за того, кто первый перехватит этого «аташку», в буквальном смысле слова таскали его каждый в свою сторону. А если их совсем не было, сидели у себя в холоде, мерзли, голодали, терпели всякие нечеловеческие неудобства, но ни в коем случае не позволяли себе нарушить закон.

Религиозный фанатизм был бичом, давил на сознание людей. Например, в день праздника Йом кипур (Судный день) они занимались самобичеванием («мэлхут»), подвергали себя экзекуции, били себя или, чаще всего, били друг друга по спине ремнем из кожи теленка, били долго, до изнеможения, чтобы всемогущий Бог простил им грехи. Но таким бичеванием подвергали себя только бедняки, а богатые просили у Бога прощения грехов только легким прикосновением рук к груди. И здесь все свершалось в зависимости от имущественного положения: бедняки — ремнями по спине, богатые — руками по груди, а раввины — ни тем, ни другим. Они только «взывали» к Богу и еще больше наполняли свои карманы.

Все это кажется сейчас невероятным, смешным, наивным. Это — сейчас, а тогда все это принадлежало к числу незыблемых устоев жизни граждан Слободы.

Власть адатов чувствовалась во всем, даже в малом. Ходить по улице с непокрытой головой, или сидеть в обществе, или у себя дома даже в самые жаркие дни без головного убора считалось кошунством и грехопадением.

Однажды, это было летом 1923 или 1924 года, мы — несколько комсомольцев — шли от клуба вверх по улице. Среди нас находился

наш комсомолец Лазарь Лазарев, тогда уже учитель школы. Он не только в школе, но очень часто и в обществе, и на улице ходил без шапки. Так и сейчас он был единственным среди нас без головного убора. С правой стороны улицы, на высоком тротуаре перед своей мануфактурной лавкой восседал на табурете седобородый, внушительный и грозный старик Бадал Миши. Увидев нас, он пальцем поманил к себе Лазаря. Тот с уважением подошел к нему, и Бадал Миши громче, чем обычно, чтобы все расслышали, говорит Лазарю: «Иди и скажи Келабаба (так звали отца Лазаря), что если крысы съели его деньги, пусть придет ко мне. Я ему дам взаймы, чтобы он купил тебе папаху».

Лазарь дерзко ответил ему: «Это не твое дело», — и вернулся к нам. Вдогонку ему послышалось: «Эх ты, машумет» (вероотступник).

Папаха-«килах» — символ веры, еврейский религиозный обычай запрещает обнажать голову, без головного убора нельзя молиться, заходить в синагогу, быть в обществе, кушать, даже беседовать. Ходить или сидеть без головного убора считается преступлением и позором.

А сколько физических, моральных и материальных затрат требовало обязательное соблюдение всех обычаев и адатов, зачастую одно несуразнее другого! У богатых, например, свадьба длилась целую неделю. А бедняку это было не по карману. Не только веселье, но и поминки, похороны, траур были связаны с многочисленными обязательствами, требовавшими не только физических усилий, но и материальных затрат, а иначе Бог сделает их еще беднее. Но сами раввины, проповедующие эти законы, требующие строгого выполнения всех обрядов и адатов, никогда не подвергали себя ни бичеванию, ни другим лишениям и никогда не соблюдали тех обычаев и адатов, которые требуют физического и материального лишения, даже в синагоге.

Мы знали эти «слабости» служителей культа — раввинов. Они очень строго требовали от народа пунктуального исполнения всех, именно всех, обрядов, адатов и религиозных предписаний. Но сами редко соблюдали их. А от народа строго требовали, ибо все это было для них источником большого дохода. Мы все это знали и разоблачали их.

Мы уже писали, что в Красной Слободе, население которой составляло примерно 7—8 тысяч жителей, было 11 синагог и несколько десятков мракобесов — столпов этих синагог. Они держали в узде

религиозных обрядов весь этот народ, одурманивали его. А школы, больницы, благоустройство, чистота и все другие насущные вопросы вовсе не были объектами их внимания. И синагог и ни одного медпункта! Несколько десятков раввинов и ни одного врача! Так было до революции. Но и сейчас, в первые годы после революции (правда, синагоги больше не строились, а школы и больницы уже создавались советской властью) всемогущество духовенства еще продолжалось. Раввины держали народ в кандалах религиозных канонов, в темноте средневековья.

Главарь духовенства были начеку, смотрели в оба, чтобы кто-нибудь не отступил от исполнения их законов. Они считали, что обряды, ритуалы, адаты являются забором, охраняющим всепокоряющие библейские законы. Стоит вытянуть из этого крепкого, в течение веков сложенного забора хотя бы одну палку, забор постепенно разрушится. Стоит уступить людям в соблюдении хотя бы одного, даже малозначительного обряда, и постепенно библейские законы разлетятся в пух и прах. Как будет тогда наживаться духовенство? Поэтому даже незначительное отступление от заведенных порядков крепко осуждалось.

Но в клубе у нас была другая жизнь, были установлены другие порядки и отменены все эти библейские законы. Но — очень осторожно и даже в первое время — скрытно, чтобы не задевать самолюбия родителей, не вызывать их гнев, оберегать их от всевидящего ока духовенства.

Исходя из того же закона о субботе — не работать и не разводить огня, — люди не курили в субботу. Даже заядлые курильщики терпели всякие мучения, но не нарушали закон. В клубе же такого запрета не было. И все же, как было сказано, это делалось очень осторожно, скрытно. Сначала один закурил (запрета-то нет!), потом другой, так и пошло. Кары, которую ожидали от такого нарушения закона божьего, не последовало. Постепенно наш комсомольский клуб стали посещать и взрослые, и пожилые мужчины, в основном только в субботний день. Мы знали и понимали их цели посещения и не только не мешали, но даже оберегали их.

Один из наших комсомольцев, известный своим юмором Заволун Рабинович, разыграл такую забавную и юмористическую историю. С его помощью скрытно в субботний день проникал в клуб, «чтобы закурить», солидный и уже немолодой гражданин Лэлэ Симандуев, при этом он просил нашего комсомольца, чтобы об этом

не знал его близкий, очень уважаемый его друг Беньямин Давид-зурначи. Но Беньямин Давид таким же образом и тоже тайком через знакомого комсомольца проникал в клуб для той же цели и также просил его, чтобы его «религиозный» друг Лэлэ Симандуев ничего об этом не подозревал. Так продолжалось несколько месяцев. Они оба в разное время приходили в субботний день в клуб и в разных комнатах, тайком друг от друга, могли спокойно поговорить, покурить. Наконец Заволун решил разоблачить приятелей. Он в очередной субботний день вводит их в разное время в смежные комнаты, и когда они затягиваются папиросами, он открывает внутреннюю дверь, и двое «весьма религиозных» друзей в изумлении и испуге смотрят друг на друга, а потом немного спустя обнимаются и долго смеются над тем, как они обманывали друг друга, да и Бога.

Все комсомольцы готовы были с оружием в руках сражаться за советскую власть, отдать за нее жизнь, но вот переступить через религию, нарушить религиозные устои и ритуалы, было сверх их сил. И мы вынуждены были проверять стойкость и крепость каждого комсомольца также и умением его противостоять религиозным традициям, служить другим личным антирелигиозным примером. Еврейский праздник «Йом кипур» — Судный день — самый тяжелый. В ночь праздника мы в клубе устроили проверку комсомольцев, предложили им зажечь спичку, т.е. совершить «самый страшный грех» перед Богом. Один из них, Данил Шамаев, нехотя и с волнением согласился и с трепетом в руках все же зажег спичку. Не успел он вернуться домой, как тут же свалился, потеряв сознание. Страх перед Богом, самовнушение довели его до этого. Теперь, конечно, все это — и метод проверки и сам факт — вызовет у читателей улыбку. Но следует на миг окунуться в обстановку прошлого, и каждый поймет, что это было тогда, в тех условиях, страшным испытанием.

Заволун Рабинович происходил из клана раввинов, но каким-то образом отец нашего комсомольца раввином не стал (раввины сильно недолюбливали друг друга, даже своих родственников), жил своим трудом, а сын его был учеником «башмагчи» (чувачника) и, как батрак, с утра до поздней ночи работал у хозяина. Через некоторое время комсомол, защищая его от произвола хозяина, вовлекая в общественную работу, принял его в свои ряды. И долго нам ждать не пришлось: он стал одним из активнейших комсомольцев. У него был хороший голос, умение артистично изображать духовных лиц, а секреты их внутренней жизни он знал лучше, чем кто-либо другой. С

большим мастерством и решительностью, личными действиями и примером он помогал комсомолу разоблачать всю фальшь, исповедуемую духовными лицами. За это его духовенство, в особенности его собственная родня ненавидели. Он принимал затем активное участие в боях на фронтах второй мировой войны и ныне, будучи инвалидом Отечественной войны, работает в той же Слободе и по мере своих сил воспитывает молодежь.

Так, постепенно, в течение каких-нибудь 4—5 лет в ходе бескомпромиссной, острой классовой борьбы стало ослабевать влияние адатов, обычаев, ритуалов на население Слободы. Это в то же время являлось ударом по духовенству и реакционным элементам. Но последнее, как увидим дальше, не собирались складывать оружия, собирались и пытались нанести ответный удар советской власти.

Наши комсомольские самодеятельные кружки, агитационная работа которых возрастала с каждым днем, а также «живая комсомольская газета» (ведь письменной газеты не было) имели злободневную направленность. Они театрализованно, в художественной форме представляли текущий момент, быстро откликались на события, волнующие их зрителей. Значительное место в этих представлениях занимала сатира, бичующая врагов — внешних и внутренних, всяких антиобщественных элементов. Бичевали не только отрицательные стороны, но и непосредственно пропагандировали идеи коммунизма. Сами придумывали текст выступлений, с зажигающим пафосом читали героические стихотворения, сатирические куплеты, пели, плясали, вели антирелигиозную пропаганду. Эти постановки пользовались большой популярностью.

Сила их воздействия была огромна, так же как и их притягательная сила. При отсутствии печатной газеты на родном языке и радио, когда почти половина всех граждан Слободы были неграмотными, последние в этих кружках черпали информацию и приобщались к культуре.

Особым успехом пользовался наш драмкружок. Наши артисты-любители едко высмеивали пороки старого общества. Некоторые зрители, сидящие в зале, в персонажах на сцене узнавали себя и своих соседей, и хохот в зале был задорный. Пьесы писались нами же на злободневные темы, которые подсказывала сама жизнь. Жизненная продолжительность таких примитивных пьес составляет 2—3 года, но за это время они успевали сделать свое благое дело — повлиять на умы слободских граждан, заставить их отказаться

ся от дурных привычек, от соблюдения скверных адатов и от религиозной шелухи.

Пьесы, песни, куплеты писались Соломоновым, Хануковым, Авадьяевым, Бираровым, автором этих строк. Переводом с азербайджанского занимался Давыдов. Соломонов к тому же был таристом¹ и мог сочинять мелодии. Стихи облекались в форму народной песни и сразу становились популярными.

Реквизита в то время у нас не было. Каждый приносил то, что положено по роли, из дому, вплоть до дедушкиных или бабушкиных одежд. Почти не было и декораций. Суфлер играл «главную» роль. Иногда из зала кричали: «Суфлер, тише!» До поднятия занавеса и после окончания спектакля артисты выходили на сцену и пели «Интернационал», с ними пели и зрители. А иногда до начала перед занавесом выходил комсомольский руководитель и произносил краткую речь на злободневную тему.

Какие только самобытные прирожденные таланты не выявлялись! Их разбудила и вызвала к жизни советская власть. Среди участников особенно выделялись в сатирических ролях Авадья Авадьяев, Заволун Рабинович, Рафаэль Самойлов, Антон Соломонов, Раби Симанду и другие.

Симанду был одним из тех молодых раввинов, которые, отказавшись от своего сана, пошли на службу молодой советской власти. Он работал милиционером, боролся с хулиганством, антиобщественными элементами, наводил порядок, одним словом, четко выполнял нелегкую службу советского милиционера, по поведению которого тогда, в первые годы судили о советской власти. А по вечерам, в свободное время, он приходил в клуб, принимал участие в кружках самодеятельности и с душой, с успехом выступал на сцене. Надо было видеть, с каким сарказмом и знанием дела он бичевал пороки духовенства.

Потом, в пятидесятые годы, не знаю каким образом, он сделался главным раввином горско-еврейской синагоги в Баку. Видимо, своих раввинов в синагоге не было. Мы случайно встретились на похоронах, он подошел, поздоровался со мной, и я его стал спрашивать, как это Симанду-милиционер, сатирик нашей сцены, стал раби, чем объяснить эту метаморфозу. Он со знакомой нам всем своей юмо-

¹ Т а р — азербайджанский национальный струнный музыкальный инструмент.

ристичной улыбкой ответил: «Играю: как тогда — на сцене, так и сейчас — в жизни. Что делать? Платят за службу, не разбирают. Суета сует».

Хочется рассказать еще о таком эпизоде. Отец нашего комсомольца Израила Давыдова, мельник Ихиил, был известен в Слободе своим вольнодумством. Нет, он не был атеистом, но страшно ненавидел раввинов за их фарисейство. Трудился он от зари до глубокой ночи, одевался очень просто, в длинную рубаху и шаровары из мешковины, носил патриархальную бороду, ходил босиком. Старик настолько был воодушевлен нашим разоблачением раввинов, что один раз сам захотел играть на сцене роль старика — главы семьи. Ему, конечно, не нужны были ни грим, ни специальная одежда. Он вышел на сцену таким, каков есть в жизни, все было естественно. Исполнение шло очень удачно. В зале все это время стоял гул одобрения. Наступил момент, когда вся семья на сцене должна была обедать. На столе лежит хлеб, а был день Пасхи. Как известно, в праздник Пасхи евреям строго запрещено есть хлеб. Более того, накануне праздника весь дом обшаривают, чтобы в углах случайно не застряли куски хлеба. И вот на глазах изумленных зрителей седобородый Ихиил в пасхальную ночь взял и съел запрещенный хлеб. Зрители вначале ахнули от неожиданности и страха. Такого грехопадения они не только не видели никогда, но даже не слышали о таком. Когда шок прошел, раздались аплодисменты. В этот момент старик забыл свой текст, а суфлера он не понимал, ведь впервые наш забавный старик играл на сцене. Но он не растерялся, он стал продолжать так, как это могло быть у него дома. С ним на сцене роль сына играл его настоящий сын, наш комсомолец Израил, имя которого по пьесе старик также забыл. А он просто обращается, как это могло быть дома: «Эй, Израил, сукин сын, кушай», — и так далее. Хохот, и еще какой, охватил весь зал. Все были довольны, в особенности сам старик.

Это было первым, публичным и на практике предметным ударом по религии, да еще не со стороны комсомольца, а со стороны отца семейства. Надо иметь в виду, что в то время решиться на такое было не легко. Людей пугали божьей карой. Но еще страшнее божьей кары было отлучение, публичное отвержение за малейшее отступление от веры отцов. Для этого был даже выработан примерный текст анафемы, в которой говорилось: «...мы отлучаем, отделяем, изгоняем, осуждаем и проклинаем...» Далее перечисляются страшные про-

клятия, которые должны обрушиться на головы отлучаемого и его потомков. Так хотели поступить раввины и с нашим стариком. Но уже существовала советская власть, и раввины могли сделать это лишь тайком. А наш уважаемый Ихиил, как бы назло раввинам, прожил еще почти тридцать лет после этого случая (он скончался в возрасте 87 лет).

Одним словом, драмкружок был на высоте и действовал очень метко. Кино тогда еще не было, и на наших представлениях народу всегда бывало много. Да и другие кружки пользовались не меньшим успехом. Все комнаты трехэтажного нашего клуба всегда были переполнены молодежью и взрослыми, иногда и пожилыми, так как в одной из больших комнат у нас была еще и чайхана.

ОТПОР АНТИСЕМИТИЗМУ И СИОНИЗМУ. ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛЬГОТЫ

С первых дней существования у нас комсомола мы приняли все возможные тогда меры к тому, чтобы между гражданами двух частей города, «галой» и Слободой, которые разделяет бурная летом река, вопреки прошлому, на деле установились национальный мир и братство, чтобы была ликвидирована национальная и расовая ненависть, даже следы этой ненависти.

Одним из проявлений национальной ненависти, розни и вражды была драка между молодежью города и Слободы. Она, эта драка, называлась «гушу-гушу»: городская молодежь во главе с «дэсдэбаши» (главарем) собиралась на своем, правом, берегу реки Кудиял-чая, а слободская молодежь — на своем берегу. Ширина реки составляла тогда 200—300 метров. Через эту реку два враждующих лагеря неистово кидали друг в друга камни. В этих драках немало было пострадавших и с той, и с другой стороны. В ходе драки взаимная ненависть еще больше возрастала, и азарт доходил до высшей точки. Помню, в очередной раз, дэсдэбаши слободской молодежи Сиян Мататие, а он был хорошим стрелком, как и положено ему по званию, умелой рукой запустил камень и угодил прямо по голове дэсдэбаши городской молодежи. В то время как в лагере побежденных начался переполох, в лагере победителей крики восхищения и «ура» сменились унынием. Оказалось, что дэсдэбаши городской молодежи на этот раз был не простой смертный, а сын очень влиятельного крупного купца Шейх-Гасана. Еще большая растерянность охватила граждан Слободы, даже ее верхушку, которая опасалась, что этот обычный, уже привычный эпизод на сей раз может послужить по-

водом для серьезных, нежелательных осложнений. Верхушка Слободы из нескольких влиятельных купцов с главным раввином во главе пошли на поклон к Шейх-Гасану и вымолили у него, не знаю какой ценой, прощение.

Эти драки — «гушу-гушу» — символ национальной ненависти и неприязни — продолжались как бы по инерции еще некоторое время и после установления советской власти. Но мы, комсомольцы города и Слободы, решили положить конец этим диким нравам старого строя. Мы устраивали совместные демонстрации, совместные комсомольские собрания, мы искренне подали друг другу руки через все пережитки прошлого. Братские чувства очень скоро взяли верх не только у комсомольцев, но и у большинства граждан обеих частей города Кубы.

В первые годы советской власти в стране существовала так называемая Еврейская коммунистическая партия (ЕКП), и при ней — Еврейский коммунистический союз молодежи (Евкомол). Они были и в Баку. В 1921 году мы были увлечены их лозунгами, но очень скоро поняли их узконациональную идеологию. В 1922 году к нам в Слободу приезжали из Баку представители Евкомола «завоевать» нас на свою сторону, как свою удобную и весьма многочисленную базу. Видимо, в Баку, в крупном рабочем центре, они не имели под-
держки.

Комсомольцы Слободы встретили их, представителей Евкомола, недружелюбно и довольно явно выразили свое отрицательное отношение к их миссии. Представители Евкомола, ссылаясь на принадлежность слободских комсомольцев к иудейской религии, требовали их вхождения в Евкомол как организации молодежи еврейской нации. Мы им говорили: «Вы опять хотите закрепить свою «еврейскую обособленность», свою «национальную специфику». Если по вашему примеру и другие национальности тоже, учитывая уже свои «национальную специфику» и «национальную обособленность», будут создавать свои, пусть даже коммунистические партии, что тогда станет с интернационализмом? Каждая такая национальная партия будет противопоставлять себя другой, ссылаться на свои, узконациональные особенности, и отсюда недалеко до восстановления былого антагонизма и национальных распрей. Нет, мы — интернационалисты, — говорили мы им, — мы люди труда, хотим оставаться в одной интернациональной партии, в одном Союзе молодежи». Последним

их доводом в споре с нами было то, что ЕКП входит в РКП(б) и Евкомол — в РКСМ. Эти организации существуют вполне законно, и мы, комсомольцы Слободы, обязаны якобы механически причислить себя к Евкомолу. Наш ответ был таков: «Мы входим в РКСМ непосредственно, а не через Евкомол, мы хотим жить и работать вместе со своими соседями — комсомольцами города и окружающих сел и деревень, азербайджанской, русской, армянской молодежью в одной интернациональной семье, а не автономно». Наши доводы в пользу интернационала оказались настолько убедительными, что некоторые из евкомольцев, приехавшие нас «вербовать», тут же порвали с Евкомолом, решили остаться в Слободе и работать с нами, вступили в наши ряды. Получив такой неожиданный отпор, руководящие представители Евкомола уехали восвояси. Вскоре в стране прекратила свое существование ЕКП, а вместе с ней и Евкомол. Лучшая трудовая часть их влилась в коммунистическую партию и в комсомол.

Высокий революционный дух проявили наши комсомольцы в острой борьбе не только против малOVERов, капитулянтов и политических отступников. «Спецификой» для комсомольцев Слободы была тогда борьба с сионистами и сионизмом.

Если Евкомол действовал все же под флагом коммунизма, то сионистская организация не скрывала свой явно националистический характер.

Сионизм порожден в прошлом веке волной антисемитизма. Таким образом, антисемитизм являлся питательной средой для его развития. Чем больше и глубже антисемитизм, тем активнее, мощнее становился сионизм, ибо, как говорили сионисты, они борются против антисемитизма. В Советском Союзе не только объявлена борьба с антисемитизмом, но и законом запрещено всякое подобие антисемитизма, и в этом вопросе проводилась серьезная работа. Таким образом с первого дня установления советской власти должна была исчезнуть и почва для развития и продолжения идеологии сионизма. Казалось бы, сионисты должны были приветствовать политику советской власти. Но сионисты, сионистская партия хотели жить по-прежнему. Им нужна была питательная почва, им нужен был антисемитизм. Я не располагаю какими-либо конкретными фактами, да и не это является моей задачей — составить хронологическую запись действий сионистской партии в Закавказье, но нам — комсомольцам Слободы — тогда же в ходе нашей борьбы стало известно, что и среди горских евреев до революции, в особенности во времена

правления мусаватской партии¹, существовало сионистское течение, которое старалось внедрить в массу сионистскую идеологию.

Не знаю, но возможно, что существовала и какая-то организация. Это сионистское движение имело распространение среди горско-еврейской европеизированной буржуазии и «радикальствующей интеллигенции». Интеллигентов, в полном смысле этого слова, как известно, среди горских евреев тогда не было. Этими называющими себя интеллигентами были молодые люди из буржуазных семей, побывавшие за границей по делам своих отцов, сыновья раввинов, знакомые с европейской культурой, и некоторые молодые купцы в европейском одеянии, которые шеголяли своей «культурностью», хотя многие из них были неграмотными. Они были сосредоточены в Баку, проводили свои сборища во время господства мусавата, издавали газету «Ахедут».

В наше советское время одним из идеологов этого течения был уроженец города Дербента, преподаватель еврейской школы (была там такая школа) в Баку Михаил Рабинович — Бен-Герарий («Сын гор»).

Бен-Герарий был действительно образованным, умным и начитанным человеком, писал на татском языке стихи и рассказы. Но одновременно это был довольно хитрый и скользкий человек, и в своих произведениях он развивал и распространял сионистскую идеологию. Его деятельность проходила в Баку в школе, где он преподавал, и в клубе имени Ильева, созданном в 1920 году для работы среди горских евреев. Он старался использовать любую возможность, чтобы проводить в жизнь свою идеологию. В первые годы советской власти мы — комсомольцы Слободы — еще не были знакомы с ним. Да и о том, что делается в Баку в клубе имени Ильева, тоже не знали: своих забот в Слободе было предостаточно.

Можно с уверенностью сказать, что в Слободе не было никакой сионистской организации, но идеи, лозунги, проповедуемые международным сионизмом, имели хождение. В Слободе жили тогда несколько человек из тех, которые являлись участниками разных сионистских сборищ в Баку, как сказано выше, во время мусаватского правления. Среди них видной фигурой был Яков Бираров. Он был недостаточно эрудированным человеком для того, чтобы строить из

¹ М у с а в а т — политическая партия в Азербайджане. В течение нескольких месяцев до Апрельской революции (1920 г.) находилась у власти.

себя «вождя» сионизма, тем не менее мы его «взяли в тиски». У него были какие-то пьесы, главным образом, почему-то испанского происхождения, которые он выдавал за свои собственные сочинения. Они не были и переводными. У нас создалось такое впечатление, что, видимо, когда он до революции бывал в Стамбуле, Париже и, возможно, в Испании по торговым делам своего отца и, как подтверждают его близкие, промотал все богатство отца, вел веселую жизнь, посещал разные увеселительные дома, возможно, и театры, он удачно скопировал шедшие там пьесы, выдавая их за свои. Мы вынуждены были иногда в первое время пользоваться этими пьесами-компиляциями при его режиссуре. Надо сказать, он оказал нашему драмкружку неплохую услугу на этом поприще, именно как режиссер. Должно быть, действительно он многое видел во время своих странствий. Но нашим союзником он не был. Будучи неучем, он вначале объявил себя «врачом по венерическим болезням», даже вывесил такое объявление у себя дома, после он все-таки сделался фельдшером по этой части: видимо, практика помогла.

Сионистские идеи, лозунги в условиях Слободы выражались в том, что огромное большинство граждан все еще верили и надеялись на мессию (мошияхе), на возвращение всех евреев в Иерусалим, на землю отцов, для избавления от голута¹. Этими лозунгами и идеями им «сверлили мозги» несколько раз в день в проповедях в синагоге. Да и сами люди внушали это себе дома во время молитвы, во время трапезы, одним словом, на каждом шагу. Они все еще относились с симпатией к этим лозунгам. Эти призывы пока еще имели притягательную силу. Нелегко было сразу выгнать из души веками копившиеся мечты и ожидания. Чем больше их до революции угнетали, тем больше они мечтали о возвращении на родину своих предков.

«Лешоно абоо бе-Йерушалаим» — «в будущем году будем в Иерусалиме», в краю молочных рек и медовых земель. Бедняки, по своей наивности, полагали, что после переселения в Иерусалим они будут иметь возможность бесплатно пользоваться «молочными и медовыми реками», освободятся от нищеты и унижения. Так они могли мечтать в прошлом. Мы же считали, что пришел конец национальному угнетению, ни о каком неравенстве и тем более преследовании не могло быть и речи. На фактах предметно доказывали, какими преимуществами пользуемся мы — нацмены, чтобы в короткий срок

¹ Г о л у т — изгнание.

подняться до уровня более культурных, передовых народов нашей страны. Сионизм старается сделать из каждого еврея националиста, внушить каждому еврею сознание его национальной исключительности, принадлежности к «избранному Богом народу», прививает презрение к другим национальностям. Таких фактов у нас в руках было очень и очень много. Нам — комсомольцам — надо было развенчать Священное писание, на тексты которого ссылалось духовенство в своих проповедях по поводу «земли отцов», по которой текут «молочные и медовые реки», где якобы имеется полное равноправие. И вот на собраниях, диспутах, в стенной газете, везде там, где это было возможно, мы приводили цитаты из той же Библии, из писаний тех же пророков, иногда читали целые тексты, из которых видно было, что, начиная с «праотца евреев Авраама», существовало рабство и рабами были их же сородичи и единоверцы, которых нещадно эксплуатировали, угнетали крупные скотоводы и землевладельцы.

Библия не скрывает, а, наоборот, узаконивает эти формы эксплуатации, это неравенство богатых и бедных. И если есть там «медовые и молочные земли», то это только для имущих классов. Некоторые даже проверяли с придирчивостью приводимые нами тексты: действительно ли это так написано в Библии? Надо было видеть, с каким изумлением и удивлением они глядели друг на друга, когда разгадали эти «тайны». И некоторые тогда восклицали: «Эри, нязникэ гунши хуби эз дурэ хәһәр бирор» («Да, близкий сосед лучше, чем далекие сестра и брат»).

Так постепенно была подорвана основа, на которой веками жила идея «возвращения» на землю прадедов. Сионисты не могли найти в этой обстановке последователей. Но борьба не затухала, еще оставались духовные лица, и проповеди не прекращались, хотя верующих уже стало меньше. И комсомольцы были начеку.

И вот в 1928 году, в одном из номеров газеты «Захметкеш», издаваемой в Дербенте, появилось стихотворение Михаила Бен-Герария под названием «Ләрбәһой васал» («Раны весны»), где он проповедовал националистическую идеологию. Мы обсудили это стихотворение у себя в комсомоле, и мне пришлось выступить в той же газете с критикой. В ответ на мою критику в газете тут же появилась статья, уже за подписью «его бывшей жены» Лизы Анисимовой, с попыткой защитить его — Бен-Герария — и завуалировать его идеологию. Тогда я разразился новой, еще более сильной статьей, разоблачая не только Бен-Герария и его сионистскую идеологию, но

и его «бывшую жену» (Лиза тогда была в разводе с ним, жила в Слободе и работала медсестрой. Она призналась нам, что никакого отношения к этой статье не имеет), косвенно упрекал и редактора газеты за то, что он предоставляет трибуну для пропаганды идей сионизма и тем самым усыпляет бдительность советских людей. После, в период моей работы в газете «Захметкеш», я опубликовал в газете ряд статей против национализма и сионизма. Газета получила направление по воспитанию наших людей в интернациональном духе.

Через несколько лет я встретился с Бен-Герарием, так сказать, очно. Это было в период издания газеты «Коммунист» на татском языке в городе Баку (об этой газете и о клубе им. Ильева написано в следующих главах). Клуб им. Ильева не только территориально теперь находился рядом с редакцией газеты, но и работал под ее идейным руководством. Это означало, что Бен-Герарий уже не мог в нем «орудовать» так, как он делал раньше. Изучая его деятельность в этом клубе, мы были вынуждены в газете «Коммунист» отметить о его переводе с азербайджанского на татский язык известной пьесы «Яшар», которую он затем поставил на сцене этого клуба. Он так «искусно» перевел эту пьесу, так «незаметно» поменял имена действующих лиц, что в результате у него получилось не классовая борьба, чему эта пьеса посвящена в действительности, а национальная, не борьба пролетариата с буржуазией, а борьба мусульманина с евреем. Эта статья раскрыла глаза и тем бакинцам, которые многого не замечали, находясь под влиянием его таланта. Он иногда заходил ко мне в редакцию со своей обворожительной, подкупающей улыбкой, как будто между нами нет непреодолимой стены. Однажды он принес нам для печати в газете свое стихотворение. С художественной стороны оно было безупречным, но по содержанию — явно националистическим. Я ему тут же высказал свое мнение и сообщил, что мы не предоставим ему трибуны в политическом органе, пока он делами и в особом документе — статье — честно и подробно не раскроет и не разоблачит свою националистическую, сионистскую идеологию. Самое удивительное, что он пообещал это сделать, и мы расстались. Больше он у нас в редакции не появлялся. Но и после этого наша борьба с сионизмом, с сионистской идеологией, конечно, не кончилась. Она продолжалась и велась очень яростно, о чем могут рассказывать страницы газеты «Коммунист» на татском языке тех лет.

Комсомольцы Слободы сыграли важную роль в разгроме сионизма среди горско-еврейской массы трудящихся.

Антисемитизм в царской империи был идеологией и практикой господствующих классов. Советская власть объявила антисемитизм и другие виды национального гнета вне закона и приняла строжайшие меры для наказания его носителей.

Как и всякие другие отрицательные, уродливые факты и пережитки прошлого, антисемитизм не мог быть искоренен в течение нескольких месяцев, даже нескольких лет. В стране тогда — я имею в виду двадцатые годы и первую половину тридцатых годов — еще оставались остатки эксплуататорских классов, носители национальной ненависти, в некоторых районах орудовали контрреволюционные банды, тихой сапой вели антисоветскую работу разнообразные буржуазные националисты, в том числе и сионисты, реакционные и религиозные деятели. Да и среди работников советского аппарата иногда находились люди, допускавшие искривление национальной политики. Но коммунистическая партия всегда была на страже четкого соблюдения принципов ленинской национальной политики, решительно осуждала малейшее проявление антисемитизма, привлекала к суровой партийной ответственности не только прямых виновников, но и тех руководителей, которые примиренчески относились к таким фактам. В подтверждение этому приведу один, тогда уже редкий, случай, который имел место в 1933 году.

На свадьбе одного из жителей города Кубы присутствовали руководящие работники милиции, райфо и другие. Одним из обслуживающих пышную свадьбу был бородатый бедняк из Слободы. Подвыпившее начальство вначале стало потешаться над ним, потом перешли к издевательствам, и, наконец, обрезали ему бороду. Эти хулиганские действия горе-руководителей здесь же на свадьбе вызвали возмущение присутствующих, некоторые в знак протеста оставили свадьбу и ушли. Но бюро Кубинского райкома партии, рассматривая это недопустимое, хулиганское явление, хотя и осудило его, но примиренчески подошло к виновникам и не сделало необходимых политических выводов.

ЦК КП Азербайджана (а я тогда уже работал в ЦК) не согласился с таким подходом к делу. ЦК и ЦКК КП Азербайджана сами провели тщательную и обстоятельную проверку этого недопустимого факта, установили, на какой почве и в силу чего могло проявиться это уродливое явление. ЦК и ЦКК расценили это как прямое проявление антисемитизма со стороны руководящих работников раймилиции и райфо, а решение Кубинского райкома партии сочли не только не-

достаточным и примиренческим, но и квалифицировали как искривление национальной политики партии. Решением ЦК и ЦКК прямые виновники проявления антисемитизма, а также заведующий отделом райкома партии, который присутствовал на свадьбе и не воспрепятствовал происходящему, были сняты с работы и исключены из партии. Секретарю райисполкома был объявлен строгий выговор. ЦК и ЦКК потребовали от Кубинской парторганизации немедленного и решительного осуждения и исправления допущенных искривлений и принятия необходимых мер по развертыванию хозяйственного, политического и культурного строительства в поселении горских евреев Красная Слобода. Вместе с тем ЦК и ЦКК сами приняли ряд мероприятий по улучшению работы среди трудящихся горских евреев Азербайджана, в частности, в Красной Слободе — по укреплению колхоза, созданию ряда промысловых артелей, по подготовке и выдвижению кадров, изданию учебников (поначалу для первого и второго классов на родном татском языке), массовой, популярной литературы и т.д. Для Красной Слободы была установлена специальная должность секретаря партийной ячейки¹.

Один этот факт послужил основанием для ЦК КП Азербайджана заняться тщательной проверкой и пересмотром всей системы работы руководящих районных организаций. В результате были сделаны весьма серьезные политические выводы, способствовавшие пресечению таких явлений впредь. Это решение было опубликовано во всех газетах республики на самом видном месте с большими и предупреждающими заголовками, чтобы оно стало уроком для всех.

¹ Газета «Вышка» 14/VI. 1933 г. № 135.

**ЛИКБЕЗЫ И ШКОЛЫ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ.
ВОВЛЕЧЕНИЕ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ.
»ДЕЛО О КУБИНСКИХ НЕВЕСТАХ«**

Чтобы быстрее вовлечь в политическую жизнь наш народ с его многовековой отсталостью, надо было освободить его не только от религиозных ритуалов и обычаев, но и ликвидировать невежество и безграмотность людей, ибо, как говорил В.И. Ленин, «неграмотный человек стоит вне политики, в стране безграмотной построить социалистическое общество нельзя». Работа по ликвидации неграмотности приняла тогда по существу революционный характер, стала одним из видов борьбы за становление нового быта. Если для освобождения от вредных обычаев и ритуалов требовались годы, то безграмотность надо было ликвидировать в короткий срок, так как, пока существует безграмотность, трудно говорить о политическом просвещении масс, бороться с предрассудками. Нами уже было сказано, что в Слободе накануне революции существовала одна-единственная русская школа, причем 4-й класс был с неполным составом: так был малочислен контингент учащихся. К началу первого после революции учебного года наплыв мальчиков был настолько велик, что первый класс состоял уже из трех групп, ведь учеба была теперь бесплатной, а через 2—3 года здание школы, где абсолютно все комнаты были использованы под учебные классы, уже не вмещало всех желающих учиться, и надо было искать и приспособливать другие помещения. Обучение первое время велось на русском языке, было 2—3 русских педагога и только один — Лазарев — уроженец Слободы.

С ликбезами дело обстояло иначе. Поначалу взрослые люди, занятые житейскими делами, поиском куска хлеба, не захотели браться за непривычное дело — сидеть за партами и учиться выводить буквы.

А некоторые даже относились с отвращением к этой нашей «затее», выражая свое недовольство тем, что «видите ли... их хотят сделать «хочпересами» — христианами».

Кроме того, обучать людей русской письменности было относительно не так уж трудно, но как обучать разговорному русскому языку, и как можно ликвидировать неграмотность, если на этом языке не говорят. Слобода тогда еще была обособлена, не было общения с внешним миром, говорили исключительно на своем родном татском языке. Несколько слов, изученных ими в ликбезах, потом сразу забывались. Эффекта почти не было. Сам по себе напрашивался вывод — ликвидировать в первую очередь неграмотность в своем родном языке. Но где же взять письменность, учебники, педагогов? Их ведь прежде никогда для татского языка не было. Это все надо создавать, и для всего это нужно время. Поэтому было объявлено, что дело ликвидации безграмотности — добровольное, не обязательно учиться на русском языке, можно и на своем родном. И по этому поводу пошли усмешки, издевки: кому, мол, нужна будет такая грамотность за пределами Слободы. Но, по-видимому, не это сыграло решающее значение, а гордость за свой народ. В течение многих веков, с древних времен, этот народ, говорящий на татском языке («зуһун джуһури»), не учился на этом языке, даже своей письменности не имел, а теперь советская власть делает из этого языка литературный, признает его равноправие. Появился интерес, агитация не пропала даром, сначала создавалась одна группа, потом несколько групп, а дальше очень много групп, даже не хватало помещений. Трудностей было очень много. Не было учебников, и ждать их в скором времени не приходилось. Учились при свете керосиновых ламп, писали на грубой бумаге, с большим трудом выводили буквы.

А как быть с педагогами не только для ликбезов, да и для школ? Старый строй их — преподавателей — нам не оставил. Ждать, пока молодая советская школа подготовит их — пройдет минимум 10—15 лет, да ведь и для этого тоже нужны педагоги. Как быть? И в этот кризисный момент на службу советской власти пришли под воздействием нашей пропаганды, отказавшись от своего сана, некоторые раввины, которые раньше не служили в синагогах, а учили детей в «нубохунда» — религиозных школах. Учили! И здесь, в советских школах, также будут учить. Разница в методологии и в материале — огромная. Ну, что же, переподготовим. На это уйдет меньше времени, чем на подготовку новых педагогов, а потом, со временем, появятся и наши, советские, педагоги, окончившие советские вузы.

Мы нуждались в них, да и они нуждались в советской власти. От них требовалось, чтобы они были вполне лояльными, не вздумали учить детей тайком религии, чтобы не были двуличными и вели бы себя как полагается советскому учителю. Первыми нашими учителями стали Зарбоил Шальмиев, Рахамим Рувинов, Семен Агарунов, Семен Будагов, Бенъямин Рабинович. Тут же, «на ходу», они прошли краткий инструктаж в уездном ОНО, а дальше каждый год летом проходили курсы переподготовки или повышения квалификации учителей.

Забегая вперед, скажу, что, к их чести, многие оказались достойными, прошли суровую школу, ведь с одной стороны — неполное доверие к ним, с другой стороны — укоры и отлучения. Они выполняли все эти годы свою трудную миссию на поприще просвещения с честью, а трое из них, Шальмиев, Рувинов и Будагов, за долготную безупречную работу были награждены орденами Ленина. Рувинов и Будагов так повысили свою квалификацию, что стали преподавать в Баку в азербайджанских классах.

Ведение занятий в ликбезах и в школах впервые на родном языке стало крупным событием, рожающим чувство собственного достоинства у представителей этого маленького, до революции забитого народа. И в то же время это давало возможность спешно и успешно ликвидировать безграмотность.

О серьезных трудностях, которые возникали в ходе культурной революции, и о тех мероприятиях, которые были приняты партией для ликвидации этих трудностей, будет сказано в последующих главах.

Тяжело было с вовлечением девушек в комсомол. Ни одна девушка, ни одна женщина не посещали клуб, наши собрания. Даже в школу ходило весьма небольшое количество их, и те с 3-го класса уходили вовсе. У нас не было чадры, но был «шол» (головной платок), в который закутывалась женщина. Кроме того, наши женщины и взрослые девушки носили «яшмаг бузи» — платок, прикрывающий рот — символ молчания и покорности. Они даже дома при мужчинах ходили в «яшмаг бузи», как безязыкое животное. А «пәрда» — занавес, который отделяет женскую половину дома от мужской! «Пәрда» символизировал затворничество женщин, им ни в коем случае нельзя было совместно с мужчинами есть и даже присутствовать во время беседы мужчин. Религия, обряды и всякие невообразимые запреты так одурманивали их, что требовались годы и огромные усилия, чтобы вовлечь их в общественную работу. На сценических представлениях

первые годы нам — парням — самим приходилось играть женские роли.

Мы вынуждены были обязать наших комсомольцев являться на собрания со своими сестрами, с женами, если они были женаты. Было тяжело: то родители не отпускали, то женщины сами боялись «позора» и не ходили к нам. Помню, как самый активный наш комсомолец, один из организаторов комсомола Авадья Авадыев, в свое время серьезно не ладивший с отцом из-за его непочтительных высказываний в адрес советской власти, на этот раз спасовал, оказался слишком слабым, чтобы воздействовать на свою жену. Она категорически отказалась ходить на собрания, считая это греховным отступлением от установленных канонов. И он тогда решил разводиться с ней. Мы, конечно, этого не допустили и «вошли в его положение». Так тяжело и драматично обстояло тогда дело с раскрепощением женщин, так сильна была еще власть адатов и религиозных ритуалов. Объявить о раскрепощении женщин — еще мало. Надо было ликвидировать те тяжкие условия, которые обуславливали закрепощение.

Господствовал тогда такой обычай, как «нумгир» (нареченные). Девочку и мальчика, с первых дней их рождения, по каким-то сословно-кастовым признакам, по прихоти или по капризу недалеко-видных родителей нарекали невестой и женихом, и они, когда достигали брачного возраста, должны были во что бы то ни стало, независимо от взаимных симпатий или антипатий, жениться. Сколько несчастных браков и искалеченных жизней возникло из-за этого! Таких диких обычаев было немало.

Поскольку наши женщины еще не решались идти к нам в комсомол, в клуб для участия в кружках (на наши представления они постепенно уже ходили вместе с мужьями и родителями), мы должны были сами искать с ними встречи, где это им было удобно.

За Слободой, прямо от здания школы до бойни, простиралась «сэр джии» — зеленая поляна. Теперь ее нет. Здесь выросли многочисленные дома. Тогда тут летом все было покрыто зеленью, цветами, вокруг благоухало, были и небольшие кусты. Сюда беспрепятственно днем девушки приходили группами. Это не возбранялось, даже поощрялось родителями.

По субботним дням и праздникам здесь бывали большие веселья молодежи — юношей и девушек, так называемый «руй бурбуны», (что значит «показать свое лицо», «взглянуть в лицо») — смотрины. Юноши могли сравнительно беспрепятственно посмотреть в лицо девушкам, оглядеть их и выбрать себе невесту. После, если девушка

понравилась не только лицом и осанкой, но и происхождением, и другими сословными правилами (были и такие), родители юноши посылали в дом девушки «хозмуничи», «илчин» — сватов — и там договаривались. Одним из обязательных условий тогда был калым.

Здесь, на этом «сэр джи», происходили и другие, более важные в тогдашней жизни молодежи мероприятия, такие как «нюмгюрд-вози», что значит в буквальном смысле «игра обрученных». Обрученный юноша (жених) в новом праздничном одеянии с разными сладостями и подарками в узелке («бухча») со своими друзьями и обрученная (невеста) девушка со своими подругами шли на край Слободы, где эти группы объединялись и вместе шли по поляне гулять, а затем веселились возле какого-либо облюбованного ими места. Все, конечно, в пределах дозволенного. «Гирьят» — честь — не допускала большего. Мы поддерживали эти обычаи, освобождая их от религиозной шелухи. Мы восставали против калыма, против сословных правил и добивались на этом поприще большого успеха.

Комсомол решил использовать «сэр джи» — зеленую поляну — для массового гуляния, для своей разъяснительной работы. Туда летом мы переносили свои зазорные, веселые представления. На поляне «сэр джи», где собирались и юноши, и девушки в окружении веселой молодежи, шли короткие представления, выступления, исполнялись куплеты, танцы, пение, и конечно, проводилась хорошо подготовленная небольшая, но очень целеустремленная лекция. Наша известная потом по всему Союзу Мялка Гаиш — худенькая, маленькая, но очень юркая женщина, славно играла на гармонии и, играя, танцевала, сама себе аккомпанировала. Так воздействовал комсомол на молодежь, воспитывал ее. (Впоследствии Мялка Гаиш своим исполнительским талантом стала настолько известной, что ею заинтересовались в верхах и несколько раз приглашали в Москву показать свое замечательное искусство.)

«На поляну — «сэр джи» — пожалуйста, но в клуб... что вы... ни за что». Вот так обстояло тогда дело. И все ж таки уже с 1926 года и в клубе, и в кружках, и в комсомоле стали появляться девушки.

Но этому предшествовало очень серьезное событие, известное как «Дело о кубинских невестах». Об этом следует рассказать подробно.

Известно, что до революции и даже в течение некоторого времени после установления советской власти, несмотря на правительственный декрет об отделении церкви от государства, делами бра-

косочетания, регистрации рождения и смерти и всеми атрибутами, связанными с ними, занималось в Слободе, как и на всем Востоке, духовенство. В их руках это было мощным рычагом закабаления темного народа и крупным источником дохода. Но само духовенство беззастенчиво нарушало проповедуемые ими же законы, если дело пахло деньгами. Тому примеров много. Вот один из них.

Красавица жена одного из жителей Слободы приглянулась молодому купцу, и тот решил завладеть ею, сколько бы это ему ни стоило. А это можно было устроить только через главного раввина. Главный раввин Слободы Раби Исак Мизрахи вызывает к себе удивленного мужа и именем Бога предлагает ему развестись с женой. Тот с недоумением отвечает раввину, что они — муж и жена — живут очень мирно и дружно и нет причин для развода: «Хотите, спросите ее». Главный раввин утверждает, что жена — безъязыкое существо, ее мнение в счет не идет, надо добровольно дать ей развод. Муж категорически отказывается и, раздавленный горем, уходит домой. Тогда через несколько дней к нему домой приходят полицейские и забирают его, уже приболевшего в город к Ширалибеку, начальнику уездной полиции. Ширалибек, после дикой экзекуции, вынуждает его развестись с законной любимой женой. А главный раввин без каких-либо угрызений совести совершает еще одно «богоугодное» дело, за крупную мзду узаконивает женитьбу молодого купца на разведенной жене несчастного.

Этот произвол совершился не в далекие времена феодализма, а в 1919 году, при господстве мусавата (рассказывал мне об этом Миши Рувинов).

До революции и после революции до 1923 года для восточных провинций России, в том числе и для Азербайджана, по «николаевскому закону» был установлен брачный возраст для мужчин 16 лет, для женщин — 14 лет. В Слободе и этот закон нарушался. Здесь выдавали замуж и 12, 13-летних девочек. Единственным регулирующим такого рода вопросы лицом был раввин. А он решал этот вопрос не в зависимости от возраста девушки или парня, а по тому, какую мзду он получит за освящение брака.

Одной из составных частей борьбы за раскрепощение женщин Востока была борьба с ранним замужеством. Поэтому в 1923 году для Закавказских республик советской властью был установлен брачный возраст для мужчин — 18 лет, а для женщин — 16 лет. В то время метрических свидетельств на тех, кто родился до революции, не было, и все такие дела были в руках духовенства. Это вынудило Советское

правительство внести в гражданский кодекс Азербайджанской ССР статью об обязательном возрастном освидетельствовании лиц, вступающих в брак. Врач должен был определить возраст вступающих в брак, установить, действительно ли девушке не меньше 16 лет и готова ли она физически для вступления в брак. Духовное лицо не имеет право совершать брачный обряд без документа из ЗАГСа о регистрации. И ЗАГС не может зарегистрировать брак без свидетельства врача о том, что девушке не меньше 16 лет. А если к освидетельствованию представляли подставную невесту, то полагалась тюрьма. Такова была действительность того времени, и иначе поступать было нельзя.

Эти новые советские порядки не нравились духовенству и консервативным элементам. Они пытались любым путем отстаивать свои обычаи, обходить советские законы. Наша комсомольская организация и в этом вопросе была начеку. Мы боролись с ранними браками как с пережитком прошлого: в условиях советской власти это, кроме всего прочего, означало, что девушки не имеют возможности учиться, участвовать в общественной жизни. По ходатайству нашей комсомольской ячейки в 1925 году было возбуждено уголовное дело против трех слободских граждан по обвинению во вступлении в брак с лицами, не достигшими зрелости, т.е. установленного законом 16-летнего возраста. Это затрагивало и тех, кто оформлял незаконные браки — раввинов. Последние чувствовали, знали, что рано или поздно такое случится, они потеряют не только свое влияние, но и солидный источник дохода. Поэтому они яростно сопротивлялись и решились на крупную политическую акцию против советских мероприятий. С этой целью они выискивали какую-нибудь оплошность в практике работы местных государственных органов, чтобы потом провокационно использовать ее в свою пользу. И такая оплошность не заставила себя долго ждать.

20 мая 1926 года в центральном партийном органе в газете «Правда» (№ 114), на первой странице была напечатана статья Ю.Ларина «О кубинских невестах». Через двадцать дней в газетах «Бакинский рабочий» и «Заря Востока» было опубликовано письмо председателя Совнаркома Азербайджанской ССР Газанфара Мусабекова, посвященное этому же вопросу. События, описываемые в статье и в письме, как, наверное, угадали читатели, полностью относились к нашей Слободе и имели серьезное политическое значение.

Статья Ларина написана, как сказано в ней, на основании привезенной в Москву двумя делегатами жалобы, которая была подпи-

сана «более чем сотнею семейств». В жалобе говорилось «о порядках, которые проводятся при венчании девиц» и без соблюдения которых они не могут вступать в брак. «Невесты направляются в уезд-исполком, где находится ЗАГС, для регистрации, там они подвергаются осмотру врача, и при осмотре врач раздевает их совершенно, производит обследование, действительно ли она девица... Фамилия врача Адамянц, он делает все это с ведома исполкома». В жалобе далее описываются «омерзительные сцены, устраиваемые врачом Адамянцом. Когда одна невеста убежала из ЗАГСа, ее привели обратно с милицией, насильно раздели, и врач Адамянц подверг ее обследованию». Одним словом, суть обвинения заключалась в следующем: еврейским девушкам при вступлении в брак приходилось проходить унижительную процедуру медицинского освидетельствования, которую производил врач-мужчина Адамянц. Причем эти порядки якобы не распространялись на девиц тюрчанок и армянок. В статье, как вывод, было сказано, что эта жалоба могла появиться только потому, что местные партийные и советские органы еще не выполняют неоднократные указания партии по национальному вопросу.

Жалоба эта, говорилось в статье, «была направлена в Совет национальностей при ЦИК СССР и одновременно тов. Орджоникидзе в Тифлис». Он тогда был первым секретарем Заккрайкома ВКП(б).

Через несколько дней в Кубу для расследования этой жалобы и наведения порядка приехала специальная республиканская комиссия в составе Мусабекова Газанфара — председателя Совнаркома Азербайджана, Караева Али Гейдара — секретаря ЦК КП Азербайджана и других. В это время я, будучи студентом Бакинского рабфака, находился в Кубе на летних каникулах и был приглашен к ним на беседу вместе с секретарем партийной ячейки Пардиловым и другими активистами. В ходе беседы никто не мог подтвердить, действительно ли доктор Адамянц вел себя так омерзительно, как было написано в статье. Общее мнение, высказанное всеми нами, сводилось к тому, что советские законы надо проводить в жизнь умело, во всяком случае нельзя допускать такую практику, когда мужчина-врач освидетельствует обнаженных девушек, тем более что рядом имеется женщина-врач. Духовенство и реакционные люди ловко использовали эту оплошность в своих целях, раздули ее провокационно, чтобы скомпрометировать советские законы.

Выслушав всех нас подробно, руководители республики решили передать дело врача Адамянца следственным органам и во избежание допущения в дальнейшем каких-либо ошибок при проведении на-

циональной политики выделить Слободу в самостоятельную административную единицу — особый район, с созданием районного совета депутатов трудящихся с соответствующими отделами, в первую очередь ЗАГСом, подчиненным непосредственно Кубинскому уездному исполкому. При этом руководители республики подчеркнули необходимость того, чтобы председатель Краснослободского районного совета в соответствующем порядке был бы избран в члены АзЦИКа и затем кандидатом в члены Президиума АзЦИКа. Этим самым они хотели подчеркнуть не только особую важность этой административной единицы в составе исполнительных комитетов республики, но также и необходимость предоставления гражданам Красной Слободы как представителям одной из национальных меньшинств реальной возможности самим решать свои насущные вопросы, естественно, в рамках существующих законов, и, в случае необходимости, успешно проводить их в жизнь через центральные органы республики. Все эти и другие вопросы, направленные на исправление обнаруженных ненормальностей, были потом рассмотрены 3 июня 1926 года в ЦК КП Азербайджана и 13 июня — Совнаркомом Азербайджанской ССР. По ним были приняты соответствующие постановления. (В 1930 году, когда уезды были ликвидированы и созданы районы, райсовет Красной Слободы был преобразован в поселковый совет, и его председатель всегда избирался в состав АзЦИКа и кандидатом в члены Президиума АзЦИКа.)

Председателем первого райсовета Красной Слободы был утвержден член ВКП(б) с 1920 года, секретарь коммунистической ячейки Слободы Пардилов, а секретарем райсовета — Соломонов. Руководители республики особое значение придавали выбору кандидатуры на руководство ЗАГСом в райсовете. Они говорили, что ЗАГС в нынешних условиях для граждан Слободы имеет особое, ключевое значение. Здесь нужен человек с особым тактом, пользующийся полным доверием граждан Слободы, который мог бы неукоснительно реализовать советские законы и вместе с тем бороться с вмешательством духовенства. К моему удивлению, слободские активисты в один голос называли мою фамилию. Я был в равной мере смущен и польщен таким доверием, но я — студент рабфака, прибывший сюда только на каникулы. Неужели мне придется бросить учебу? Так я робко высказал свое возражение. Но тут председатель Совнаркома Газанфар Мусабеков сказал, что бросать учебу, конечно, не следует, до начала учебы еще три месяца, за это время, мол, начнете дело, уладите, наведете порядок, а главное — создадите обстановку доверия между

гражданами Слободы и молодым органом советской власти — ЗАГСом, подготовите взамен себя другого товарища и к началу учебного года вернетесь в Баку на учебу. Так я поневоле сделался первым заведующим ЗАГСом райсовета в Красной Слободе.

Краснослободский райсовет депутатов трудящихся был размещен в заднем трехкомнатном флигеле клуба. В двух комнатах поместились председатель райсовета, секретарь и все остальные сотрудники, а третью — изолированную — отвели для ЗАГСа, чтобы посетители, главным образом женщины, без смущения могли войти туда и говорить о своих нуждах. Вот такое положение занимал тогда ЗАГС в жизни слободчан.

Конечно, это была нелегкая работа в то время, в особенности в вопросах бракосочетания. Мне, а я мало тогда понимал в семейных делах, приходилось выслушивать подробности зачастую горькой жизни людей, решать их споры.

Духовенство не хотело выпускать из своих рук это законом божьим освященное и закрепленное за ними дело. Веками в обиходе было одно чудовищно страшное библейское слово-наказание, слово-позор, пятно от которого, как утверждала религия, смывалось лишь в десятом поколении. Это слово — «мамзир», незаконнорожденный, ребенок, рожденный женщиной, не состоящей с отцом ребенка в законном браке. Поскольку до советской власти бракоразводные дела были монополией духовных лиц, и религия признавала законными только те браки и разводы, которые совершены по всем библейским правилам, раввины теперь, пользуясь этим, как пугалом, стали твердить своим прихожанам, а через них и всем остальным, а главное — женщинам, что установленное советской властью гражданское бракосочетание не освобождает их от религиозного бракосочетания. Иначе дети их будут считаться «мамзир». «Мамзир» — ужасное несчастье, которое в течение веков наводило страх на людей, порок, от которого по библейскому закону будут страдать потомки, как уже было сказано, вплоть до десятого поколения. И этот ужас позора тогда еще сильно тяготел над моими сородичами, которые постепенно и с трудом освобождались из-под влияния религии. Наша агитация, повсеместное разъяснение, а главное, тактичное отношение ко всем этим жгучим вопросам жизни постепенно давали свои положительные плоды. Но люди пока еще не отказались от заключения религиозного брака. После регистрации в ЗАГСе они все еще оформляли бракосочетание у духовных лиц. Но это было «пока». ЗАГС стал полностью действовать как законный орган советской власти в этих делах.

Кроме учреждения райсовета и при нем ЗАГСа в Слободе был открыт врачебный пункт, детский диспансер, детский дом, построена новая баня, оборудован клуб, был открыт женский уголок, заощена главная улица, отведена земля на 400 душ. Продолжались работы по освещению улиц, по строительству водопровода на Сырте и т.д. В декабре 1926 года ЦК КП Азербайджана проверил выполнение своего решения и наметил еще ряд других мероприятий.

5 февраля 1927 года в газете «Правда» (№ 29) была опубликована вторая статья «Новое о кубинцах», где было сказано: «Советская власть Азербайджана провела в жизнь ряд решительных мер. Они наглядно показывают всему населению края, что действительное национальное равноправие и справедливость в обслуживании трудящегося населения разных наций для нас не пустой звук» (все это было выделено жирным шрифтом). Далее сказано о том, что уже осуществлено в Слободе.

Эти, а также и другие факты, которые будут приведены после, говорят о том, как ревниво относилась коммунистическая партия к неукоснительному и правильному проведению в жизнь своей национальной политики на местах. Партия делала широкие выводы даже из рассмотрения провокационной жалобы, искала и находила причину для их возникновения и проводила необходимые мероприятия, призывая к порядку, а если надо, то и строго карая тех, кто, пусть даже по своей слепоте, допускал искривление национальной политики первого социалистического государства.

А чем же кончилось судебное дело врача Адамянца?

Выездной сессией Бакинского окружного народного суда в Кубе 26 ноября 1926 года началось слушание дела доктора Адамянца — заведующего кожно-венерическим диспансером и врача комиссии при ЗАГСе. Первое заседание сессии происходило в рабочем клубе в Слободе. Но этот клуб не вмещал даже пятой части желающих попасть на процесс, поэтому следующие заседания сессии происходили в рабоче-крестьянском клубе в городе Кубе. На суде распутывался клубок низких, грязных интриг духовенства и сторонников старых адатов, недовольных решительной борьбой советской власти против ранних замужеств, нежелающих расстаться с обычаем выдачи замуж 12—13-летних девочек. Показания девушек, не вышедших еще из-под власти раввинов и их приспешников, желавших обходить закон 1923 года о предельном брачном возрасте в 16 лет, были путанными. Некоторые девушки, не получившие свидетельств для вступления в брак, были недовольны врачом, который противостоял выходу замуж

не достигших совершеннолетия. Но они все же, фактически обойдя закон, вышли замуж, и, когда комсомол хотел поднять вопрос о судебной ответственности, они стали спасать своих мужей. На суде выяснилось также, что духовные лица не оставались в стороне и просили доктора Адамянца при определении возраста девушек из Слободы «быть снисходительным».

Подытожив весь процесс, государственный обвинитель прокурор Кутилов отметил, что, как установлено на суде, врач Адамянц никаких сладострастных деяний не совершал, а только на основании медицинского освидетельствования устанавливал возраст девушки. Противодействие некоторых граждан Слободы, привыкших выдавать замуж своих 11—13-летних дочерей, и духовенства, настроенного против установленного законом брачного возраста, косность, темнота и невежество — вот причины этого процесса. Темная рука руководила этими забитыми девушками¹.

Процесс врача Адамянца вызвал большой общественный интерес, ибо он был тесно связан с национальным вопросом.

К чести комсомольской организации Слободы, надо сказать, что она в этом весьма щекотливом вопросе проявила достоинство и показала себя действительным помощником коммунистической партии, не поддавшись хитроумной провокации духовенства. Ни один член комсомольской организации не поставил своей подписи под жалобой, направленной в Москву с провокационной целью.

С другой стороны, дело «о кубинских невестах» ясно свидетельствовало о том, как опасно игнорировать неоднократные указания партии о создании органов советской власти на местах в зависимости от национального состава населения.

Выделение Слободы в самостоятельную административную единицу и создание райсовета депутатов трудящихся не только было правильным решением для неуклонного соблюдения постановления ЦК ВКП(б) о работе среди национальных меньшинств, но оно дало сильнейший стимул к вовлечению широкого круга трудящихся в активную политическую работу и повышению их политического кругозора.

В этой сложной обстановке классовой борьбы, острых схваток с мракобесами, консерваторами и блюстителями старых реакционных обычаев мучал комсомол.

Так бесславно завершилась крупная провокационная акция про-

¹ Газета «Бакинский рабочий» от 27 ноября и 1 октября 1926 г.

тив мероприятий советской власти. Но этим еще влияние религии и духовенства на население не было сломлено, хотя и было заметно ослаблено. Нужно было до конца разоблачить все другие махинации духовенства, их опору — культ синагог, их идеологию — сионизм.

Тогда в Слободе проживало 6200 человек (а в целом в городе Кубе со Слободой — 15 800 человек), из них около половины — несовершеннолетних. Около 500 человек, т.е. одна шестая часть, были по тогдашней Конституции лишены права голоса. Это были, в основном, паразитические элементы, часть зажиточных торговцев, служители культа. Но их сила, в особенности духовенства, измерялась тогда не их количеством, а их влиянием на людей за счет утвердившихся адатов и обычаев, освященных иудейской религией.

ПРОТИВОБОРСТВО КОМСОМОЛА И ДУХОВЕНСТВА

Сильно пошатнул доверие к синагогам еще один эпизод, о котором хочется рассказать более подробно, ибо это относится к нашей борьбе также и с другими паразитирующими элементами — ворами и картежниками. Комсомол уже тогда стал грозой воров, картежников и других антиобщественных сил.

После установления советской власти в Слободе была организована кооперативная торговля, открыты первые продуктовый и промтоварный магазины. Это были «первые ласточки» социалистической экономики, призванные вначале конкурировать, а потом и вовсе вытеснить частную торговлю. Прошло несколько месяцев, и промтоварный кооперативный магазин был ограблен на радость частникам-лавочникам. Тогда в Слободе в органах советской власти находилось всего два-три политически неграмотных милиционера. Им, конечно, были известны те, кто занимается этим «ремеслом», но все их попытки обнаружить вещественные доказательства — следы ограбления — кончились неудачей. А комсомольцы решили во что бы то ни стало отразить этот удар, нанесенный первым социалистическим мероприятиям. Мы считали это ограбление не просто воровством, а политическим актом, и решили, поскольку милиция на том этапе оказалась бессильной, во что бы то ни стало найти грабителя. Наши комсомольские дозоры стали работать в разных направлениях. Наконец одному из нас удалось напасть на след тогда очень известного в Слободе воровского главаря. Я не буду называть фамилию этого человека, люди моего поколения из Слободы и без этого его знают, а у него за это время выросли честные и преданные советской власти дети.

Мы узнали о плане его очередной операции: о том, что он в

такой-то вечер и час намерен ограбить дом богатого гражданина Слободы. В условленное время мы, соответственно подготовленные и вооруженные, к удивлению хозяина, устроили засаду в его доме.

Через некоторое время очень осторожно появляется один, за ним другой, а вот и сам «главарь»... Но, видимо, мы — неопытные — поторопились, раньше времени выдали себя, и вожак воров — достаточно натренированный и заранее спланировавший все, — почуяв неладное, сумел улизнуть. Оставив наших комсомольцев с двумя задержанными, мы — Соломонов и я — быстро побежали за главарем. Не буду описывать, как нам пришлось преследовать его через темные дворы, перепрыгивать через заборы и т.д., но в конце концов мы, несолоно хлебавши, вернулись к воротам того дома, где устроили засаду и где нас дожидались наши комсомольцы с двумя задержанными. Один из них, видя наш огорченный вид, с перепугу скороговоркой подсказал нам, что «он» должен был после успешной операции временно побывать в доме, который находился неподалеку отсюда, через один квартал. Я и Соломонов быстро пошли туда. Полусонная хозяйка, не поняв в чем дело, без всякого испуга сказала: «Он на чердаке». Мы спешно — туда, даже не задумываясь об опасности: ведь вор мог быть вооружен. Но здесь перед нами открылась неожиданная картина: на разостланном на полу «сумахе» аккуратно лежали несколько маленьких тюфяков («дюшягче»), на одном из них на корточках сидел хозяин дома и, явно дожидаясь кого-то, рассматривал разобранную колоду карт. Оказалось, что в этом доме собирались картежники. Хозяин, увидев наши грозные лица, сообщил, что сам он не играет, а лишь предоставляет картежникам укромное место, получая за это «хори пули» (дословно: «деньги за землю»), и этим кормит свою семью. Охотясь за вором, мы очутились в логове картежников.

Картежничество было также одной из больших бед для слободчан: одни обогащались, другие разорялись. Во многих семьях это занятия отнимало последний кусок хлеба у их детей. Надо было бороться и с этим злом. Мы не знали, существует ли в уголовном кодексе статья, осуждающая картежничество.

...Карты мы забрали с собой, а хозяину дома-притона предложили на следующий день посетить штаб комсомола. Задержанных воришек отправили в свой штаб, а сами пошли к вожаку домой. Было уже за полночь. Расстояние от нашего местонахождения — «махалэй гарчай» — до его дома — «махалэй гиляки» — было около километра, спешить особенно не было смысла, так как все равно за

это время он мог скрыться где угодно. К нашему удивлению, выйдя на наш стук в ворота дома, его жена сообщила, что муж с утра лежит больной. «Значит, он дома», — успокаиваемся мы. Входим в комнату, действительно, лежит в постели, разостланной на полу, с полотенцем вокруг головы, говорит, что очень плох. «Конечно, — заявляем мы, — после такой беготни... Где же твой «гирьят» («совесть»)? Ты, вожак, сумел улизнуть, бросив дружков в беде. Они и послали нас сюда». Он, естественно, все отрицал. Но карты (а это были именно его карты) сломили его. «Что вам нужно, «хармах комсомол» («товарищ комсомол»)?» Мы предложили продолжить разговор в штабе комсомола. «Ну что ж, с вами готов пойти куда угодно, комсомол мне — бедняку — плохого никогда не сделает», — подобо-бострастно говорит он, одеваясь.

Соломонов, пока мы ждали его на улице, сказал, что вожак «раскололся», увидев свои карты. По-видимому, это — крапленые карты, помогавшие ему — опытному картежнику — выигрывать немалые деньги. Соломонов был на 10 лет старше меня и, естественно, имел больше житейского опыта. Раньше он зарабатывал на существование, играя на таре на свадьбах и других празднествах. Общался с разными людьми, конечно, знал и психологию картежников. Потом, через некоторое время, я написал пьесу, а Соломонов блестяще сыграл в ней на нашей сцене главную роль — картежника.

По пути в штаб вожак воров разговорился. Он, мол, давно мечтает записаться в комсомол, как и другие его сверстники, но воздерживался, полагая, что комсомол занимается скучными делами, ликбезами, «разными маскарадами». Если бы он знал, что комсомол имеет оружие и по ночам устраивает засады, ловит кого-то, он тут же с удовольствием вступил бы. Считайте его комсомольцем, он быстро выловит всех этих жуликов, воров, картежников. Он будет комсомолу хорошим помощником.

Уже было близко к рассвету, когда мы вошли в штаб, где находились его приунывшие дружки. В штабе их главарь поначалу держался весьма нагло и между прочим даже высказал удивление — с какой, мол, стати комсомольцы оберегают собственность богатого человека. «Я ворую у тех, кто воровал», — гордо заявил он. Мы разъяснили ему, что по законам советской власти будем решительно бороться с эксплуататорами, но будем также твердо бороться и с ворами, как с паразитами и антиобщественными лицами. Мы категорически потребовали от него указать, где припрятаны товары кооперативного магазина, так как были убеждены, что за такой

короткий срок он не мог их реализовать. Вор был потрясен, он не ожидал этого обвинения, недоверчиво посмотрел на своих корешей, затем на каждого из нас и, набравшись духу, изобразил изумление. Клялся Богом и всеми святыми, что он грабит только богатых, а с советской властью у него «нет дела». Долго он морочил нам голову своей воровской «философией» и после длинных допросов и расспросов утром, наконец, выразив нам благодарность за полученный урок, признался во всем и повел нас показывать место, где были припрятаны товары из ограбленного магазина.

Ко всеобщему удивлению, он привел нас в синагогу, где на чердаке, прямо над амвоном, откуда раввин ежедневно призывает Бога нещадно карать грешников, лежали тюки с похищенным. Мы все были потрясены представшим зрелищем. Это было невиданно, неслыханно для всех жителей Слободы. Как это так? В «храме божьем», где все свято, вор спрятал награбленное. А где же всемогущий Бог, почему его всекарающая рука не покарала вора-грешника, хотя бы за этот кощунственный поступок? Эти и другие подобные вопросы будоражили умы граждан, и мы стали предметно использовать этот факт в нашей воинствующей, антирелигиозной пропаганде. Надо иметь в виду, что тогда почти все жители Слободы были очень религиозными, строго соблюдали все культовые обряды, позиции духовенства были очень сильны. Противоборство комсомола и духовенства росло и крепло, но потребовались еще годы, пока путем предметной агитации и разъяснений удалось вырвать многих верующих граждан из-под власти религии.

И трудящиеся, и противники, и колеблющиеся — все поняли и убедились, что комсомол — это не просто молодежная организация и она не только занимается вопросами просвещения, но это и политическая сила, стоящая на классовых позициях, крепкая и верная опора партии большевиков и советской власти, готовая защищать революционную власть не только от прямых врагов, но и от антиобщественных сил, защищать социалистические завоевания трудящихся. Авторитет комсомола быстро возрастал.

Осенью 1926 года комсомольцы решили пригласить в клуб на диспут по иудейской религии главного раввина Слободы раби Исака Мизрохи. Это было большой дерзостью с нашей стороны, и мы не совсем были уверены в том, что он согласится. Чтобы не было крикливо и какой-либо предвзятости, необоснованных причин для срыва диспута, который мы очень хотели провести, мы довели до его сведения, что на диспуте не будет ему задано никаких вопросов,

которые бы задевали его веру или его личные деяния и вообще наносили бы оскорбление религии и его религиозным чувствам. Нам были известны указания Ленина о том, что всякие такие оскорбления только усиливают религиозный фанатизм. Мы хотели вести с ним публичный диалог по поводу некоторых аспектов религии, получить у него разъяснения и оправдания практикуемых в жизни религиозных обрядов. Наша цель заключалась в том, чтобы его устами, его ответами на наши вопросы доказать людям, что религия является опиумом для народа. Главный раввин не мог отказаться и принял наш вызов то ли потому, что он решил дать нам бой и отстоять устои своей религии, а значит и дальше сумел бы оставить слободских граждан в подчинении религии и вести их за собой, то ли потому, что отказ сам по себе мог служить укором для него и для религии перед лицом прихожан.

Мы тщательно готовились к этому серьезному диспуту на таком высоком уровне. Во-первых, теперь у нас было очень много достоверных фактов не в пользу религии и религиозных обрядов, и мы могли доказать их классовый характер не только примерами из практики жизни, но и по содержанию Священного писания. Некоторые из нас, учившиеся до революции в «нубохунда», неплохо знали Пятикнижие, «гомора» и «раши»¹. Во-вторых, мы были вооружены решениями нашей партии об антирелигиозной работе, и у нас было такое ценное в те времена пособие, как книга Ем. Ярославского «Библия для верующих и неверующих». Особенно эрудированным в этих вопросах был наш комсомолец Авадья Авадьев.

Объявление о диспуте вызвало такое большое количество желающих, что не для всех хватило мест.

Главный раввин пришел в сопровождении небольшой своей свиты, вошел в комнату степенно, у него был внушительный вид, достойный его сана. Он поздоровался и сел на отведенное ему место. Вопросы задавали мы, а он отвечал. Вопросов было много, он их не боялся, но некоторые своей постановкой его поразили. Тем не менее он отвечал, как ему казалось, исчерпывающе. У него была прекрасная дикция, говорил он, как читал молитву, четко выговаривая слова, с убежденной интонацией, которая должна была бы завоевать полное доверие людей. Для оправдания и религии, и многочисленных обрядов он приводил весьма, казалось бы, веские аргументы, опять-таки из той же Библии. Мы же своими вопросами, основанными на

¹ «Гомора» — талмуд; «Раши» — комментарий талмуда и библии (аббревиатура из начальных букв имени автора комментариев Раби Шломо Ицхаки).

обычной практике жизни, опровергали библейские утверждения. Он их доказывает и подтверждает опять-таки цитатами из Библии. Явная схоластика! Никто, конечно, не может сомневаться в его отличном знании Библии и прочих богословских трактатов, на то он и главный раввин. Аргументировал он очень веско, но без доказательства из жизненной практики. Никому, ни нам, комсомольцам, ни присутствующим, он не сумел доказать, что религиозные обряды и предписания так уж необходимы для жизни людей.

Диспут продолжался более двух часов. То ли старик устал физически, а может быть, и духовно, то ли заметил, что его аргументы теперь, при советской действительности, редко кого убеждают, но он, не примирившись со своим поражением, завершил диспут таким философским заключением: «Главное — это вера в Бога. Если твоя вера в нашего единого Бога крепка, если ты веришь ему всеми фибрами своей души, то все атрибуты его религии и обряды для тебя неоспоримы, незыблемы. Если ты ему не веришь — спорить бесполезно». Он встал, прошел мимо нас и степенно вышел.

У нас создалось впечатление, что где-то в глубине души он почувствовал, что не смог убедить этих ушедших из-под его влияния прихожан и что наступило время, когда религия вынуждена будет, пусть медленно, но отступать. И ему, конечно, не хотелось в этом признаваться. Зато присутствующие на диспуте убедились в том, что даже главному раввину не удалось опровергнуть приведенные нами жизненные факты, подрывающие устои религии. Все это потом передавалось с усердием, как некая сенсация тем, кто не был на диспуте. Из уст в уста передавали, как главный раввин был прижат к стене вопросами комсомольцев. Диспут дал много пищи для размышления. Этот публичный диалог с «верховным жрецом иудейской религии Слободы» имел важные положительные последствия для нашей антирелигиозной работы.

БОРЬБА С БЕЗРАБОТИЦЕЙ. ЗАБОТА О СИРОТАХ

В социально-экономической жизни слободчан происходили коренные изменения. Время, когда страна приступила к ликвидации последствий гражданской войны, голода и разрухи, когда в стране шла острая классовая борьба, было тяжелым. Кулаки, купечество, остатки эксплуататорских классов, духовные лица и буржуазные националисты единым фронтом отчаянно боролись с молодой советской властью. Поэтому не все программные планы нашей партии могли быть сразу осуществлены. В самой Слободе первые мероприятия советской власти, разоблачение и борьба с вековыми традициями — вредными обрядами и религиозными ритуалами, борьба с влиянием духовенства и пережитками прошлого — вызвали ярость купцов, духовенства и reactionеров. Шло коренное размежевание. Бедняки и батраки, ремесленники и кустари пока еще вынуждены были работать на эксплуататоров, но их труд, их человеческое достоинство находились под защитой советских законов. Влияние и действия эксплуататоров были сильно ограничены. Они были лишены прав избирательного голоса и обязаны были неукоснительно соблюдать советские трудовые законы.

В 1921 году, когда в стране была введена новая экономическая политика — НЭП, утихомирившиеся было в первое время после революции частники — торговцы, барышники (их стали презрительно называть «нэпманами») — развернули небывалую активность в своей сфере, торопились обогащаться. Многие из них из Слободы переселились в Баку и открыли там свои лавочки, а оставшиеся развернули частную торговлю в Слободе и в Кубе. Они не знали, не предполагали, что это временное отступление, вынужденная обсто-

ятельствами временная уступка, а может быть, знали и чувствовали и потому торопились. Они потянули за собой и своих сыновей.

НЭП с его «прелестями» продолжался недолго. Советская власть, окрепнув, начала наступление на остатки эксплуататорских классов. В стране начался восстановительный период. Однако не только в сельских местностях, но даже в таких крупных промышленных центрах, как Баку, царила безработица, существовала биржа труда, рабочие, даже квалифицированные, стояли в очереди на получение работы. Безработица была и в Слободе. Обычная, т.е. привычная работа — «чулчи», «хирдоватчи» — отпала, отпали также и другие атрибуты той прежней жизни, в которой жили слободчане.

Несколько десятков жителей Слободы работали на разных должностях в советских, кооперативных, общественных учреждениях. Многие ремесленники и кустари постепенно объединялись в артели и уже не зависели от произвола богачей. Еще существовало отходничество, но оно стало совершенно иным, ибо все эти рыбные и другие промыслы находились не в руках частных эксплуататоров, а в руках Советского государства, где труд был организован по советскому законодательству. Бывшие нищие — «они» (бедняки), многие батраки уже вышли на широкую социальную дорогу. Всех их, а также и бывших мелких лавочников, «чулчи», «хирдоватчи» надо было вовлечь в полезное дело. Кроме того, тогда ни одна женщина Слободы не работала на производстве. Ее уделом было домашнее хозяйство. Теперь, при советской власти, когда объявлено о полном равноправии женщин, надо было обеспечить и их фактическое равноправие, активное участие в общественно-политической жизни наравне с мужчинами.

На повестке дня остро стоял вопрос привлечения этой огромной массы к сельскохозяйственному и промышленному труду. Решение этого вопроса и заботило руководство республики.

Вокруг самой Слободы не было свободных земель, чтобы предоставить ее жителям. Во всех других селах производилось землеустройство, а в конце двадцатых и в начале тридцатых годов в селах Азербайджана организовывались колхозы. Переселять же жителей Слободы в другие районы республики, где имеются свободные земли, даже в районы Кубинского уезда, было трудноразрешимым вопросом. Да и зачем было людям добровольно оставлять свои насиженные в течение веков места?

На Сырте — возвышенности на левой стороне Слободы в сторону Кусаров, от Слободы до селения Дигях, — имелось несколько

сотен гектаров необработанной земли. Здесь когда-то в XVIII веке и в начале XIX века слободские люди занимались сельским хозяйством, возделывали буйг (марену), табак и другие сельскохозяйственные культуры. Были и цветущие сады. Но потом, как уже было сказано, исторические условия лишили их и этой возможности. Теперь эти земли на Сырте можно было использовать, только если провести оросительный канал. И правительство республики решило построить в короткий срок такой канал. В 1925 году, когда я был студентом рабфака, мне выпало во время летних каникул работать десятником в Кубинском водном округе, где я вместе с инженером Ивановым занимался изысканиями и проектированием трассы этого важного оросительного канала из селения Кипчал до Сырта над Слободой. Канал через несколько лет был построен и сыграл серьезную роль в судьбе моих земляков. На Сырте появилась вода, а вместе с нею и земледелие, и хорошие плодовые сады со знаменитыми кубинскими яблоками. Потом в селении Мирзамедкент на окраине Слободы на базе старых и новых садов слободских граждан был организован колхоз. После долгой разъяснительной работы большую группу граждан Слободы удалось переселить в Хачмасский район в село Гараджалы. Переселенцам была оказана большая материальная помощь для приобретения скота, сельхозинвентаря, строительства домов и т.д. Там также потом был организован колхоз.

В те годы в стране существовало и активно действовало Всесоюзное общество по земельному устройству трудящихся евреев — ОЗЕТ, с центром в городе Москве. Возглавлял это общество старый большевик П.Г.Смидович — тот, который как старейший делегат Российской Федерации открыл 30 декабря 1922 года Первый Всесоюзный съезд Советов, на котором был образован Союз Советских Социалистических Республик. Отделение этого общества имелось и в Слободе, некоторое время я возглавлял его. Несколько десятков семейств из-за отсутствия возможности трудоустройства у себя в Слободе были переселены с помощью ОЗЕТа в Крым (Джанкой). К сожалению, в годы войны их постигла страшная судьба: почти все они погибли от рук фашистов, когда Крым был оккупирован.

Но все эти мероприятия не могли еще полностью занять ту большую свободную рабочую силу, которая была в Слободе. Речь шла о том, чтобы вовлечь всех — и мужчин и женщин — в общественно полезный труд. Советское правительство даже тогда, в тех трудных условиях, когда ресурсы страны были очень скудны, пошло на то, чтобы создать хотя бы небольшие очаги легкой промышленности в

самой Слободе и тем обеспечить возможность привлечь людей, в первую очередь женщин, в производство. Но для этого нужны были не только машины и сырье, с которыми тоже тогда было нелегко, нужны были и помещения. На это правительство также могло выделить средства, но строительство таких помещений продолжалось бы несколько лет, и, видимо, не сразу удалось бы построить столько, сколько было нужно.

Выход подсказала сама жизнь. Как уже было сказано, по количеству синагог на душу населения Слобода занимала первое место во всей бывшей царской империи и считалась «вторым Иерусалимом». Они — эти синагоги — были могучей опорой духовенства и фанатиков, и борьба против них, как мы говорили, отнимала у нас много времени и сил. В вопросе борьбы с религией мы строго придерживались указаний партии: никакого насилия, никаких административных мер, только путем агитации и пропаганды, силой доводов и аргументов, убеждением. Длительная разъяснительная и политическая работа, антирелигиозная пропаганда наряду с просвещением масс и вовлечением их в общественно полезное производство привели к этому времени к ослаблению влияния духовенства и воздействия обрядов. Прихожан в синагогах становилось все меньше и меньше. В некоторых синагогах иногда теперь даже не находили «даћ мард» — «десять мужчин» — которые необходимы для того, чтобы начать молитву. Многие граждане вообще перестали посещать синагогу, а иные ходили не столько из-за веры, а потому что им «неудобно» было перед другими. Вот какой процесс был совершен за 6—7 лет советской власти!

Настало время поставить вопрос прямо: нужно ли маленькой Слободе столько синагог, в то время, как для организации очень необходимых производственных учреждений нет помещений. Агитация за передачу помещения некоторых синагог под производственные учреждения была предметной, ставила практические, доступные гражданам Слободы цели, а потому была и действенной. Согласно установленным советской властью порядкам для закрытия синагог требовалось согласие подавляющего большинства прихожан этой синагоги. Многие прихожане синагог уже были подготовлены всем ходом событий к тому, чтобы решить этот вопрос положительно, и наша инициатива нашла должную поддержку на собраниях прихожан. Были приняты соответствующие решения, и после утверждения этих решений уездными органами в помещении одной синагоги была организована мебельная фабрика, в другой — ковроткацкая мастер-

ская, в третьей — чулочно-трикотажная артель, в четвертой — кинозал, в пятой — аптека, в шестой — пекарня, в седьмой — школа. И народ возликовал. И кино, и просторная аптека, а главное — производство, куда впервые было привлечено большое количество женщин и девушек. С другой стороны, изрядно сократилось количество очагов мракобесия. Те самые женщины и девушки, которых как «няпок» («нечестивые») не пускали даже на порог этих синагог, теперь с улыбками и раскованно входили в помещения и за новыми станками работали в полное свое удовольствие...

Первые дни, естественно, они входили туда с опаской, с тревогой в душе, заглядывали в стенной шкаф, что за амвоном, где обычно находились «сифир туго» — священные писания — и витал «святой дух», и изумлялись, не находя ничего сверхъестественного. Так был разбит культ синагог, а женщины впервые за многие века получили и фактическое равноправие.

Вот какие громадные изменения внесла советская власть за короткий срок в жизнь этих людей. Теперь они и без разъяснений знали, что такое советская власть.

Правительство республики выделило станки, механизмы и необходимое сырье для этих первых предприятий. Одновременно шла работа по подготовке из этих женщин и девушек специалистов. Были выделены средства и на благоустройство самой Слободы.

Одна из одиннадцати синагог стояла прямо посередине единственной магистральной дороги, соединяющей центр Кубинского уезда с его левобережной частью. Стояла она против клуба, искривляла улицу и затрудняла движение в Слободе. Назрела необходимость — ради благоустройства Слободы — убрать эту синагогу с тем, чтобы выпрямить улицу и создать красивую площадь. Но одно дело передать помещения уже ставших ненужными синагог под производственные и культурно-бытовые учреждения, а другое дело — совершенно снести «божий дом». Эта задача была очень трудной и далеко не каждому объяснимой. Попытка снести синагогу наводила ужас даже на тех, кто обычно поддерживал нас. Некоторые комсомольцы имели весьма религиозных родителей, те пугали своих детей божьей карой и родительской властью запрещали посягать на религиозную твердыню. Эта синагога считалась «синагогой моего отца», т.к. мой отец был одним из влиятельных прихожан этой синагоги, и некоторые комсомольцы косо смотрели на меня: сумею ли я повлиять на своего отца, и сделает ли он, мой отец, все необходимое, чтобы

получить официальное согласие большинства прихожан на снос этой синагоги.

Надо сказать, что мой отец с первых моих шагов в комсомол ничем мне не препятствовал. Он не препятствовал и тогда, когда я ночи напролет перед керосиновой лампой сидел и сочинял или переводил пьесы, стихи, мешал ему выспаться, и тогда, когда поздно ночью, возвращаясь из клуба, вынужден был будить его, чтобы он открыл мне ворота, и даже когда раввины и близкие ему ортодоксы от религии корили его за «богонеугодные действия» его сына. Он хотя и не высказывал вслух своего одобрения, но и не упрекал меня, а кое-где даже и поощрял. Я уже говорил, что у нас для выступления на сцене не было реквизитов. Отец открыл дедовский сундук и передал в полное мое распоряжение его содержимое. А здесь было почти все, что нам нужно было: дедовский архалук, бабушкин пояс с серебряными монетами, «гобо», «чорбля», «лобода», «пишосина», «чухту», «тяфта», «гобой истипо» (виды женской одежды) «гэлбэнд», «гушвар» и т.д.

Много раввинов, оставшись без привычного источника дохода после передачи синагог под культурные нужды, вели активную работу против нас. А здесь Раби Гилил, согнутый, маломощный старик, совсем озверел, узнав о намерении комсомола. Пропаганда была доходчивой, мобильной, действенной, с приведением фактических доводов, говорили и устно, и письменно в стенной газете о том, для чего этот снос нужен. На собрании прихожан, после информации нашего комсомольца, Раби Гилил с амвона глухим голосом и поносил и ядовито обзывал нас, призывал божью кару на всех хулителей, сравнил нас, комсомольцев, с царем Вавилонии Навуходоносором и его воинами, которые за несколько веков до нашей эры разрушили храм божий в Иерусалиме. Приводил цитаты из Библии. Но вот выступает и мой отец. Дрожь идет по моему телу, как будто решается не судьба синагоги, а моя судьба. Он степенно и очень тихо, как бы стесняясь, повторяет обоснования комсомольцев, выгоду этого дела и тоже приводит цитату из Библии о том, что то, что угодно народу, угодно и Богу, а тот, кто хочет служить Богу, с не меньшим успехом может это делать и в другой синагоге. Дорогой отец, спасибо тебе за поддержку, я знаю, ценой каких душевных переживаний ты пошел на этот шаг! Были и другие выступления. Наша агитация получила поддержку большинства прихожан, и все это было оформлено протоколом.

Теперь, когда вопрос о сносе синагоги был решен, началась дру-

гая драма. Не нашлось ни одного человека из граждан Слободы, кто бы согласился с киркой в руках свалить хоть один кирпич. Пригласить рабочих другой национальности — это значит давать повод для еще одной провокации. Опять пришлось нам — комсомольцам — показывать пример еще одного «грехопадения» и коллективно, с песней сносить ненужное здание.

Синагога была снесена, улица выправлена, на ней сразу стало светло и просторно, и все благосклонно глядели на это зрелище. Никакая «божья кара» ни тогда, ни после никого не настигла. Это было крупной победой и в антирелигиозной пропаганде.

Постепенно граждане Слободы стали с симпатией и уважением относиться ко всем мероприятиям комсомола, а, значит, и советской власти, ибо они на практике убедились, что все это направлено на пользу трудового народа, ради его благополучия и счастливой жизни.

Комсомол настолько возмужал, имел такую притягательную силу и пользовался таким авторитетом, что седовласые главы семей сами приводили к нам своих сыновей с просьбой принять их в комсомол. Помню хорошо, как высокочтимый, с окладистой внушительной бородой Асаф Бенъямин Юно пришел к нам в клуб с двумя сыновьями — Бенъямином и Михаилом — с просьбой принять их в комсомол. «Вручаю судьбу этих двух моих сыновей комсомолу», — сказал он. Это было очень лестно. Но мы все же при приеме действовали по уставу комсомола.

Хочется сказать еще об одной заботе Советского правительства — о создании в Слободе детского дома для беспризорных.

Беспризорность была тогда в стране страшным бичом. Для борьбы с беспризорностью была создана Всесоюзная комиссия во главе с Феликсом Дзержинским. Я видел ужасные сцены в 1924—1926 гг. в Баку. Баку — южный солнечный город — был полон беспризорными. Их вылавливали и увозили в детские колонии, но каким-то образом их опять становилось очень много на улицах. Они спали в подъездах домов, в котлах и под котлами (там было теплее), играли в карты, в трамваях пели блатные песни, отбивая такт деревянными ложками, и, вызывая жалость, получали копейки.

В Красной Слободе беспризорных тоже было немало, но здесь это были, в основном, дети, родители которых погибли в первой мировой войне, на гражданской войне. А родственники, если и имелись, были не в состоянии прокормить их.

Детский дом в Слободе был создан в июле 1927 года первона-

чально на 60 детей. Это была интернациональная семья. Кроме уроженцев Слободы — детей горских евреев, здесь воспитывались и дети других национальностей. Среди детдомовцев были и такие, которые в возрасте 9—10 и более лет еще не были отданы в школу, так как они были круглыми сиротами и некому было о них заботиться. Воспитатели детдома и учителя сумели за короткий срок подготовить их так, что за один учебный год они прошли программу двух классов.

Комсомольская ячейка Слободы и пионерский отряд шефствовали над детдомом, помогали в воспитательной работе, организовывали для детдомовцев кружки самодеятельности, выпускали стенную газету.

Помню, в мае 1928 года, после моего возвращения из Москвы, я сидел в клубе в боковой, темноватой комнате на втором этаже с другими товарищами и о чем-то беседовал. В это время ко мне обратился директор детдома Самсон Якубов, вошедший в комнату с 2—3 детдомовцами. Они просили меня написать для них песню «не легкую, а солидную», и тут же Самсон подсказал музыкальный мотив, для которого надо было написать стихи¹. Самсон, как известно, был певцом, и он, конечно, знал толк в музыке. Я обещал им, нельзя было отказать этим славным людям, и через день песня под названием «Етим эз хол хушдэ» («Сирота о себе») была готова. Самсон Якубов в той же комнате, пока без аккомпанемента, с удовольствием спел эту песню, ему она очень понравилась. По содержанию песня эта была, как и просили, не «легкой, а солидной». Ее пели не только детдомовцы, с большим задором ее пел наш Заволун Рабинович с клубной сцены. Эта песня вошла и на татском языке, и в переводе на русский язык в книгу «Таты, их расселение и говоры» Б.В.Миллера, который в те годы дважды приезжал к нам в Кубу для изучения татского языка.

За короткий срок в детдоме была создана замечательная комсомольская группа. Комсомольцы-детдомовцы активно участвовали в общественной жизни Красной Слободы, они принимали участие в выпуске еженедельной стенной газеты. Художником этой газеты позже стал детдомовец Григорий Кучин.

Осенью 1927 года детдом посетил председатель АзЦИКа Самед Ага Агамали-оглы. Он приезжал оказать помощь после постигшего Слободу бедствия — селя. Он помог увеличить бюджет детдома и улучшить его снабжение. Вначале детдом помещался в непригод-

¹ В те времена было модным сочинять новые слова (на злободневные темы) к мелодиям популярных тогда песен.

ленном арендованном частном доме. А в 1929 году на окраине Слободы на большом пустыре напротив мебельной фабрики было построено новое добротное здание для 150 детей.

За время существования детского дома не было ни одного случая побега детей, а это было в те времена нередким для детских домов явлением. Опыт Краснослободского детдома изучался ЦК ЛКСМ Азербайджана, Наркомпросом и передавался другим детдомам.

В 1930 году детдомовцы Анатолий Абрамов, Асаф Исаков, Алексей Рахимов и Яков Аширов были направлены на учебу в различные учебные заведения Москвы. Анатолий Абрамов успешно окончил пединститут, затем учился в высшей школе комсомольского движения, потом работал в Ташкенте секретарем горкома комсомола. Яков Аширов в 1938 году окончил военное училище им. ВЦИКа, Асаф Исаков окончил Московское артиллерийское училище и т.д.

РЕШЕНИЕ ВОПРОСОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. ПЕРВЫЕ КАДРЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ. ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД КУЛЬТРАБОТНИКОВ-ТАТОВ

С первых же дней советской власти коммунистическая партия делала все необходимое, чтобы ускоренными темпами, возможными в тех условиях, когда наемлены были еще почти все неграмотными и отсталыми, политически незрелыми, подготавливать, заботливо выращивать и выдвигать на руководящие посты кадры из горских евреев.

Жившие под тяжким гнетом царизма и национализма, а потому очень далекие от участия в политической жизни, теперь, с установлением советской власти, люди пробудились, осознали свои классовые интересы и потянулись к активной общественной жизни. В процессе борьбы за новое, в условиях острых классовых схваток с эксплуататорами, купцами, духовенством и всякими реакционными элементами, в условиях, когда старый мир рушится, а новый рождается в муках, росло самосознание трудящихся Слободы, их одухотворенность, и, проходя через ряд этапов этой борьбы, они набирали силу и боеспособность. Советский демократизм обеспечивал им широкое участие в делах государственных и общественных организаций. В Слободе, кроме коммунистической и комсомольской ячеек, в те первые годы советской власти существовали и другие массовые политические организации трудящихся: группа бедноты, батрачком, крестком, потребительская кооперация, профессиональные союзы, сельскохозяйственное кредитное товарищество, специально для женщин — женсовет и делегатское собрание. Эти организации, каждая в своей сфере, были призваны оказывать практическую помощь в переустройстве жизни трудящихся. Они были созданы на выборах

началах и работали как выборные органы. Преобладающее большинство трудящихся были членами хотя бы одной из этих организаций, в быту и в жизни чувствовали активную поддержку их. Сотни слободчан, те, которые сумели проявить себя активно, избирались членами руководящих органов этих организаций, учились и закалялись в работе, возрастало их классовое самосознание, расширялся их политический кругозор. Так вовлекались люди в общее русло социалистического строительства. Таким образом, они с годами приобретали соответствующие навыки, становились зрелыми активистами строительства нового социалистического общества. Все это было практикой, массовой школой воспитания новых советских активистов.

Но этим не ограничивалась забота коммунистической партии о подготовке кадров из национальных меньшинств. Она старалась дать им образование и, как можно быстрее, готовить из них кадры для партийных, советских и общественных организаций.

Еще в двадцатом году мы — комсомольцы — стремились к знаниям, к получению образования в особенности потому, что на практике ощущали свою неподготовленность для выполнения тех многочисленных, труднейших задач, которые разом легли на наши плечи. Царский режим оставил нам в наследство лишь сплошную неграмотность и отсталость. У нас не было никаких, хотя бы малоподготовленных кадров. Тогда, когда еще шла гражданская война, среди нас были очень популярны военные школы. В августе 1920 года Кубинский уездный комитет комсомола направил в Баку группу слободских комсомольцев для поступления в военные школы. Среди них был и я. Но в Баку я «потерпел фиаско». Мне отказали в приеме из-за моего возраста — мне тогда не было еще положенных для этого полных 14 лет. Но я не пал духом и все свое свободное время стал проводить в клубе рабочей молодежи, чтобы впитывать все, что было нового для меня как секретаря комсомольской ячейки. В сентябре 1920 года вместе с бакинскими активистами комсомола я имел честь быть на площади Свободы, где происходило захоронение праха 26 бакинских комиссаров. Я видел, как горько рыдала мать Мешади Азизбекова над прахом своего славного сына. Был солнечный день, к площади шли бесчисленные колонны с портретами бакинских комиссаров и траурными флагами. Здесь же на площади мы встретились с делегатами съезда народов Востока, с членами исполкома Коминтерна, почтившими память расстрелянных в 1918 году комиссаров. На митинге выступил Нариман Нариманов.

Подвел меня возраст и в 1923 году, когда уком комсомола на-

правил меня в Баку учиться на рабфаке. Рабочие факультеты в стране были тогда созданы Советским правительством при всех университетах и институтах. Это были подготовительные курсы, где трудовой молодежи за 3—4 года давали знания в объеме средней школы, чтобы потом готовить из них высококвалифицированных специалистов, так остро необходимых тогда нашей стране. Учеба на рабфаках проходила днем — с отрывом от производства и вечером — без отрыва от производства. Студенты дневных курсов получали стипендию. Рабфаки были трех- и четырехгодичные. На рабфак принимали людей старше 18 лет, а мне не было и 17. И на этот раз я решил провести время в Баку с пользой для моей практической деятельности. Тогда в стране усиленно шло создание пионерских отрядов, создание детской коммунистической организации. ЦК комсомола Азербайджана направил меня в первый штаб бакинских пионеров, который находился в Доме работников просвещения (ДРП) на площади Красной молодежи, где я в течение двух месяцев прошел курсы вожатых. По возвращению в Кубу я стал работать председателем горрайбюро пионеров при Кубинском укоме комсомола, организовал пионерские отряды в Слободе и в Кубе. А уже в сентябре 1924 года по направлению Кубинского укома партии я был принят на учебу в Бакинский городской рабфак как «активист комсомола» со стипендией Наркомпроса в размере 25 рублей ежемесячно. Потом в 1927—1928 гг. я продолжал учебу в Москве на рабфаке им. Артема. Стипендию в размере 20 рублей в месяц я получал в Замоскворецком райкоме партии (к тому времени я уже был кандидатом в члены партии). Учились мы с энтузиазмом, с жадностью, но не без труда, жили впроголодь. В Москве, например, я обедал в студенческой столовой только через день, в иные дни питался черным хлебом и солеными огурцами, иногда и селедкой. Утром наш «чай» состоял из кипяченой воды и сахарного песка. Да и в студенческой столовой обеды были очень скудные. В стране шел восстановительный период после гражданской войны и связанными с ней разрухи и голода. Советские люди жили, во всем себя ограничивая, приходилось экономить каждую копейку, и в то же время необходимо было готовить кадры для народного хозяйства. О том, чтобы получить материальную помощь от родителей, не было, да и не могло быть речи.

Многие наши слободские комсомольцы в разные годы были направлены на учебу в Кубинскую двухгодичную совпартшколу с полным интернатом. Это были Нисим Осипов, Рафаил Самойлов, Ис-

раил Давыдов, Натан Шаулов, Писах Ашуров, Барат Шельмиева и другие. Заволун Якубов был направлен в Москву в КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока (к сожалению, не успев закончить учебу, он скончался). Нисим Осипов и Израил Давыдов продолжали затем учебу еще и в Баку — в Совпартшколе II ступени.

После окончания учебы каждый в соответствии со своими знаниями и индивидуальными способностями выдвигался Кубинским укомом партии на соответствующие должности в уездных организациях. И. Давыдов был выдвинут заведомо Кубинского окружного комсомола, Н. Осипов — на следственную работу, Н. Шаулов — в аппарат укома партии, П. Аширов — в редакцию районной газеты. Я после возвращения из Москвы в июне 1928 года, будучи уже членом партии, был выдвинут пропагандистом Кубинского укома партии.

Одним из первых уроженцев Красной Слободы был выдвинут на руководящую работу уездного масштаба Исак Мишиев. Борис Зарбаилов — слесарь завода, был выдвинут на должность председателя райсовета депутатов трудящихся. После уже, в тридцатые годы, Хаим Мушаилов — сварщик Бакинской палаты мер и весов, член КПСС, после окончания вечернего рабфака, стал секретарем партийной ячейки Красной Слободы. Потом был направлен на двухгодичную учебу в Азербайджанскую Высшую коммунистическую сельхозшколу и после ее окончания был выдвинут инструктором промышленного отдела ЦК КП Азербайджана. Яков Бадалов после окончания Азкомвуза в 1935 году стал инструктором Кубинского райкома партии, а потом и председателем райисполкома.

Таких замечательных примеров можно привести много. Приведу еще один показательный пример того, как Центральный Комитет Компартии Азербайджана специально занимался выращиванием руководящих партийных кадров из числа представителей национальных меньшинств, населяющих Азербайджанскую республику.

Летом 1930 года были внесены изменения в административно-территориальную структуру республики: округа, созданные в 1929 году после упразднения уездного деления, ликвидировали, вместо них образовали районы. В бывшем Кубинском округе были образованы 4 района. Решением ЦК Компартии Азербайджана было четко определено, в каких районах и на какие должности обязательно должны быть подобраны кадры из представителей местных национальных меньшинств. По Кубинскому райкому партии, например, было указано выдвинуть на должность заведующего орготделом (в то время — прак-

тически второе лицо после секретаря РК) кандидатуру из коммунистов горско-еврейской национальности. Тогда я работал инструктором Кубинского окружкома партии, был также секретарем партийной ячейки в Красной Слободе и, как секретарь этой ячейки, был избран делегатом на X съезд АКП(б) и членом окружкома партии. Выбор, естественно, пал на меня, и ЦК КП(б) Азербайджана в сентябре 1930 года утвердил меня заворготделом Кубинского райкома партии, хотя в составе партийной организации района были и другие коммунисты, более опытные, чем я, но других национальностей.

Немало коммунистов, комсомольцев и беспартийных из Слободы еще в двадцатые годы избирались в состав уездных, а потом и окружных выборных партийных, советских, комсомольских, профсоюзных и общественных организаций. Они избирались и делегатами республиканских съездов партийных, комсомольских, профсоюзных и других организаций. Председатель райсовета депутатов трудящихся Красной Слободы Пардил Пардилов, а затем Борис Зарбаилов, Хаят Манахим-кызы, поочередно, избирались не только членами АзЦИКа — верховного советского органа республики, но и кандидатами в члены президиума АзЦИКа. В 1938 году, после принятия новой Конституции, в Верховный Совет Азербайджанской республики первого созыва были избраны депутатами трое из уроженцев Слободы — Я.Бадалов, работавший тогда председателем Кубинского райисполкома, М.Мушаилов, первый секретарь Шаумяновского райкома партии, и я — тогда первый секретарь городского райкома партии Баку. В тридцатые годы в Азербайджанской республике только на партийных должностях работали 11 представителей горско-еврейской национальности, из них четыре человека — первыми секретарями райкомов партии. Вот дистанция от до-революционного политического бесправия до руководящих партийных должностей в масштабе республики, пройденная за каких-нибудь 10—15 лет при советском строе!

Коммунистическая партия проводила выдвижение и расстановку кадров именно с четко установленных твердых классовых позиций, допуская некоторые исключения в отношении уровня подготовки для представителей национальных меньшинств. Она не только заботливо выращивала кадры, но и требовательно относилась к ним, к своим членам, к своим кадрам. В отношении соблюдения партийных, классовых принципов не могло быть допущено снисхождения. Забота и требовательность сочетались вместе. И если не все с таким трудом подготовленные, заботливо выращенные и вначале по заслу-

гам выдвинутые, достойно шли дальше, то только потому, что некоторые из них после своего выдвижения ограничились полученными первыми знаниями, перестали работать над собой, отстали или отступали от партийных позиций. Да, к сожалению, были и такие. Так что дальнейшее продвижение зависело во многом и от самих выдвинутых.

Подготовить кадры политических работников — это было важно, но это было не все. Коммунистическая партия ставила перед собою цель подготовить из представителей национальных меньшинств также в короткие сроки и высокообразованных специалистов для отраслей народного хозяйства, предоставить им для этого ряд преимуществ, таким образом подтянуть их — этих ранее совершенно отсталых — до уровня передовых народов.

К тому времени, а событие, о котором будет идти речь, произошло осенью 1927 года, в Слободе уже имелась школа-семилетка. Прошло всего семь лет со дня установления советской власти, и дети, ринувшиеся впервые в 1920 году в школу, теперь учились в седьмом классе, вернее, те из них, которым удалось продолжать учебу, ибо многие тогда после окончания 4—5 классов уходили из школы, чтобы помочь своим родителям в хозяйственных делах: нужда была еще большая. Поэтому до 7-го класса дошли, конечно, не все. Если продолжать учебу в принятые сроки, то необходимо было еще 3—5 лет для получения полного среднего образования. Далее надо было суметь поступить в вуз. А в те годы, когда этих вузов в стране было очень мало, поступить в них было нелегко. Потребовалось бы еще 10—15 лет, чтобы подготовить из представителей национальных меньшинств специалистов с высшим образованием. Партия избрала другой путь: исключительными мероприятиями, предоставляя ряд льгот и преимуществ, сократить в возможной степени эти сроки. С этой целью нацменсектором ЦК ВКП(б) и Советом Национальностей при ЦИК СССР в сентябре 1927 года в Москве было создано Первое Всесоюзное совещание по вопросам культурного строительства среди татов (горских евреев)¹, проживающих в СССР. От Азербайджанской республики ЦК Компартии Азербайджана командировал на этот съезд двух делегатов: Антона Соломонова, работавшего тогда секретарем райсовета депутатов трудящихся Красной Слободы, и меня — члена Президиума Кубинского укома комсомола, заведующего юно-

¹ И здесь, и в последующих главах автор часто употребляет оба названия народа: и «таты», и «горские евреи», в связи с таким обозначением приводимых в текстах партийно-правительственных документов (*ред.*).

шеской секцией укома в Слободе. Выступать с докладом от Азербайджанской республики было поручено мне.

Съезд открылся в Москве 22 сентября 1927 г. в Центральном польском клубе. Руководили съездом: заведующий нацменсектором ЦК ВКП(б) Диманштейн, от Совета Национальностей — Кулбеширов, а также представитель Наркомпроса РСФСР. На съезде присутствовали делегаты из Азербайджана, Дагестана, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии, некоторые студенты, проживавшие в Москве, а также члены Президиума общества «Захметкеш». (Это общество, а вернее, весьма малочисленное студенческое землячество, было создано из очень небольшого количества учащихся-студентов московских учебных заведений. Его деятельность заключалась в оказании помощи татской молодежи, приезжавшей в Москву для учебы, в оказании им материальной помощи через представительства республик, в трудовом устройстве их и т.д. Активистами этого общества были: Исая Бенъяминов — партработник, Ягудо Рувинов — работник Дагестанского постпредства, Нафтали Анисимов — научный работник, братья Кукулиевы, Илья Аронов, Соломон Агарунов — студенты, Сион Иосифов и Иосиф Анисимов — работники госучреждений. Это землячество существовало в 1930—1931 гг. К тому времени большинство его участников по окончании учебы разъехались в разные районы страны, а приезжавшие в Москву таты тогда уже не нуждались в такой помощи.)

Татское студенчество, среди них был и единственный мой земляк Заволун Якубов — студент КУТВа, тепло приветствовало своих товарищей из республик.

С докладом на съезде о национальной политике советской власти выступил Диманштейн. А до этого были заслушаны доклады с мест. Подчеркивая крупные успехи, достигнутые в Азербайджанской республике в результате правильного проведения национальной политики партии, я говорил также о наших нуждах и неотложных потребностях. В частности, по поручению комсомола, я ставил на обсуждение вопрос о введении в действие разработанного нами нового татского алфавита (более подробно об этой проблеме будет сказано в следующей главе) как важного средства для быстрой ликвидации неграмотности и развития культуры среди татов, а также о мерах, необходимых для подготовки ускоренным путем высокообразованных кадров из них. Это обосновывалось тем, что если в первые годы советской власти можно было, хотя и с трудом, делать первые шаги имеющимися тогда небольшими, к тому же малообразованными

силами, то сейчас, когда и потребности, и масштабы выросли, а задачи усложнились, без высокообразованных кадров двинуть дело было невозможно.

Ту же мысль высказали и все другие докладчики с мест. Съезд обсудил также вопрос об очередных задачах просвещения и вопросы языка, орфографии и письменности для татов.

Завершился съезд замечательной речью Надежды Крупской. Она приветствовала наш съезд от имени Наркомпроса РСФСР, напомнила об указаниях В.И.Ленина по вопросу национальной политики нашей партии, рассказала о том, какой бурный культурный рост наблюдается в областях и губерниях, с преобладанием национального населения, о той громадной работе, которая проделана за десять лет революции в области национального культурного строительства. Октябрьская революция, сказала она, подняла трудовые массы на борьбу за овладение культурой. Массы требуют знаний, возможности правильного школьного образования. В заключение Надежда Крупская особо приветствовала «татский комсомол», который стоит в передовых рядах борьбы за социалистическую культуру¹.

Съездом были посланы приветствия в адрес ЦК ВКП(б), газеты «Правда», ЦИК СССР, ВЦИК и Наркомпроса РСФСР.

¹ Газета «Правда» от 28 октября 1927 г., № 221. Газета «Известия» от 23 октября 1927 г., № 218.

ЛЬГОТЫ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ. НОВЫЙ ТАТСКИЙ АЛФАВИТ. ПЕРВЫЕ ГАЗЕТЫ И УЧЕБНИКИ НА ТАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Съезд отметил, что культурная работа, ведущаяся среди татов, является значительным достижением советской власти. Съезд высказался за перевод татских школ на родной язык, за организацию при существующих школах интернатов для детей бедноты. Для женщин съезд рекомендовал организовать кружки по самообразованию, специальные ликпункты и практические курсы.

Было принято решение о создании единого литературного языка татов, в основу которого предлагалось положить так называемое «среднее наречие», а именно дербентское. Было решено сохранить существующую графику, т.е. древнееврейскую квадратную письменность, усовершенствовать орфографию.

К нашему глубокому сожалению, наше предложение о принятии и введении нового татского алфавита на латинской основе, несмотря на острые дебаты, было отклонено, верх взяло стремление оставить в действии существующей еврейский алфавит, несколько реформировав его. Чувствовалось, что дело здесь не только в трудностях, которые могли возникнуть в связи с введением нового алфавита в других республиках, так как у них все еще не была проведена предварительная подготовительная работа, какая велась у нас в Азербайджане, но и в нежелании расставаться с древнееврейским алфавитом. Консерватизм имел еще большое влияние среди наиболее значительной части делегатов. (Новый татский алфавит, как будет видно из

следующей главы, был принят и узаконен, вопреки консерваторам, спустя полтора года, в апреле 1929 г. на Всесоюзном совещании, специально созванном по этому вопросу в городе Баку.)

Вся организационная и методическая работа по просвещению татов должна была сосредоточиться в Центросовнацмене.

Таты-горские евреи тогда числились в рубрике остальных народов. Их насчитывалось во всем Советском Союзе примерно 26 тысяч человек. И для такого маленького народа, для решения его насущных вопросов, для поднятия его культуры ЦК ВКП(б) созвал специальный Всесоюзный съезд!¹

Одним из наиболее важных результатов этого съезда стало то, что Наркомпрос РСФСР начал ежегодно выделять (бронировать) определенное количество мест в вузах, рабфаках и техникумах страны специально для трудящейся молодежи из числа татов — горских евреев с соответствующими льготами и со стипендией.

Начиная с 1928 года местные партийные, советские и комсомольские организации отбирали и направляли в указанные учебные заведения по полученной ими из Совнаца брони необходимый контингент. Отбор происходил исключительно по классовому признаку и организованно. Порой мы не находили грамотных, чтобы полностью заполнить выделенные места. В Слободе в 1928 году еще не было ни одного молодого человека с законченным средним образованием. Были лишь такие, кто только-только окончил 7 классов. Были также и взрослые с пятиклассным образованием. При отборе ни возрастного, ни образовательного ценза не было. Никого их тех, кто был послан по этим путевкам, обратно не возвращали. Их принимали и готовили для поступления в вузы.

Так татская молодежь на льготных условиях, даже без достаточного образования, получила реальные возможности учиться в вузах. Революция открыла им широкий путь к знаниям. Только из одной Красной Слободы ежегодно таким образом посылалось на учебу свыше 10—15 человек. Если до этого съезда в Москве учились всего 7—8 горско-еврейских студентов, то теперь, в начале 30-х годов, в вузах, техникумах, на рабфаках, в других специальных учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Баку, Краснодара училось несколько десятков их представителей — уроженцы Кубы, Баку, Дербента, Махачкалы, Нальчика, Грозного и др. Так начался процесс ускоренной подготовки высокообразованных кадров из представите-

¹ У меня сохранились тезисы некоторых выступлений и фотографии участников этого совещания.

лей горско-еврейского народа. И уже в первой половине тридцатых годов мы имели первый костяк высокообразованной интеллигенции — впервые в течение многовековой истории этого народа.

Из числа первых посланных тогда на учебу из Красной Слободы выросли и первые научные работники: Юханан Шаулов — первый доктор химических наук, Ревекка Ханукаева — первая татская женщина — врач, кандидат медицинских наук, и т.д. То же самое было в Дагестане, на Северном Кавказе. Тат с высшим образованием, тат — научный работник. Не было этого никогда прежде. Советская власть ускорила получение ими среднего образования, облегчила им путь в высшие учебные заведения, по сравнению с другими национальностями, создавая для них особые льготы и преимущества. Кажется, только недавно они делали первые шаги к знаниям. Вот как была преодолена эта дистанция огромного размера в короткие сроки.

Потребовалось всего 10—15 лет, чтобы подтянуть наш маленький народ — в прошлом закабаленный и бесправный, отсталый и угнетенный до уровня передовых народов страны.

Но вопрос о том, каким путем будет в дальнейшем развиваться культура этого маленького народа, на каком языке и с какой письменностью — не был еще снят с повестки дня.

Во второй половине мая 1925 года, будучи студентом рабфака, я впервые встретился с председателем АзЦИКа Самед Ага Агамалиоглы. Он был одновременно и председателем ВЦК НТА (Всесоюзный Центральный Комитет по введению нового тюркского алфавита). Его популярность и слава, как вдохновителя и организатора работы по введению нового (латинизированного) тюркского алфавита, известна не только у нас в стране, но и на всем Востоке. Я имел некоторое отношение к этому делу, и мне необходимо было проконсультироваться у него и заручиться его поддержкой.

Вот как обстояло дело. Сразу же после свершения Апрельской революции в Красной Слободе, как я уже сказал вначале, развернулась большая работа по ликвидации неграмотности среди населения. Тогда грамотных на русском языке среди восьмидесяти тысяч населения было всего десятка два-три парней, которые успели к этому времени закончить начальную русскую школу. Остальные же (а женщины просто все поголовно) были абсолютно неграмотными. Правда, среди мужчин было немало таких, которые в свое время учились в религиозных мектебах, где изучали на непонятном для них древнееврейском языке Библию и премудрости пророков, суть которых они едва

понимали. Эти «грамотные люди» в переписке между собой пользовались древнееврейским алфавитом. Будучи неграмотными в своем родном языке, они также далеки были от русской и азербайджанской культуры. Это подсказало нам — комсомольцам — вести ликбезы на родном языке, используя древнееврейский алфавит. Но нашу инициативу весьма затрудняла сама структура древнееврейского алфавита, состоящего из квадратных букв, да к тому же без гласных. Тогда мы смело и решительно пошли на самостоятельную местную реформу алфавита, ввели, не изменяя его структуру, свои обозначения для гласных звуков.

С первых же дней организации комсомольской ячейки в клубе очень активно и с большим успехом действовал любительский драматический кружок. На нас, активистов комсомола, легла задача удовлетворять потребности этого и других кружков в современных художественных произведениях. Я увлекался поэзией и драматургией, сочинял стихи, куплеты, песни, написал несколько пьес. Все это писалось на злободневные темы и отражало состояние нашей борьбы тех лет. Многие из моих сочинений носили печать еще недостаточной зрелости, но некоторые из них были опубликованы в бакинских журналах в переводе на русский язык. Среди них были и такие, которыми в своих трудах пользовался известный ленинградский профессор, исследователь татского языка Б.В.Миллер. В 1924—1925 годах я специально для нашего драмкружка перевел с азербайджанского на татский язык пьесу «Аршин мал алан». Переводами пьес и сочинениями стихов и куплетов занимались и другие наши комсомольцы — Давыдов, Соломонов, Рабинович, Хануков, Авадьяев. Таким образом, мы сами своими произведениями полностью удовлетворяли тогда потребность нашего поселка.

Но как быть с алфавитом, с письменностью? Выход был подсказан нам на примере азербайджанского языка. В 1923 году в Азербайджане началось движение за замену арабского алфавита новым, на основе латинского. Тогда и у нас возникла мысль разработать новый татский алфавит также на основе латинского. С учетом фонетического принципа и специфичности нашего татского языка нами был разработан такой алфавит. Мы обсудили это у себя в комсомоле, внесли нужные дополнения. Но алфавит не мог быть разработан для одного поселка, он должен быть принят всеми, кто говорит на этом языке, а таты проживают не только в Кубе, но и в Баку, и в Шемахе, и в Варташене, и не только в Азербайджанской республике, но и в Дагестанской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской респуб-

ликах и в других местах на территории Советского Союза. Это уже было дело всесоюзного значения, и по поручению нашей комсомольской организации я, находясь в Баку на учебе, должен был заняться этим вопросом. Вот почему я и записался на прием к председателю АзЦИКа Самед Ага Агамали-оглы. Я шел к нему с опаской, с робостью, а он принял и выслушал меня очень радушно, с большой заинтересованностью, полностью одобрил наше начинание, обещал свою всемерную поддержку, но советовал не торопиться, вести разъяснительную работу, заручиться поддержкой масс. Когда я, окрыленный его одобрением и обещанием поддержки, уже собирался уходить, Агамали-оглы заинтересовался моей учебой на рабфаке, спросил, легко ли мне учиться и какие предметы более всего меня интересуют. Я ответил на его вопросы и сказал, что больше всего я увлекаюсь математикой и этот предмет сравнительно легко мне дается. Он вдруг придумал экспромтом для меня одну задачу и предложил решить ее. Задача оказалась для меня нетрудной, и я тут же решил ее. Он похвалил меня и предложил выдать мне материальное пособие — 25 руб. (т.е. в размере моей месячной стипендии), что оказалось весьма кстати перед моей поездкой в Кубу на летние каникулы. Итак, с этих пор наша местная комсомольская инициатива приняла общереспубликанский, а потом, как дальше будет видно, и всесоюзный характер.

По указанию ЦК АКП(б) при ВЦК НТА была создана татская секция. Республиканские учреждения — Наркомпрос, научно-исследовательские организации стали систематически уделять внимание этим проблемам. Были созданы татские секторы при республиканском Обществе обследования и изучения Азербайджана, в АзГНИИ (Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт при АзЦИКе) при отделении языка, литературы и искусства, Кубинском отделении Азербайджанского правления ассоциации пролетарских писателей, для организации которого в Слободу специально приезжал поэт Сулейман Рустам, а также при Кубинском отделении Общества обследования и изучения Азербайджана при АзЦИКе. В Баку стали периодически проходить научные совещания по вопросу татского языка и орфографии: в июле 1928 года — орфографическое совещание, созванное АППО ЦК АКП(б) и Совнацменом; в июне 1930 года — терминологическое-орфографическое совещание, созванное АзГНИИ. Кроме автора этих строк активное участие в работе этих организаций и совещаний принимали А.Авадыев, А.Соломонов, Л.Лазарев, З.Шальмиев, Н.Ильканаев, Р.Рувинов и др.

По поручению Общества обследования и изучения Азербайджана в Кубу, в Слободу на продолжительное время дважды приезжал известный ленинградский ученый-лингвист, исследователь татской проблемы профессор Б.В.Миллер. Результаты его исследований были опубликованы в трудах: «Таты, их расселение и говоры»¹ и «О кубинском говоре татского наречия горских евреев Кавказа»². Это были глубокие исследования для того времени. В них, между прочим, он пишет: «В еврейском клубе я имел случай познакомиться... с местным молодым начинающим писателем Яковом Агаруновым, написавшим пьесу «Чья вина» («Təxsiŋ kini»), а также стихотворения «Сирота о своей жизни» («Jətim əz hol xuşdə») и «Горская девушка» («Duxdəŋ doŋi»). Оно, кстати, было напечатано еврейским алфавитом в газете «Захметкеш», № 10 от 10 августа 1928 года, как я узнал уже потом в Москве от Нафтали Анисимова». «Стихотворение «Сирота о своей жизни», в котором затронута тема уже советской действительности, представляет одну из первых попыток горско-еврейской молодежи использовать свой язык для стихотворчества в европейском вкусе. Метрический принцип этого стихотворения — слоговой...» Эти строки говорят о том, каковы были результаты его исследования и суждения за время его пребывания в Слободу.

Естественно, профессор Б.В.Миллер не мог в течение срока своего пребывания у нас ознакомиться со всеми нашими публикациями. В моем архиве сохранилось множество материалов тех лет, опубликованных на татском языке древнееврейским алфавитом. Сохранена, например, изданная в 1928 году Обществом по земельному устройству трудящихся евреев (ОЗЕТ) однодневная газета, посвященная 10-летию комсомола³. На первой странице этой газеты опубликовано мое стихотворение, посвященное памяти Ленина, на второй — небольшая статья «Зэн джуһур вә Октябрь» («Горская еврейка и Октябрь») Шушаны Мейровой, ставшей впоследствии моей супругой.

¹ Изд. Общества обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1929 г. № 8, вып. УП.

² Записки Института востоковедения Академии наук СССР, I, 1932 г.

³ Руководитель Центра по изучению и документации восточноевропейских еврейских общин Иерусалимского университета профессор Мордехай Альтшулер посетил Якова Агарунова на его квартире в феврале 1992 года. Он был поражен, увидев в архиве Агарунова эту однодневную газету, и воскликнул: «Я ее искал по всему миру. Я не мог ее найти даже в библиотеке Конгресса США!» Он уезжал от Я.Агарунова под большим впечатлением от встречи с ним. «Я встретился с легендой», — сказал потом Мордехай Альтшулер. (Ред.)

Вопрос о новом алфавите вызывал большие споры и сильное противоборство. Один из недостатков древнееврейского алфавита, как было сказано выше, заключался в том, что в нем отсутствовали гласные буквы, в то время как татский язык отличается богатством именно гласных звуков. Речь шла, таким образом, о необходимости создания нового алфавита, фонетически более соответствующего нашему родному языку. Это было понятно всем — и защитникам, и противникам. Но поскольку еврейский алфавит был тесно связан с религиозным укладом и понятиями этого народа, ибо священные книги написаны этим алфавитом, то вопрос об алфавите стал по существу не вопросом реформы, а полной революцией и в области культуры, и в идеологии. Этой революции противостояло довольно сильное течение. Противоборствующие силы возглавлял в Москве научный сотрудник Института языка и литературы Академии наук СССР Нафтали Анисимов, в Грозном — преподаватель Закой Худайнатов, в Баку — Михаил Бен-Герарий, в Кубе — Яков Бираров и др. Они обвиняли нас — комсомольцев, сторонников нового алфавита, в национальной измене и т.д. Худайнатов не только был противником нового алфавита, но даже ратовал за «очищение» нашего татского языка от русских и тюркских слов, которые веками уже использовались народом, иногда мы даже не отдавали себе отчета, из какого языка они заимствованы. Например, русское слово «самовар» вошло в наш язык со времен внедрения в быту самовара и произносится у нас как «симовор». Худайнатов предлагал заменить его выдуманным им самим нелепым неологизмом «хюшлэндюш». То же самое он предлагал по поводу слов «паровоз», «пароход», «самолет» и др. и даже по поводу новых современных терминов, таких как «совет», «колхоз», «совхоз» и др. Эта была попытка сделать наш язык еще более непонятным, обособленным, нелепым. Борьба была, конечно, острая.

Все это я пишу не в порядке упрёка им, а лишь как историческую справку, показывая, какие течения тогда имелись, как, на какой почве и с каких позиций велась борьба вокруг создания татского алфавита и татского литературного языка. Вместе с тем я считаю своим долгом здесь отдать должное Нафтали Анисимову как первому лингвисту из горских евреев, который долгие годы посвятил изучению грамматики татского языка и его истории и своими научными трудами внес большой вклад в это важное дело. Нафтали Анисимов, который, как выше сказано, в конце двадцатых годов — и на съезде в Москве и на съезде в Баку — вел активную борьбу против при-

нения нового татского алфавита на основе латинского и ратовал за сохранение древнееврейского алфавита для горских евреев, чтобы якобы не разобщать их — единоверцев, к 1932 году, в результате тщательных научных исследований, пришел к выводу, что новый татский алфавит (на основе латиницы) является исторической необходимостью, большим преимуществом и победой. «Ә 1929 сал татгъо гъобул сохдәт тозә әләфбирә. И әләфби кәлә никини әри гъәммә гъәйм татгъо (жугъур, муслиму вә әрмәни)»¹. (Н. Анисимов. «Грамматик зуһун тати». Центроиздат. Москва, 1932 г.) В этом своем труде он уже убежденно, с научно обоснованных позиций, защищает идею создания единого литературного языка для всех татов Кавказа, независимо от их вероисповедания, считая, что все «таты (евреи, мусульмане и армяне) исторически составляют единый народ».

Вопросы ликвидации безграмотности и отсталости национальных меньшинств не могли быть законсервированы из-за этих споров. В частности, татской проблемой были заняты не только центральные и областные комитеты партии республик и областей, им уделял непосредственное внимание и ЦК ВКП(б), и другие союзные советские органы, хотя горских евреев насчитывалось к тому времени в СССР всего лишь 40—50 тысяч человек. То, что мы имеем сейчас — малочисленный, самый отсталый народ поднят до уровня передовых народов СССР, — является прямым результатом этих всесторонних усилий и забот.

Долгие годы мы пропагандировали новый татский алфавит, занимались разработкой терминологии и орфографии, были связаны с культработниками-татами из других республик, и когда вопрос был достаточно, на мой взгляд, подготовлен, и надо было законодательно ввести этот алфавит в действие, я в марте 1929 года письмом вновь обратился к Самед Ага Агамали-оглы, а также в Москву в Совет Национальностей СССР к Кулбеширову с просьбой о содействии в решении этого исторически важного вопроса. Ответ был скорый и положительный: 25 апреля 1929 г. в Баку была созвана по вопросу создания нового татского алфавита Всесоюзная конференция, на которой присутствовали компетентные представители всех районов страны, где живут таты — горские евреи, и представители научно-исследовательских учреждений. Эта Всесоюзная конференция прошла под руководством и председательством самого Самед Ага Агамали-оглы.

¹ В 1929 году таты приняли новый алфавит. Этот алфавит — большое достижение для всех татов (евреев, мусульман и армян).

На конференции прозвучали и голоса противников нашего нового алфавита, но тов. Агамали-оглы очень умело и в то же время политически остро показал революционный характер и практическое преимущество нового алфавита. Новый татский алфавит был принят торжественно, и комсомольская организация, которая была зачинщиком этого большого дела, заслуженно могла поздравить себя с победой.

Об этой конференции в газете «Бакинский рабочий» (№ 98, от 30 апреля 1929 г.) была напечатана информация следующего содержания.

«Новый алфавит для горских евреев. Закончилась конференция горско-еврейских культурных работников.

Конференция постановила полностью перейти на новый горско-еврейский (татский) алфавит латинским шрифтом. Принят проект унифицированного нового алфавита. Он состоит из 30 латинских букв.

Предстоит издание новых учебников для горско-еврейских школ. Организована секция по выработке диалекта и принятию общего говора, понятного всем горским евреям (азербайджанским, дагестанским и северокавказским), так как все они говорят на одном наречии, но с разными акцентами. Издающаяся в Дербенте горско-еврейская газета «Захметкеш» постепенно будет переходить на новый алфавит».

Судьба возложила на меня задачу не только быть одним из инициаторов, но и практическим проводником решений этой конференции в жизнь.

В это время Дагестанским обкомом ВКП(б) в Дербенте издавалась первая периодическая газета на татском языке «Захметкеш». Редактировал эту газету Асоил Бинаев, человек с интересной судьбой. Фактическим вдохновителем и организатором этой газеты был революционер-подпольщик, выходец из дербентских горских евреев Ехиил Мататов. Тогда он работал секретарем Дагестанского ЦИКа. Мы с воодушевлением приветствовали эту «первую ласточку». Мое приветствие было опубликовано в газете, и с тех пор я и другие наши активисты стали активно в ней сотрудничать. В то же время Е. Мататов начал вести со мной переписку по поводу направления газеты и настойчиво приглашал меня в Дербент для «ответственной работы» в газете. На Всесоюзном совещании в Баку в числе других делегатов был и А. Бинаев. Он продолжил этот разговор, не скрывая и трудностей. Через некоторое время ЦК КП Азербайджана прислал в Кубинский уком партии письмо Дагестанского обкома ВКП(б) с прось-

бой командировать меня в его распоряжение для ответственной работы в газете «Захметкеш». Теперь требовалось мое согласие. В то время я работал в аппарате Кубинского укома партии на ответственной партийной работе, и поэтому для меня лично переходить на другую работу, да еще в другую республику не было никакого резона. Но необходимость двинуть вперед дело развития татской литературы, внедрения нового татского алфавита взяла верх, и я (с одобрения слободских комсомольцев) дал свое согласие.

Газета «Захметкеш» выходила на реформированном и все же очень неудобном древнееврейском алфавите. И огромное большинство читателей в Дербенте (на них в первую очередь и была рассчитана газета) еще совершенно не знали новый татский алфавит. Хотя Е.Мататов переписывался со мною на этом новом алфавите, видно было, что в Дагестане новый татский алфавит далеко еще не был внедрен так, как это было в Азербайджане. Поэтому нельзя было перевести газету сразу на новый алфавит, и я для пропаганды и быстрого распространения стал публиковать на страницах газеты новый татский алфавит, разъяснять обозначения букв и их сравнение со старым алфавитом, а через некоторое время стал публиковать и коротенькие, мною написанные статьи на новом алфавите. Но этого было весьма не достаточно. Трудность заключалась в том, что здесь, в Дагестане, не были своевременно проведены, как это было в Азербайджане, необходимые мероприятия как в ликбезах, так и в вечерних и дневных школах по внедрению нового татского алфавита. Может быть, поэтому А.Бинаев не был таким уж рьяным сторонником перевода газеты на новый алфавит.

В августе в Дербенте проводились Всесоюзные курсы-совещания учителей татских школ. Здесь были и мои старые знакомые по бакинскому съезду — Закой Худайнатов и другие, а также и еще незнакомые педагоги из Дагестанской, Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской республик. Беседы с этими товарищами подтвердили, что они еще не готовы к переходу школы на новый татский алфавит. К тому же я убедился в том, что Дербент, так же как и Куба, не в состоянии обеспечить должный успех работе газеты, поднять ее на такой уровень, чтобы она стала обслуживать всех горских евреев, проживающих на территории СССР.

Все это сделало для меня невозможным дальнейшее сосредоточение внимания этой газете, и я, с согласия Дербентского окружкома ВКП(б), через шесть месяцев работы выехал обратно в Кубу, где стал работать ответственным инструктором окружкома партии.

*Яков Михайлович Агапунов
(1982 г.)*

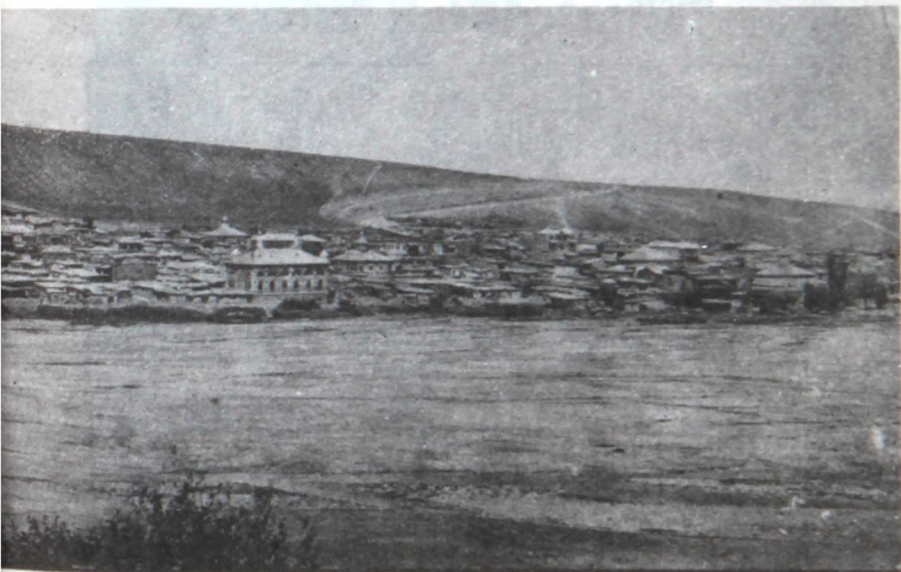

Илья Шербетович Анисимов
(1862—1928), исследователь этнографии горских евреев, автор капитального труда «Кавказские евреи-горцы» (1888 г.)

Профессор Нафтали-Цеви Александрович Анисимов, языковед
(1886—1966)

Еврейская Слобода в 1910 году.
Слева на переднем плане — мост
через реку Кудиялчай, соединя-
ющий Слободу с центром горо-
да Куба

Яков Агарунов в 1927 году

Новый татский алфавит на основе латиницы, утвержденный в Баку Второй Всесоюзной конференцией культработников-татов в апреле 1929 г. и публиковавшийся в сопоставлении с древнееврейским алфавитом в газетах «Захметкеш» и «Коммунист»

Taza ələfbi tati

A a א -	B b ב	C c ג	Ç ç ד	D d ד	E e ה
Ə ə א	F f פ	G g ג	Q q ק	H h ה	I i א
J j י	K k כ	L l ל	M m מ	N n נ	O o א ט
P p פ	R r ר	S s ס	Ş ş ש	T t ת	U u א
V v ב	X x כ	Y y א	Z z ז	H h ח	h h ח

*Представители татов средне-
го сословия (Дербент, 1908 г.)*

זחמתכש

ZAHMETKESH

„Захметкеш“

קימת פערפסיסכא:

קימת א 6 כפיש גזית חפדאי

ארי שחר בא אוונא זיגהאייגש א אכונא רסונדרכאן מהיו 16 כפיש

ול ודיראמרא דוייסון | רוז פאר שבת 3 אכתיאכר 1928 סל. | 3 OKTYABR 1928

סאנוויריא אדאי באדא ארי
האקס כ. ביאכטני
כא סאכא: אגסל-בא
הקיש יאשן סלעפער בית-
יטלי באשע אלשעט קיטשן וואסכא
אסור אן סקדעכער טעכטל בא נא-
גילא קער אן פערס אן וילא א-
כער יאשעני. סעסער איסו וו כער אן
כאכער בא סאכאלי גלייטשער גיל,
יטשן געגלייטשע וואסכא וואסער
פערס. די פערסער פוני טער-
סאנוויריא אדאי באדא ארי
האקס כ. ביאכטני
כא סאכא: אגסל-בא
הקיש יאשן סלעפער בית-
יטלי באשע אלשעט קיטשן וואסכא
אסור אן סקדעכער טעכטל בא נא-
גילא קער אן פערס אן וילא א-
כער יאשעני. סעסער איסו וו כער אן
כאכער בא סאכאלי גלייטשער גיל,
יטשן געגלייטשע וואסכא וואסער
פערס. די פערסער פוני טער-

5 אכתיאכר אבאל ווארא
אמאראניס ויאהילהאן או
דארא ביראטהאן
א 1907 ימון סאל
הער אדעכטער וואסכא טער-
די קערטער ארי סאכאלי כער דער-
סערס.
קארטער ארי סעסער יאשעני
קארטער סעסער יאשעני ארי סאכא
סאכא סעסער יאשעני ארי סאכא

א פיראהא תאהארבא
אז קאריש מאכלוק,
אראכי ארי ניסד סאכא
דאס כאט סוזירא.

א פערס דאריהא כאלא בא | סאכאליסטיכער ארי פראגאט באטראכטארא בא
ארי אן רחי סאכאליסטיכער ארי פראגאט באטראכטארא בא

Газета «Захметкеш», издававшаяся на татском языке древнееврейским алфавитом в Дербенте в 1928—1938 г.г.

Члены горско-еврейской секции
Кубинского уездного правления
Ассоциации пролетарских писателей
Яков Агафонов (сидит) и
Авадья Авадьяев (1928 г.)

Президиум Райсовета Красной Слободы (1926 г.)

Стоят (слева направо): Азарья Гильядов, Рафаил (Бабайхуна) Агарунов, Натан Абрамов, Бенил... (?)

Сидят: Пардил Пардилов, Яков Агарунов, Борис Зарбаилов, Антон Соломонов, Лазарь Лазарев

Яков Агарунов в период работы редактором газеты «Коммунист» (1936 г.)

Один из номеров газеты «Коммунист» на татском языке, издававшейся в Баку в 1934—1938 г.г.

QIMƏT 5 KƏPIK.

Proletarhoj ħəmmə ulkeho, jək neqit!

KOMMUNIST

Gazet MK va BK PH(ə)Az. | Газета ЦК и БК АКП(б) на татск. яз.

18 Dekabr

1936 s.

№ 71 (162)

Sal vädromorol səjmya

Gyrykmiş nə birə qədər vadəşəndəi doklad ħ. Stalin

Moskov, 15 (Az. TAG). Talaab ə kitob ə doklad ħərməli Stalinəvəz az tovon projekt Konstitutsijəi Sojuz SSR ədəj rasirə ə gyrykmiş nə birə qədərho. Ə partizdat MK HPK (b) omori talab soxdajho ari 35 million ekzempljar ani kitob.

Cəfəfə zarəi icrə zurbəjə qədər kitobhərə çəlb soxdə omorat lap dyryçdə dofusxonəhoj Moskov və Leninqrad (l-myn nuşəxənyə dofusxonəi «Krasnij Proletarij», «Pecatnij dvor» və jə çərgə başqəhojə). Hamməi ani dofusxonəho

tob vadəşəndəi təhmijn soxdəlyt həmmə talabhərə ə qəriş dekabr 1936 sal və janvar 1937 sal. I səhət vadəşəndə omori və fytsorə omori ə çigəho 3 million nim ekzempljar ani kitob.

Orj şkolə xundəgorho ədəvə dofus zarə omorə 4 million ekzempljar kitob, vacirə omorihə ə dyryçdə şrifəvəz (ħərf), ə barjələf Lenin və Stalinəvəz və surət ħərməli Stalinəvəz, ə sxeməhoj quruluş məmləkəti SSSR və zavərija organhoj hykumativəvəz ə Konstitutsijəi

Korsoxhoj rəh ohuni Boku bəhən soxdət plana

Otdelenijəi rəh ohuni Bok əz vaxd zu bəhəm soxdə salin plan mol dəşmiş soxdəi məmləkətiyə. Plan 398.785 vago və sistern (ə qarşuj plan porinə sal ə 385 hozor) əri 1: dekabr bəhəm soxdə omor 100,6%.

Ə urəvəz ə jəçigə korsoxho rəhohunij Boku imisəi rasirət jə çərgə barəsəho ə kor xəjə vəgyrdəi əz vəgonho, zijodson dəi kommərsijə və texnikijəi zurijə ħərakət soxdəi pojezdho, kəmə birəi prostəhoj və

Участники Первого всесоюзного совещания по вопросам культурного строительства среди татар (горских евреев), проживающих в СССР (Москва, сентябрь 1927 г.)

Стоят (слева направо): 1) Аронов (бюро «Захметкеш»), 2) —?, 3) Яков Агазунов (Азербайджан), 4) Бенъямина (не делегат), 5) Пинхасова (Дербент), 6) Измайлов (Моздок), 7) Ливиев (Нальчик)

Сидят: 1) Иосифов (бюро «Захметкеш»), 2) Галилова (Буйнакск), 3) Саввов (Совнацмен Наркомпроса), 4) Анисимова (Кизляр), 5) Исая Бенъяминов (бюро «Захметкеш»), 6) Радзивельский (Буйнакск)

Нижний ряд: 1) Антон Соломонов (Азербайджан), 2) Ташаев

(не делегат), 3) Заволун Якубов (не делегат)

Заседание Президиума конференции читателей комсомольской печати Кубинского уезда в клубе Красной Слободы (в центре стоит Яков Агазунов, 1928 г.)

Яков Агазунов (сидит в центре в среднем ряду) среди выпускников татарских курсов (г. Куба, 1931 г.)

Коллектив редакции газеты «Коммунист» на татарском языке и татарского отдела АзГИЗа (сидит третий справа Яков Агазунов, 1936 г.)

ЭМИЩМЕНЕ

ВЫПУСК КУРСАНТОВ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

г. КУБА 1931 г.

Уроженец Красной Слободы доктор химических наук, профессор Юханан Хаимович Шаулов (слева) и Яков Азарунов (1961 г.)

Народный писатель Республики Дагестан, заслуженный работник культуры РФ, классик советской татской литературы, писатель фольклорист Хизгил Давидович Авшалумов (справа) и Яков Азарунов (1981 г.)

Соломон Исраилович Азарунов (1903-1988), один из активистов бюро татского землячества «Захметкеш» в Москве

Государственный советник правительства Израиля, профессор-кавказовед Ицхак Давид (слева) на квартире у Якова Азарунова в октябре 1991 г.

Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджана С.Татлиев (справа) награждает Якова Агайевова в связи с его 80-летием

Е. Мататов, узнав после об этом, обратился ко мне с товарищеским письмом, в котором высказывал недовольство и просил меня вернуться теперь уже для работы ответственным редактором газеты, очевидно подумав, что я не ладил с Бинаевым. Письмо с подобным содержанием и предложением получил ЦК КП Азербайджана от Дагестанского обкома ВКП(б). Но я объяснил, в чем дело, и больше туда не вернулся.

Летом 1932 года я был переведен из г. Барды, где после Кубы я работал заведующим оргинструкторским отделом райкома партии, в Баку для работы в аппарате ЦК АКП(б) ответственным инструктором оргинструкторского отдела ЦК партии. Через некоторое время был выдвинут в этом же отделе заведующим сектором партийного строительства в плодоовощных районах. Тогда при Оргинстре ЦК КП Азербайджана существовали сектора по партийной работе в определенных зонах республики — хлопководческих, животноводческих, промышленных, плодоовощных, пограничных... Эти сектора занимались всеми вопросами партийного строительства в своих районах, в том числе и контролем за выполнением партийных решений. Здесь я практически находился в гуще тех важнейших вопросов, которые решались Центральным Комитетом, в том числе и вопросов, касающихся развития национальных меньшинств, населяющих Азербайджан.

Тогда, в 1932—1933 гг., в нашей среде, теперь уже в кругах республиканских работников, — я имею в виду работников и нацменсектора АзЦИКа, и отдела пропаганды ЦК, и других, — стал настойчиво обсуждаться вопрос о культурном объединении татов «трех религий» — иудейской (горские евреи), мусульманской (жители Апшерона — Балаханы, Сураханы, Даглы, Хизинцы и др.) и григорианской (жители сел. Кильвар, Матраса и др.). Речь шла об объединении их, независимо от вероисповедания, на основе единого и общего татского языка в одну культуру с единым новым татским алфавитом. Это было очень подкупающее предложение.

Я сейчас не помню, кому конкретно первому и когда пришла в голову эта мысль. В моих записках в правительственные органы по поводу развития татской литературы, я еще в 1927—1929 гг. часто подчеркивал необходимость такого культурного объединения всех людей, говорящих на татском языке, имел в виду и их территориальное расположение: таты-христиане и таты-мусульмане живут только на территории Азербайджана, а таты — горские евреи также в основной своей массе в Азербайджане и Дагестане. При этом мы исходили

из того, что таты — горские евреи веками общались с татами-мусульманами, легко понимают друг друга, а обычаи и нравы, кроме религиозных, одни и те же. Что касается татов-христиан, то я лично убедился в том, что между нами также нет большой разницы в наречиях. В мае 1928 года, будучи пропагандистом Кубинского уездного комитета партии, я находился в командировке в сел. Кильвар Дивичинского дайра¹, где живут исключительно таты-христиане, и «вынужден» был читать им лекцию на татском языке, ибо русский язык они тогда знали плохо, а на азербайджанском читать мне самому было не очень легко. Затруднение было в разных произношениях некоторых слов и наличии в моем лексиконе нескольких слов из древнееврейского языка. Эти трудности могли быть легко устранены. Сами кильварцы в быту говорили исключительно так же, как и мы, на татском языке, только в церкви молились по-армянски. Эти доводы были приведены в моих записках. Тем не менее все съезды, совещания, которые проводились по вопросу татской культуры, подчеркнуто предназначались лишь как для татов — горских евреев. А тут очень активно стал муссироваться вопрос о «татах трех религий».

Следует сказать, что после Всесоюзного съезда в Баку в апреле 1929 г. в Москве в ОГИЗе стали проявлять инициативу в отношении издания, главным образом, учебников для татских (горско-еврейских) школ. Большую активность здесь развил уроженец Дербента Зоволун Бахшиев. Однако он был здесь в единственном числе и далеко от горско-еврейской массы. Он был и автором, и переводчиком, и редактором, и корректором. Он не только не успевал, но в своей работе допускал много ошибок, невозможно было требовать от одного человека, каким бы он ни был активным, хорошего знания всего на свете. Ошибки были настолько грубыми, что использовать в практических целях эту литературу было нельзя. Например, фраза о том, что «пропаганда является **орудием** нашей партии в деле воспитания трудящихся», была переведена на татский язык так: «пропаганда является пушкой» и т.д. Несуразица, непонимание значения слов. Было чересчур много орфографических ошибок, потому что эти книги делались не горскими евреями, да и не было тогда разработанной орфографии, терминологии.

В этих условиях летом 1933 года председатель ОГИЗа Халатов обратился в ЦК КП Азербайджана с письмом, предлагая перевести

¹ Д а й р а — округ (азерб). (Ред.)

издание литературы и учебников на татском языке из Москвы в Баку, где сосредоточены основные кадры из татского населения. При положительном решении вопроса Халатов обещал обеспечить АзГИЗ соответствующей полиграфической базой, бумагой и средствами. ЦК КП Азербайджана положительно откликнулся на это предложение и своим постановлением от 23 ноября 1933 г. одобрил предложение о передаче издательства татской литературы из ОГИЗа в Азернешр (АзГИЗ) «в целях лучшего обслуживания литературой на татском языке татского населения АССР, ДАССР и Северного Кавказа». В то же время ЦК АКП(б) счел необходимым срочно разработать вопрос о терминологии, грамматике и т.п. для татов Апшерона, Кубы, Дагестана, Северного Кавказа, для чего создал комиссию в составе М.Гусейнова (КПО ЦК), Рухулла Ахундова (ин-т им. Шаумяна), М.Джуварлинского и Хулуфлу (НКПрос), А.С.Ибрагимова (БОНО), Я.Агарунова (оргинструктор ЦК) и Тринич (Азернешр). Состав этой комиссии говорил о том, какое важное значение придает этому делу ЦК партии: Рухулла Ахундов был самым крупным авторитетом на культурном фронте в Азербайджане, М.Джуварлинский работал наркомом просвещения республики, М.Гусейнов — заведующим отделом культуры и пропаганды ЦК и т.д.

Комиссия в полном составе собралась в рабочем кабинете Рухуллы Ахундова, и тут же встал вопрос: а надо ли, насколько целесообразно это для «всех татов». Два члена комиссии были татами: Али Ибрагимов — заведующий БОНО — тат-мусульманин, я — тат — горский еврей. Я умышленно говорил с ним на родном татском языке, чтобы еще раз продемонстрировать, что мы друг друга хорошо понимаем. Все поэты прошлых веков, даже Бакиханов, свои произведения писали на фарсидском языке, сходным с татским, но потом, когда стала развиваться и внедряться литература на тюркском языке, таты-мусульмане не стали выделяться, они имеют тяготение к тюркскому, т.е. азербайджанскому языку и культуре. Правда, и сейчас они в семье, в кругу друзей и близких с особенной любовью говорят на родном татском языке, но оторвать их от азербайджанской культуры и литературы невозможно, так же как и татов-армян — от армянской литературы и культуры. Другое дело таты — горские евреи, у них не было вообще ничего, не было никакого тяготения к какой-либо культуре и литературе, даже еврейской. Все эти контрпредложения даже тогда были очень весомы. Знаменитый азербайджанский драматург Джафар Джабарлы, тат-мусульманин, все свои вдохновенные произведения писал на азербайджанском языке, но он не от-

ришал, что с особенной любовью, конечно, для узкого семейного круга пишет маленькие сказки, небольшие стихи и на татском языке. «Тем не менее, — говорил он мне по-татски со своей снисходительной улыбкой, — не надо это дело затевать, ибо оно не имеет перспектив».

Комиссия собиралась два-три раза, ничего не решила, и дело повисло в воздухе. Но нельзя было из-за проблемы «татов трех религий» хоронить и положительное решение в отношении татов — горских евреев, которые пока еще (в те годы) не имели тяготения к литературе других национальностей. С такой запиской я обратился в ЦК, поскольку на меня был возложен контроль за выполнением указанного постановления.

После неоднократного всестороннего рассмотрения ЦК АКП(б) пришел к заключению, что необходимо перевести издание литературы на татском языке из Москвы в Баку, а также издавать в Баку **республиканскую периодическую газету на татском языке для горских евреев** (так и было подчеркнуто). Постановлением ЦК АКП(б) от 17 июня 1934 года я был командирован в Москву — в ЦК ВКП(б) и в ОГИЗ для практического решения всех вопросов, вытекающих из этого постановления: обеспечения бумагой, полиграфической базой, финансированием и др. (Письмо ЦК АКП(б) от 26 июня 1934 г. № 95/7). Я привожу все эти подробности, чтобы показать, через какие этапы, трудности и искания проходили вопросы и как ЦК КП Азербайджана, не щадя сил и времени, скрупулезно занимался всеми аспектами этого вопроса, чтобы найти правильное решение.

Так партийные органы республики шаг за шагом, преодолевая все возникающие препоны, решали вопросы, относящиеся к развитию национальных меньшинств.

С сентября 1934 года в Баку стала выходить газета «Коммунист» на татском языке — первое периодическое издание, а в Азернешре (АзГИЗ) стала издаваться впервые татская литература. И все это исключительно на новом алфавите.

Тем же постановлением я был утвержден ответственным редактором газеты на татском языке, которая получила название «Коммунист», и одновременно первым заместителем директора Азернешра по изданию литературы на татском языке. Возложение этих двух вполне самостоятельных и ответственных должностей на одного человека объяснялось тем, что мало было тогда подготовленных кадров из горских евреев. Это был весьма трудный, очень загруженный период моей жизни, но я с радостью нес эту ношу, зная, как она

нужна моему народу. Заместителем редактора работал Израил Давыдов. В редакции работали также Хануков, Зарбаилов, Шаулов, Аширов, Хананьяев, Рувинов, Шамаев, Мардахасев. Были привлечены опытные работники и из Дагестана — Семенов, Дадашев, Илизаров. Они же принимали участие и в работе татского отдела Азернешра. Кроме них там плодотворно работали Лазарев, Авадьев и другие. Каждый по мере своих сил с энтузиазмом выполнял возложенные на него обязанности. Трудно было не только с кадрами, у нас не было еще разработанной орфографии, терминологии, и все это надо было осуществлять на ходу, в процессе работы.

За короткий срок все первые 4 класса начальных школ, ликбезы были обеспечены всеми необходимыми учебниками на татском языке, были выпущены некоторые учебники и для старших классов, а газета сыграла важную роль в классовом воспитании трудящихся татов, в вовлечении их в активную борьбу за успешное строительство новой жизни, в создании татской интеллигенции.

Очень ответственная и небывалая по своим масштабам задача была возложена на нас, молодых еще, а некоторых — совсем и без опыта, работников.

Расцвет талантов, который начался с первых же дней советской власти, принял еще более широкий характер, когда в распоряжение моего народа были предоставлены и алфавит, и газета, и книги, и производственная база для их издания, в общем, все необходимое для того, чтобы перешагнуть через многовековую отсталость и постепенно подняться до уровня передовых народов страны. Также в своеобразную нашу «производственную базу» был превращен клуб им. Ильева, который находился по соседству с редакцией. Именно здесь прошли хорошую школу великолепные поэты, писатели, переводчики, актеры, музыканты, шахматисты, певцы, многочисленные кадры интеллигенции, специалисты разных отраслей, партийные, советские, хозяйственные работники и пр. За каких-нибудь 15 лет советская власть дала горским евреям то, чего они не могли иметь в течение веков. Причем, все это именно в первые полтора десятилетия, когда наша страна находилась в состоянии восстановления народного хозяйства после гражданской войны и иностранной интервенции, в период голода и разрухи, когда у нее еще было много нерешенных серьезных общегосударственных проблем. Во всей стране проживало всего 40—50 тысяч представителей моего народа, т.е. только 0,03% от общего количества жителей СССР, и какое огромное внимание их развитию! Два всесоюзных съезда, десятки научных сове-

щений, сколько значительных и не очень больших практических мероприятий государственного порядка — все это для того, чтобы ликвидировать вековую отсталость и бесперспективность этого маленького народа. Не только ликвидация в исторически короткий срок безграмотности одной из самых культурно отсталых народностей страны, но и появление в этот же период первой прослойки интеллигенции и культурных и хозяйственных кадров из среды горских евреев — все это было результатом огромной созидательной работы коммунистической партии в первые десятилетия существования советской власти, результатом успешного решения национального вопроса тогда в СССР.

К сожалению, в трудах, изданных в последние годы в Баку по вопросам национальной политики, ни слова не сказано об этой роли ЦК Компартии Азербайджана, о его работе среди национальных меньшинств. Будущий исследователь при внимательном отношении к архивным документам будет иметь дело с богатейшим материалом тех времен, говорящим об очень интенсивной деятельности партийной организации Азербайджанской республики в деле ликвидации отсталости среди национальных меньшинств, населяющих нашу республику. О том, какую большую роль выполняли республиканская газета «Коммунист» на татском языке и татский отдел Азернешра в те годы, расскажут будущему исследователю архивные страницы этой газеты и изданная тогда литература.

ЧТО ДАЛА СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ МОИМ СОРОДИЧАМ

А как выглядит сегодня Красная Слобода города Кубы, которая являлась основным объектом нашего повествования? Пятьдесят два года, чуть больше половины века, жизнь только одного поколения отделяет нас от тех дней, когда юноши, начавшие свою «взрослую» жизнь во время революционной ломки устоев прошлого, под руководством коммунистической партии взялись активно перестраивать жизнь жителей Слободы. Сравнить трудно, очень уж далеко ушли.

За эти годы сотни семейств переселились из Слободы в Баку и в его рабочие районы, в новый индустриальный город республики Сумгаит и влились в ряды рабочего класса. Многие переехали в Хачмас, в Дербент, в другие города Советского Союза, а также, конечно, и в Москву. В настоящее время в Хачмase проживают более двух тысяч слободчан, в Сумгаите — около тысячи человек, в Баку, вместе с ширванскими горскими евреями, около пятнадцати тысяч человек. Около десяти тысяч человек из Слободы за эти годы переселились и в другие города, но тем не менее и сейчас в Слободе живет не менее 8 тысяч, т.е. не меньше того, что было в двадцатые годы. Это яркий результат коренного улучшения социальной и экономической жизни, что и сказалось на резком снижении смертности, в особенности среди детей, и увеличении рождаемости. Плотность населения, в результате увеличения территории в два раза, значительно уменьшилась, и сейчас нет той скученности, какая была прежде.

Если окраиной Слободы в двадцатые годы было здание русской начальной школы, то сейчас оно оказалось посередине поселка. На территории «сэр джи» — зеленой поляны, «кирохонэ» — где выра-

батывали кирпич, «гассабхана» — бойни, равной по территории старой Слободе, выросли до селения Мирзамедкент современные одноэтажные и двухэтажные дома, особняки с фруктовыми деревьями и цветниками во дворе. Построены новые современные здания школ и изысканный современный мост, соединяющий Слободу с городом.

Сейчас в Слободе нет бабок, знахарей, гадалок и мракобесов, со своими «питиками», «хейкалами», «овосу». Вместо этого появились больница, родильный дом, тубдиспансер, поликлиника, детская консультация, ветеринарная лаборатория, две аптеки, детские сады и ясли. Весь обслуживающий персонал этих медицинских учреждений, в том числе и врачи — уроженцы Слободы.

В Слободе нет ни одной «нубохунда», нет ни одного ликбеза, потому что нет уже неграмотных. Зато сейчас в Слободе есть пять школ: две десятилетние, одна семилетняя и две начальные, в которых учатся свыше 1000 детей. Педагоги этих школ — также уроженцы Слободы. Да и в самом городе Кубе немало слободчан — педагогов, врачей и других специалистов.

В Слободе сейчас всего одна синагога, что вполне достаточно для обслуживания всех верующих. Жители Слободы работают в колхозах, в совхозах, на консервном заводе, электростанции, мебельной фабрике, ковроткацкой, чулочной, трикотажной мастерских и в разных учреждениях. Для полного использования рабочей силы в девятой пятилетке предусмотрено строительство ряда новых объектов.

Выходцы из Слободы работают на консервных заводах Хачмаса, на предприятиях Сумгаита и Баку и в других городах Советского Союза. Среди них имеются и сталевары, и химики, и нефтяники, и другие квалифицированные рабочие.

Особенно разительны успехи на культурном фронте. Сотни слободских юношей и девушек получили высшее образование, еще больше — среднее и среднетехническое. Большое количество высокообразованных специалистов — выходцев из Красной Слободы — работает на промышленных предприятиях и культурных учреждениях Азербайджанской республики и за ее пределами. Из Слободы вышло 5 докторов наук, около двадцати кандидатов наук, большое количество партийных, советских, хозяйственных и военных работников. Едва ли можно найти в Слободе, а тем более в городе Баку среди переселившихся сюда слободчан, хотя бы одну семью, в которой не было бы детей с высшим или хотя бы со средним образованием.

От Слободы нищеты, от Слободы кабалы и бесправия до совре-

менных успехов — путь тернистый, но волнующе великолепный. Можно привести еще десятки других цифр и примеров, убедительно показывающих, чего добились граждане Слободы за эти годы во всех областях жизни — экономике, культуре и т.д. Но только ли цифры могут об этом рассказать? Может быть, еще более, чем цифры, интересны судьбы людей.

Вот один из жителей Слободы Бэбэ Довид, бывший бедняк, второразрядный чувячник. Из девяти его детей семь получили высшее образование. У портного Пинхоса Бэбэ Гуршума из восьми детей пятеро получили высшее образование. Кто из слободчан не помнит горемыку убогого Азаря Гадаша, который был настолько беден, что лишь в праздник позволял себе надевать чарыхи? Его сын Шабатай Шабатаев — инженер-технолог, проработавший десять лет начальником установки термического цеха на заводе, а теперь — научный сотрудник ВНИИГаза. Бенсион Натанович Мардахаев — сын жестянщика, сам бывший маляр, работает доцентом кафедры общей химии АПИ имени В.И.Ленина, кандидат химических наук. Сасун Якубов — внук обездоленного Илья Яхку, сын рабочего нефтеперерабатывающего завода им. Буденного, погибшего на фронтах Отечественной войны — доктор физико-математических наук, работает старшим научным сотрудником в Институте математики и механики Академии наук Азербайджана. Сын бедняка Ифраима Мамеджа, Асаф Юшваев — инженер, работает начальником смены электроцеха трубопрокатного завода в Сумгаите. Внук до революции безграмотного «лекаря» Исака Давида — Шумин Давидов преподает математику в средней школе города Сумгаита. Сын дровоноса Савелий Лазаревич Нисимов — учитель русского языка Кубинской средней школы, автор учебника русского языка для нерусских школ. Его статьи в республиканском методическом сборнике «Русский язык и литература в азербайджанской школе» говорят сами за себя. За последнее время он выступил с большими методическими разработками о проведении уроков по изучению ряда произведений Горького, Маяковского, Чехова¹. Вот, поистине, как говорится в «Интернационале»: «Кто был ничем, тот станет всем!» Остается добавить, что знаменитый курганский врач-ортопед, доктор медицинских наук Гавриил Абрамович Илизаров и доктор химических наук Юханан Шаулов также наши сородичи: первый — из Кусаров, второй — из Красной Слободы.

Таких же успехов достигли за годы советской власти горские ев-

¹ Газета «Бакинский рабочий» от 2 марта 1972 г.

реи и других поселений, а также те, которые проживают в городах Баку, Махачкала, Грозный, Дербент.

Так, за короткий срок советская власть подняла наш небольшой народ, в прошлом закабаленный, крайне бесправный и отсталый, к высотам современной науки и культуры.

Численность моих сородичей за годы советской власти по сравнению с дореволюционным периодом выросла в три раза, тем не менее она составляет, как уже было сказано, всего 0,03% от общего количества всего населения страны. Этот небольшой народ имеет теперь не только своих музыкантов-исполнителей, но и знаменитых композиторов (Манашир Якубов, языковед, Хизгил Ханукаев, Шимшун Аширов — все из Дагестана), не только своих танцоров, но и прославленных балетмейстеров (братья Израйловы — из Азербайджана), своих поэтов и писателей, воспевающих свою отчизну не только на родном татском языке, но и на русском и азербайджанском языках (Год Миер Мошиях, Гуршумов — из Азербайджана, Бахшиев и Хизгил Авшалумов — из Дагестана и др.), не только сотни высокообразованных специалистов различных отраслей, работающих в разных городах страны, но и несколько десятков кандидатов наук.

В настоящее время, конечно, никого не удивишь ни количеством людей, имеющих высшее образование, ни даже количеством кандидатов наук. Но когда речь заходит о численности докторов наук, то даже и в нынешние времена этот показатель определяет достижение довольно серьезных высот.

Официальных государственных статистических данных, позволяющих узнать, сколько же докторов наук вышло из среды горских евреев, нет. Автору пришлось буквально по крупицам искать и уточнять. Так у меня набралось 15 фамилий. Вот они:

1. Абрамов Шалум, уроженец Махачкалы, доктор биологических наук, работает заведующим отделом технологии ДагНИИ пищевой промышленности.
2. Агаев Семен, уроженец Кусаров, доктор исторических наук, работает в Институте истории АН Азербайджана.
3. Анисимов Нафтал Цеви, уроженец Дагестана, доктор филологических наук, работает в Институте востоковедения АН СССР.
4. Бабаев Юмтув, уроженец Буйнакса, доктор экономических наук, работает на кафедре экономики Дагестанского сельскохозяйственного института.
5. Бахшиев Дубия, уроженец Дербента, доктор исторических наук, работает в Москве заведующим кафедрой научного коммунизма.

6. Илизаров Гавриил, уроженец Кусаров, доктор медицинских наук, профессор, работал в г. Кургане.
7. Ихиллов Михаил, уроженец Махачкалы, доктор исторических наук, работает в Дагестанском филиале АН СССР.
8. Мишиев Данил, уроженец Красной Слободы, доктор химических наук, работает в ИНХП АН Азербайджана.
9. Рафаилова Хая Хизгиловна — доктор географических наук, работает в Москве.
10. Шаулов Юханан, уроженец Красной Слободы, доктор химических наук, профессор, работает в Москве (ГНИИ ХТЭОС).
11. Шарбатов Гильад, уроженец Баку, доктор исторических наук, работает в Москве в Институте востоковедения АН СССР.
12. Ханукаев Александр, уроженец Дербента, доктор технических наук, заведует кафедрой в Ленинградском горном институте.
13. Якубов Сасун, уроженец Баку, доктор физико-математических наук, работает в Институте математики и механики АН Азербайджанской ССР¹.

Уверен, что это — неполный список. Думаю, что есть еще 3—5 человек, на которых я просто физически не был в состоянии найти необходимых данных. Ограничимся пока этим. Много это или мало — 15 докторов наук? Все зависит от того, о каком народе идет речь и какова численность этого народа. Накануне социалистической революции горских евреев было, как мы уже отмечали, около 22 тысяч человек. Сколько же их сейчас? В статистических ведомствах точных данных нет, так как мои сородичи во время последней переписи записали свою национальность по-разному: многие — татами, некоторые — горскими евреями, а другие — просто евреями. Автору пришлось, взяв за основу государственные статистические данные, совершить довольно солидное турне, и, пройдя серьезные преграды, удалось установить примерную, но, по-видимому, близкую к истине цифру: всего в СССР в настоящее время проживают 75 тысяч горских евреев, т.е. в три раза больше, чем до революции. Сама эта цифра уже говорит о многом. Так вот, на народ с 75-тысячным населением — 15 докторов наук, т.е. один доктор на 5 тысяч человек. У нас в стране в настоящее время проживают 250 миллионов человек, и 24 тысячи из них — доктора наук, т.е. один доктор наук на 10 400 человек. Мой небольшой народ, который до революции был

¹ В рукописи автора приведен список почему-то из 13-ти человек. (Ред.)

вовсе неграмотным, не имел даже своей письменности, обогнал в своем развитии многие передовые народы нашей страны. Вот что еще дала советская власть моему народу!

Может быть, я повторяюсь, но это надо помнить всегда: мой народ был обречен на вымирание. Только недавно даже наши единоверцы — ашкенази — третировали нас, называя «быками» за нашу крайнюю отсталость. Появление хотя бы одного человека со средним образованием было чудом, редкостным экземпляром среди многочисленной толпы абсолютно неграмотных. На него указывали пальцем! Сейчас, через 50 лет после установления советской власти, получение высшего образования огромным количеством парней и девушек стало обычным явлением. Даже получением степени доктора наук никого не удивишь.

Все это свидетельствует о создании в нашей стране самых благоприятных условий для всестороннего развития способностей и творческой активности человека. Вот почему каждый из нас считает долгом своей чести и совести всемерно беречь и крепить дружбу со всеми народами нашей многонациональной державы, и в первую очередь, с великим русским народом.

Подлинное единство и братская дружба народов впервые в истории осуществлена у нас в СССР в результате Великой Октябрьской Социалистической революции и полной ликвидации всех форм угнетения и эксплуатации. Советская власть ликвидировала унаследованное от прошлого неравенство наций, покончила с вековой национальной рознью и враждой, добилась преодоления вековой отсталости народов и национальных меньшинств и за исторически короткий срок подняла их до уровня передовых народов. Наша идеология не допускает какое-либо противопоставление людей по национальному признаку. Возбуждение расовой или национальной вражды, ограничение прав граждан в зависимости от их национальной принадлежности карается у нас законом.

Экономический и культурный расцвет наций и народностей в СССР и социалистические преобразования привели к интенсивному общению людей разных национальностей, к постепенному их сближению. Все граждане нашей многонациональной страны, независимо от вероисповедания, едины в своих действиях, мыслях и планах.

Этот исторический процесс, естественно, в полной мере и во всех отношениях коснулся и моих сородичей — горских евреев.

Все наши дети школьного возраста поголовно учатся, причем наравне с другими на русском и азербайджанском языках, и весьма

успешно. Наши люди именно через русский язык, который стал для них вторым родным языком, общаются с мировой культурой. Наши поэты и писатели творят теперь не только на родном татском языке, но и на русском и азербайджанском языках.

Общение, сближение происходят во всех сферах человеческой жизни. Примеров тому много. Но я сошлюсь еще на один очень характерный факт. До революции, например, никакое другое преступление не считалось у нас таким тяжким, как смешанный брак. А сейчас это обычное явление, так как давно отошла в вечность «еврейская исключительность», а национальные предрассудки не являются более препятствием на пути к личному счастью. Браки между представителями разных национальностей растут из года в год. Достаточно сказать, что сын главного раввина бакинской синагоги раби Гюршума Мизрахи Исак женился на русской девушке, и от этого брака у них растут четверо прекрасных детей. Правда, по закону, принятому израильским кнессетом 10 марта 1970 г., внуки главного раввина, родившиеся от нееврейки, не признаются уже евреями, но у нас теперь это никого не огорчает и не волнует. Такова наша социалистическая действительность. Это, между прочим, говорит о том, что религия, вероисповедание и другие атрибуты старого мира перестали играть теперь существенную роль во взаимоотношениях советских людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нынешнее поколение молодых людей нашей страны живет в бесклассовом социалистическом обществе. Оно имеет хорошее образование, квалификацию, испытанный опыт своих отцов и дедов. И все же и сейчас приходится бороться с некоторыми оставшимися еще в сознании людей пережитками прошлого. Но для нас — первых комсомольцев молодой Страны Советов — это «прошлое» было настоящим. Это были не «пережитки», не призраки, а самые настоящие эксплуататоры — живые помещики, капиталисты, купцы, мракобесы, вооруженные интервенты, бандиты — создатели, носители и защитники несправедливого уклада неравенства людей. Несмотря на декреты и законы советской власти, они никак не хотели сдавать свои позиции, сопротивлялись отчаянно, с оружием в руках. У нас не было опыта борьбы с классовыми врагами, мы сами были неграмотными или малограмотными. Все приходилось познавать с азов. А давалось это нелегко. Тем не менее комсомольцы двадцатых годов под руководством коммунистической партии отчаянно боролись за реализацию первых декретов советской власти, за укрепление советского строя, против всякого вида эксплуатации, против религиозной и национальной розни, темноты и невежества. Это была отчаянная классовая борьба лицом к лицу с врагами. Нас преследовали, убивали из-за угла, забрасывали камнями, травили нас и наших близких. Такова была картина по всей стране.

Одним словом, и в Слободе происходило все то, что было характерным и для других районов. При всем своем разнообразии в различных районах, цели, задачи, методы борьбы и результаты были одинаковы для всех комсомольских организаций нашей обширной Родины.

Поэтому, чтобы не повторяться, я пишу только о том, что было специфичным и характерным для комсомольцев Слободы в борьбе за претворение в жизнь директив партии о работе среди национальных меньшинств. На примере одной, весьма небольшой Слободы можно воочию убедиться в том, какие крупные шаги в прогрессе сделаны в ходе строительства советского общества.

Теперь, когда я закончил свое повествование, я обращаюсь к моим молодым современникам — комсомольцам семидесятых годов. Все, о чем вы читали в этой книге, может показаться вам невероятным или наивным, потому что вы живете совершенно в иных условиях. Вам может показаться неправдоподобным, что каких-нибудь 50 лет назад в Слободе царили сплошная неграмотность, беспросветная темнота и суеверия. Нам, сородичам моего поколения, книга напоминает о том, какова была судьба наших родителей, и мы можем сопоставить, каково было наше детство и какими растут наши дети. Мы гордимся этими переменами, этими успехами.

Мои молодые сородичи! Ваши деды и прадеды были вечно гонимыми, бесправными, презираемыми. И вам была уготована такая же судьба. Но советская власть изменила мир и вашу судьбу, избавила вас от угнетения, открыла перед вами широкую дорогу к высокой культуре. Я с гордостью думаю о том, что такими, какие вы есть сейчас, вы смогли стать потому, что наше поколение с честью выполнило свою историческую миссию.

БАКУ

1972 г.

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Яков Михайлович Агарунов родился 25 апреля 1907 года в Азербайджане в поселке Красная Слобода Кубинского уезда. Отец — Михаил Яхку-оглы — занимался садоводством и огородничеством.

В 8-летнем возрасте Яков Агарунов был определен в русскую начальную школу, которую закончил в 1919 году. В том же году он закончил и свою 6-летнюю учебу (полный цикл) у раввина.

С первых дней после победы Апрельской социалистической революции в Азербайджане (1920 г.) активно включился в революционное движение молодежи. Был организатором первой комсомольской ячейки в Кубинском уезде и на ее организационном собрании 10 июня 1920 года был избран секретарем этой ячейки. До 1928 года, с перерывом на время учебы, работал на разных руководящих комсомольских должностях. Вплоть до 1931 года был членом президиума Кубинского окружного комитета комсомола.

В мае 1928 года был принят в члены КПСС. С того времени более 25 лет находился на руководящей партийной работе, в основном, на выборных должностях.

В 1928—1930 гг. работал пропагандистом, инструктором Кубинского окружного комитета партии, в 1930—1932 гг. — заведующим организационным отделом Кубинского, Бардинского райкомов партии. Летом 1932 года был переведен в Баку в аппарат ЦК КП Азербайджана ответственным инструктором ЦК, затем — заведующим сектором партийного строительства Оргинструкторского отдела ЦК КП Азербайджана. В 1938—1939 гг. работал первым секретарем городского райкома партии Баку, в 1939—1941 гг. — первым секретарем Орджоникидзевского райкома партии Баку.

На эту должность Яков Агарунов был избран благодаря своим

недюжинным организаторским способностям, так как этот район (известный под названием «Сураханы») — самый крупный нефтяной район Баку — сильно отставал, долгое время не выполнял государственного плана добычи нефти, что тормозило всю работу Азнефтекомбината. Коммунисты района под его руководством вели напряженную борьбу за освоение и внедрение новой техники и передовой технологии, за выявление и ввод в эксплуатацию новых нефтяных месторождений. В кратчайший срок район был не только выведен из прорыва, но и стал самым передовым нефтяным районом страны. За успехи в развитии нефтяной промышленности Яков Агарунов был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Газета «Правда» 29 января 1941 года посвятила целую страницу положительному опыту партийно-политической работы коммунистов Орджоникидзевого района.

В марте 1941 года, накануне Великой Отечественной войны, поскольку Баку являлся главной нефтяной базой Советского Союза, была учреждена должность секретаря Бакинского городского комитета партии по нефтяной промышленности. Яков Агарунов был выдвинут на эту ответственную должность. В первый год войны бакинские нефтяники, несмотря на все трудности, вызванные войной, дали стране 23,5млн. тонн нефти. Это была рекордная цифра за всю историю нефтяной промышленности республики. Никогда раньше и никогда позже Баку не добывал столько нефти. Яков Агарунов был награжден орденом «Знак Почета», как было сказано в Указе, «за образцовое выполнение задания правительства по увеличению добычи нефти, производству оборонных нефтепродуктов и боеприпасов».

Осенью 1942 года, когда бакинский нефтяной район страны находился в опасности, возникла необходимость срочно и интенсивно развивать добычу нефти в районах «Второго Баку». Для выполнения этой задачи ЦК КПСС направил Якова Агарунова секретарем Куйбышевского обкома партии. Туда же был направлен пятитысячный коллектив прославленных бакинских нефтяников с полным комплектом бурового оборудования, транспорта и строймеханизмов.

И вновь проявился организаторский талант Якова Агарунова. В жесткие сроки было проведено перебазирование пятитысячного коллектива, организация в зимних условиях встречи и размещения бакинских нефтяников, разгрузки нефтяного оборудования и пр. В первый же год совместной работы (1943 г.) бакинские и куйбышевские нефтяники увеличили добычу нефти на 42 процента, открыли и ввели в эксплуатацию пять нефтяных и газовых месторождений,

построили первый в СССР дальний газопровод и т.д. Свыше 100 куйбышевских нефтяников Указом от 24 января 1944 года были награждены орденами и медалями СССР. Яков Агарунов был награжден орденом Ленина «за образцовое выполнение задания партии и правительства по добыче и переработке нефти в трудных условиях военного времени».

Самой крупной исторической победой куйбышевских нефтяников следует считать открытие впервые в СССР в июне 1944 года в Яблоновом овраге Куйбышевской области нефтяных девонских отложений, что положило начало промышленной разработке невиданных по тому времени запасов нефти во Втором Баку. Значительную роль Якова Агарунова как непосредственного организатора этих работ неоднократно отмечали руководители нефтяной промышленности страны. Нефтяную эпопею Второго Баку Яков Агарунов отобразил в двух своих книгах, изданных в Баку: «Героические свершения азербайджанских нефтяников в годы Великой Отечественной войны» (1979 г.) и «Нефть и победа» (1991 г.); он также написал пьесу «Дальний горизонт», которую, к сожалению, так и не опубликовал.

В декабре 1947 года ЦК КПСС вновь вернул Якова Агарунова в Баку секретарем Бакинского городского комитета партии для восстановления бакинской «большой нефти». С 1963 года вплоть до ухода на пенсию (с 1971 г. Яков Агарунов персональный пенсионер союзного значения) работал заместителем директора Всесоюзного научно-исследовательского института по технике безопасности нефтяной промышленности.

За время своей партийной работы Агарунов неоднократно избирался членом руководящих районных, городских, областных и республиканских партийных и советских органов. Был членом ЦК КП Азербайджана, депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР. Избирался делегатом многих партийных конференций и съездов: делегатом X (май 1930 г.), XI (январь 1931 г.), XII (январь 1934 г.), XIII (июнь 1937 г.), XIV (июнь 1938 г.), XV (март 1939 г.), XVII (январь 1949 г.) и XVIII (май 1951 г.) съездов Компартии Азербайджана, VI съезда Закавказской парторганизации в 1934 году, а также делегатом с решающим голосом XVIII съезда ВКП(б) в 1939 году.

В свои юношеские годы наряду с комсомольской работой Яков Агарунов увлекался поэзией и драматургией, и сейчас можно смело утверждать, что именно он стал зачинателем татской литературы. Первое его стихотворение на татском языке «Ковтэр» («Голубь») было

опубликовано летом 1920 года в Кубе в первой стенной газете древнееврейским алфавитом. (Впоследствии оно неоднократно появлялось в различных сборниках как первая поэтическая публикация на татском языке.) В нем автор отождествляет свой забитый, угнетенный народ с уснувшим голубем и призывает его расправить крылья для полета, пробудиться к новой жизни. В том же 1920 году в Кубе любительским драматическим кружком татской молодежи был поставлен спектакль по пьесе Якова Агарунова «Царь, поп и богач» — сатирической комедии, высмеивающей главных столпов уходящего мира. Затем он написал значительное количество стихов, пьес, песен, среди которых есть и лирические, и назидательные, и для детей. Но все же большинство из них писались на злободневные темы и отражали состояние борьбы тех лет за лучшую жизнь. Сам Яков Агарунов так писал о своих ранних произведениях: «Некоторые из них носят печать еще недостаточно зрелого автора; из многочисленных пьес только одну — «Чья вина?» («Слезы радости») — могу назвать отвечающей законам драматургии».

Ранние его стихотворения появлялись в стенных газетах, в юбилейных однодневных газетах, одно из них — о Ленине — в переводе на русский язык в журнале Союза писателей, некоторые другие — в трудах исследователя татской проблемы профессора Б.В.Миллера, который приезжал в Кубу из Ленинграда специально для ознакомления с начинающейся татской литературой.

В 1923—1924 гг. в Азербайджане началось движение за замену арабского алфавита новым на основе латинского. Вдохновителем этого движения был председатель АзЦИКа Самед Ага Агамали-оглы, который и стал председателем Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита (ВЦК НТА). Яков Агарунов был у него со своим вариантом татского алфавита — на латинской основе. И как одному из авторов Якову Агарунову суждено было стать также сборником и проводником в жизнь нового татского алфавита. В сентябре 1927 года он был командирован Центральным Комитетом КП Азербайджана в Москву на I Всесоюзное совещание по вопросам культурного строительства среди татов СССР, где в своем докладе развил идею перехода на новый алфавит и получил одобрение многих присутствующих.

В те годы Яков Агарунов принимал активное участие в работе научно-исследовательских учреждений республики: был членом татской секции Отделения языка, литературы и искусства АзГНИИ при АзЦИКе, членом Кубинского отделения Общества обследования и

изучения Азербайджана при АзЦИКе, членом Кубинского правления ассоциации пролетарских писателей, участником орфографического совещания, созданного в Баку 27 августа 1928 года АППО ЦК КП Азербайджана и Совнацменом Наркомпроса, терминологическо-орфографического совещания татского языка при АзГНИИ 24—27 июня 1930 года и т.д.

По инициативе Якова Агарунова (он в марте 1929 года обратился с письмом к председателю АзЦИКа Самед-Ага Агамали-оглы и в Совнац СССР Кулбеширову) 25 апреля 1929 года в Баку была созвана Всесоюзная конференция по вопросу нового татского алфавита. Яков Агарунов был избран в состав пятерки при ВЦК НТА. Новый алфавит был принят, и решения этой конференции он начал проводить в жизнь, работая в первой татской газете «Захметкеш» в Дагестане (по просьбе Дагестанского обкома ВКП(б) Агарунов был командирован на несколько месяцев Центральным Комитетом КП Азербайджана в Дербент на работу в качестве заместителя ответственного редактора газеты «Захметкеш»).

Начальные школы были переведены на родной язык, нужны были учебники, художественная и детская литература. ОГИЗ (Москва) не был в состоянии удовлетворить эти запросы. Поэтому Секретариат ЦК КП(б) Азербайджана еще 23 ноября 1933 года, обсудив предложение ОГИЗа о передаче издательства литературы на татском языке в Азернешр, дал свое согласие и создал для разработки вопроса о терминологии, грамматике и т.п. для татов комиссию, в состав которой был включен и Яков Агарунов.

20 мая 1934 года Бюро ЦК КП(б) Азербайджана приняло решение об издании в Баку первой периодической массовой газеты ЦК и БК АКП(б) на татском языке под названием «Коммунист» и утвердило Якова Агарунова ответственным редактором этой газеты. В июне 1934 года, в связи с переводом изданий татской литературы из Москвы в Баку, решением Бюро ЦК АКП(б) он был утвержден одновременно и заместителем директора Азернешра (АзГИЗ). Но Я.Агарунов продолжал оставаться на работе в ЦК АКП(б) до сентября 1934 г., так как требовалось определенное время для практической организации порученных ему новых работ. Для решения всех этих вопросов ЦК КП Азербайджана постановлением от 17 июня 1934 года командировал Агарунова в Москву в отдел культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б) и в ОГИЗ. Он был у Хавинсона (ЦК ВКП(б)), у Халатова (ОГИЗ) и у других лиц, от которых зависело решение издательских и других проблем. Вопросы бумаги и

полиграфической базы были сравнительно благополучно решены. Но главная трудность издания татской газеты и литературы на новом алфавите заключалась в отсутствии кадров, практического опыта и навыков, неразрешенности пока вопросов терминологии и др. Небольшая группа из 4—5 человек, которых Яков Агарунов умело подобрал для этой работы, вместе с ним трудилась на том, чтобы прямо по ходу дела создавать терминологию, разрабатывать орфографию, подбирать и подготавливать авторов, переводчиков.

В сентябре 1934 года стала выходить газета «Коммунист» на татском языке и началось издание татской литературы, в том числе учебников для начальных школ. Начинался период расцвета татской литературы, появились свои поэты, писатели, драматурги. Газета сыграла важную роль в воспитании политического сознания трудящихся татов, в вовлечении их в активную борьбу за успешное строительство новой жизни, в формировании татской интеллигенции.

На XIII партийном съезде в 1937 году Яков Агарунов как ответственный редактор газеты был избран кандидатом в члены ЦК АКП(б), а потом и членом ЦК АКП(б).

После избрания Я.Агарунова в мае 1938 года первым секретарем городского райкома партии Баку он оставил газету. К сожалению, публикации в ней как-то сразу потеряли остроту, и через полгода газета прекратила свое существование.

Профессор Иерусалимского университета Михаил Занд, один из известных специалистов в области изучения истории горских евреев, их культуры и языка, высказался так: «Яков Агарунов, по-моему, единственный из горских евреев, достигший такого высокого общественного положения». Но не это является основным в биографии Якова Агарунова, а то, что он безмерно любил свой маленький, но гордый народ. Являясь выходцем из самых его глубин, он очень остро переживал, видя бедность, убогость, малограмотность многих его представителей. Низкая культура — вот первый враг его народа.

Большая сила духа проявлялась в его бесстрашной, а иногда и беспощадной борьбе с теми, кто мешал осуществлению основной цели его жизни — поднять свой народ, поднять его культуру, дать ему образование, создать национальную интеллигенцию. Одним из основных виновников несправедливого положения своего народа он считал невежественное духовенство. С детских лет он хорошо изучил каноны еврейской религии и поэтому мог разоблачать этих мракобесов, говоря с ними на их же языке. Вырвать народ из-под их влияния

было одной из главных задач его жизни. (Между прочим, Яков Агарунов говорил своим близким: «Почитайте религию, но не слушайте раввинов».)

Не менее важной составной частью его жизни была борьба как с антисемитизмом, так и с постоянным спутником антисемитизма — сионизмом. Любое проявление антисемитизма со стороны должностных лиц пресекалось им всеми возможными способами, и в первую очередь через партийно-правительственные инстанции. И если антисемитов он считал врагами своего народа, то сионистов — его предателями. Он спрашивал у последних: почему его народ, тысячелетиями живший на этой земле, имея свой неповторимый, национальный колорит, свой язык, свои обычаи, нравы, обряды, должен все это потерять и выехать в Израиль, оставив могилы своих отцов, дедов, прадедов? Только потому, что у некоторых из предполагаемых его предков, причем «двухсполовинойтысячелетней давности», в жилах текла семитская кровь? Заставить народ забыть себя, потерять свой язык, свою культуру, да и весь свой облик — не предательство ли это? Это был самый трудный период в его жизни — время, когда он пытался вести борьбу с сионизмом и умолял своих людей не покидать родину.

Задача была трудна еще и потому, что для предотвращения отъездов необходимо было создать людям условия для трудоустройства, добиваться льгот для учащейся татарской молодежи и пр. В Красной Слободе по инициативе Я. Агарунова были открыты ковровая мастерская, небольшая фабрика по консервированию овощей и т.д. В 1948 году, уже после возвращения Якова Агарунова из Куйбышева в Баку, в Красной Слободе, также по его инициативе, была открыта школа-десятилетка (до этого после окончания 8-го класса желающим продолжить образование приходилось ходить в школу за несколько километров в центр — в г. Кубу).

И когда все же в последние годы его жизни начался выезд горских евреев из Азербайджана в Израиль, он в первую очередь обвинил руководство республики в искривлении национальной политики. В газете «Бакинский рабочий» от 25 января 1989 года была опубликована его статья под названием «Большая судьба маленького народа», где он воссоздал картину того, как в прошлом бесправный и подвергавшийся гонениям его народ встал вровень с передовыми народами страны. Цензура не пропустила концовку этой статьи — она сохранилась в его архиве и звучала так:

«Во второй половине 1938 года было приостановлено издание

газеты «Коммунист» на татском языке, а также художественной, политической, учебной литературы на этом языке. Школы с татского языка были переведены на русский или тюркский языки. В послевоенные годы наметились и другие негативные явления: кое-где была предана забвению интернациональная политика партии в деле подбора и выдвижения кадров на руководящие должности и в выборные органы из татов. До войны на руководящих партийных и государственных должностях в республике было 10—15 человек, а сейчас — ни одного. Начиная с 1926 года представитель Красной Слободы всегда избирался в члены АзЦИКа, и даже кандидатом в члены президиума АзЦИК. В составе депутатов Верховного Совета республики были три тата, а сейчас — ни одного. В Баку живут несколько тысяч татов, а в составе Баксовета нет ни одного. Даже по Краснослободскому избирательному округу депутат избирается не из татов. Совет Министров республики в последние годы ослабил свое внимание к поселку Красная Слобода. Не стало колхоза «XVI партсъезда», пришли в упадок мелкие промышленные предприятия, которые были размещены в помещениях бывших синагог, где в основном работали женщины. В результате сейчас в Слободе несколько сот неработающих мужчин и женщин, растет паразитизм и т.д.

Исправлять ошибки прошлого — это не значит, что надо восстанавливать сейчас все то, что было тогда — 50 лет тому назад. На мой взгляд, нет необходимости школы перевести вновь на татский язык и издавать для этого учебники, также издавать газету на татском языке. Но надо было бы восстановить издание политической и художественной литературы на татском языке, строго придерживаться указаний ЦК КПСС об избрании в руководящие советские органы представителей всех наций и народностей, широко вести пропаганду против фактов пренебрежения к интересам трудящихся национальных меньшинств, активизировать борьбу против всяческих проявлений шовинизма и национализма, антисемитизма и сионизма».

Он до конца жизни оставался стойким борцом за права своего народа.

Татским языком и литературным творчеством Яков Агарунов продолжал заниматься на протяжении всей своей жизни. Поразительно, где он находил для этого время при своей огромной загруженности, да еще и при том, что он постоянно всю свою жизнь работал над собой, учился: он имел глубокие знания инженера-

нефтяника, получил образование на историческом факультете педагогического института, закончил полный курс Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) и т.д. Уже даже беглое ознакомление с его архивным наследием даст представление о том, каким широким кругом вопросов он интересовался: политика, экономика, организация управления, история, лингвистика, основы поэтического и драматургического творчества и т.д. Он был страстным любителем книг, в основном художественной и исторической литературы. Но больше всего он интересовался судьбой своего народа: сохранилось много его записей по проведению в жизнь политики в отношении национальных меньшинств.

Скончался Яков Агарунов 31 мая 1992 года, оставив после себя значительный архив неопубликованных пока стихов, поэм, пьес, книг, множество документов. И самое достойное место в его архиве занимает татско-русский и русско-татский словари на 8 тысяч слов каждый, над которыми он работал более 30-ти лет.

Материалы его архива ждут своего опубликования.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
От автора	9
Историческая справка	11
Из прошлого горских евреев Кавказа.	
Образование Еврейской Слободы	26
Кровопрлитные предреволюционные годы (1917—1920)	37
Начало перемен.	
Первые комсомольцы Слободы.	
«Помощь голодающим Поволжья»	51
Преодоление антисанитарии, суеверий, религиозного дурмана.	
Авторитет молодежного клуба	62
Отпор антисемитизму и сионизму.	
Первые политические льготы	74
Ликбезы и школы на родном языке.	
Вовлечение женщин в общественную жизнь.	
«Дело о кубинских невестах»	83
Противоборство комсомола и духовенства	96
Борьба с безработицей.	
Забота о сиротах	102

Решение вопросов политического и культурного строительства.	
Первые кадры руководителей.	
Всесоюзный съезд культработников-татов	111
Льготы учащейся молодежи.	
Новый татский алфавит.	
Первые газеты и учебники на татском языке	119
Что дала советская власть моим сородичам	135
<i>Заключение</i>	142
Об авторе этой книги	144

АГАРУНОВ Я.М.

Большая судьба маленького народа (Воспоминания)
М.: «ЧОРО», 1995. — 154 с.: ч/б вкл. 16 пол.

ISBN 5-8497-0014-5

В книге рассказывается о жизни одного из малочисленных народов Кавказа — горских евреев, называемых также еще и татами.

Угнетенный, бесправный в недалеком прошлом народ, среди которого в течение веков практически не было ни одного грамотного человека, был разработанными специально для него мероприятиями в первые два десятилетия после установления советской власти поднят до уровня передовых народов страны.

Автор книги, уроженец города Кубы в Азербайджане, долгие годы находившийся на ответственных руководящих должностях, будучи непосредственным участником описанных в книге событий, делится своими воспоминаниями о том, как была ликвидирована вековая отсталость и безграмотность этого народа, как велась борьба с вредными обычаями и адатами, религиозным дурманом, как создавалась татская письменность, как зарождались татская литература и интеллигенция и пр. Все факты подтверждаются сохранившимися в архиве автора документами, которые до сих пор не были использованы в научно-исследовательской литературе.

Особенно ценным является то, что в книге названы имена многих участников событий того периода.

Интересен взгляд автора на историю происхождения своего народа и появления его на территории нынешнего Азербайджана, Дагестана и Северного Кавказа.

Книга, обладающая эмоциональным восприятием, вызовет интерес как у широкого круга читателей, так и у историков-кавказоведов.

Я.М.АГАРУНОВ

БОЛЬШАЯ СУДЬБА
МАЛЕНЬКОГО НАРОДА

(Воспоминания)

Редактор

Н.Лауфер

Художник

В.Н.Логинов

Технический редактор

Т.В.Фатюхина

Корректор

З.А.Тихонова

ЛР № 060147 от 20.11.91

Сдано в набор 04.01.95. Подписано в печать 23.02.95.

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,3 + ч/б вкл. Тираж 2000 экз.

Издательство «ЧОРО». Тел.: 939-21-20, 939-50-67

Производственно-издательский комбинат ВИНТИ

140010, Люберцы, Октябрьский пр-кт, 403

Издательство «Чоро» выражает благодарность сыну автора этой книги кандидату химических наук Михаилу Яковлевичу Агарунову, являющемуся правопреемным владельцем архива Якова Агарунова, за предоставление материалов к публикации.

Разбор текста рукописи, частичное его редактирование, распределение материала по главам, названия самих глав, отбор архивных фотодокументов для публикации и пр. — вся эта работа по выпуску в свет книги проведена Михаилом Агаруновым.

Готовятся к изданию сборник художественных произведений Якова Агарунова (в основном, цикл стихотворений на татском языке), его краткий очерк «Как создавалась татская литература (Воспоминания)» в переводе на русский язык, а также татско-русский и русско-татский словари на 8 тыс. слов каждый, над которыми Яков Агарунов работал в течение более 30 лет.

За подробностями обращаться по адресу:

370022 Азербайджанская Республика,
Баку, улица Самеда Вургунa,
дом 96, кв. 58.

Телефоны:

в Баку (8922) 95-40-87

(8922) 38-73-28

в Москве (095) 203-27-32

* * *

Часть фотографий любезно предоставили

Дина Салмановна Агарунова

и редактор газеты «Сай» (Баку)

Гаджи-Рафик Гаджиев

В ближайшее время выходит в свет на русском языке работа Якова Агарунова «Как создавалась татская литература (Воспоминания)». Отрывки из нее были опубликованы в Махачкале в альманахе «Наша советская Родина» на татском языке (1974—1977). Очерк был написан в ответ на весьма искаженные сообщения, появившиеся в центральной и дагестанской печати, об истоках возникновения и развития татской письменности и татской литературы.

В одном из писем Яков Агарунов восклицал:

«...Ну, сколько же можно повторять:

***Впервые** стихотворение на татском языке было опубликовано древнееврейским алфавитом в первой стенной газете в Кубе летом 1920 г. Называлось это стихотворение «Голубь». Оно было написано мною.*

***Самый первый** учебник на татском языке древнееврейским алфавитом вышел в свет в Баку в 1922 г. Учебник назывался «Таза школа» («Новая школа»), и составили его Магарик и Хаимович.*

***Самая первая** периодическая газета на татском языке стала издаваться в Дербенте древнееврейским алфавитом с мая 1928 г. **Первым** редактором этой **первой** газеты был Асаил Бинаев.*

***Самый первый** съезд культработников татов был проведен в Москве в сентябре 1927 г.; второй съезд проходил в Баку в апреле 1929 г.; конференция состоялась в Дербенте в августе 1929 г.*

*Частично татская литература стала выходить на новом алфавите в Москве с 1931 г. Полностью всю татскую литературу: политическую, художественную, детскую, и учебники, и газеты с использованием **нового алфавита на основе латиницы** начали издавать в Баку с 1934 года...»*

Подробно и весьма эмоционально обо всем об этом, со ссылками на официальные документы, с упоминанием имен большинства участников описываемых событий делится Яков Агарунов своими воспоминаниями в очерке «Как создавалась татская литература». В связи с тем, что очерк на татском языке был опубликован со значительными редакционными погрешностями, перевод на русский язык был выполнен по рукописи.

*Редакционный совет
издательства «ЧОРО»
продолжает осуществлять прием
материалов для публикации,
связанных с историей, этнографией,
культурной жизнью татов – горских
евреев Дагестана, Азербайджана
и Северного Кавказа, а также
произведений их ученых, поэтов,
писателей и драматургов.*

*Желающих принять активное
участие в осуществлении этих работ
просим связаться
с издательством по телефонам:*

**(095) 939-50-67
(095) 289-34-91
(095) 110-86-11 (факс)
(095) 978-21-30 (факс)**

*Председатель
редакционного совета,
директор издательства «ЧОРО»*

**АДИНЬЯГУЕВ
Манашир Шандович**

*117234, Москва,
Воробьевы Горы, МГУ,
сектор «Б», комната 127*

Яков Михайлович Агарунов (1907—1992) является одним из представителей, древнего, но весьма малочисленного народа, проживающего в горах Кавказа и исповедующего иудейскую религию. Их называют татами, а также и горскими евреями. Родился он в поселке Красная Слобода Кубинского района, где проживает основная масса этого народа в Азербайджане. Выходец из самых его глубин Яков Агарунов, благодаря своим недюжинным организаторским способностям, прошел путь от секретаря комсомольской ячейки в 1920 году в Кубе до секретаря обкома партии в Куйбышеве (1942—1948г.г.). Эпопею героических свершений азербайджанских и куйбышевских нефтяников в районах Второго Баку в годы Великой Отечественной войны он отобразил в своей книге «Нефть и Победа», изданной в 1992 году.

Яков Агарунов безмерно любил свой маленький, но гордый народ. Угнетенный в течение веков, бесправный и абсолютно неграмотный в основной своей массе этот народ всего за полтора десятилетия советской власти специально выработанными для него мероприятиями был поднят до уровня передовых народов страны. В исторически короткий срок он обрел свою письмен-

ность, стал выпускать учебники, художественную литературу и периодическую газету и уже имел первый костяк высокообразованной интеллигенции. Тому, какими путями совершался этот процесс, и многим другим интереснейшим событиям в жизни его народа и посвящена представленная читателю книга Якова Агарунова — непосредственного участника всех описываемых в книге событий, одного из инициаторов многих начинаний в области построения новой культуры, новой жизни татов — горских евреев и одного из практических проводников этих мероприятий в жизнь.

МОСКВА